Усятская россыпь

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ГАЗЕТА. АЛЬМАНАХ

Выпуск №17 апрель 2020 год

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ: 16+

1 – «Я – герой не татарский и не лакский, я – Герой Советского Союза!» - к 75-летию Победы, стр. 2;
2 – «219 успешных боевых вылетов» - к 75-летию Победы, стр. 3;
3 – Александр Макатревич: «Далеко от Москвы», «По обе стороны тропы», «Западный транзит» - проза и пьеса в стихах, стр. 4-9;
4 – Дмитрий Семенов: «Яша» - проза, стр. 10-12;
5 – Аделья Мачкова: «Чеченский синдром», «И наступит утро...», «Класс!» - проза, стр. 13;
6 – Иван Кожемяко: «Будь благословенно прошлое» - проза, стр. 14–17;
7 – Александр Васюнов: «Три жизни» Михаила Матренина», «Экипаж» - проза, стр. 18-21;
8 – Людмила Танкова: «Как Иван Иванович был самоубийцей», «Где их взять, мужиков-то?» - проза, сказки, стр. 22-25;
9 – Николай Скударнов: «Перевал», - проза, стр. 26-27;
10 – Владимир Неунывахин: «На глухаринном току», «Медведь» - проза, стр. 28-31;
11 – Владимир Черноусов: «Легче с любовью мечтать» – стихи, стр. 32;
12 – Светлана Третьякова: «Просочилось сквозь пальцы время» - стихи, стр. 33;
13 – Анатолий Гуляев: «Авантюра команды «Ух!..», - путешествия, стр. 34-39;
«На второй заход топлива бы не хватало...» - публицистика, стр. 40;
14 – Елена Регузова: «К нему всегда обращались люди» - публицистика, стр. 41;
15 – В. Ветров: «Подвиг продолжается» - публицистика, стр. 41;
16 – Александр Кремнев: «Цветы таёжные» - стихи, стр. 42;
17 – Евгения Шкаевая: «России милой тихая краса» - стихи, стр. 43;
18 – Вячеслав Елатов: «Окончание следует» - литературоведение, стр. 44-48;
19 – Виктор Бабарыкин: «История N-ого человека» - стихи, стр. 48;
20 – Нина Струц: - стихи, стр. 49;
21 – «Литературное объединение ЛиТерра большое!» публицистика, стр. 50;
22 - Владимир Шаров: «Товарищ офицер» - стихи, стр. 50;
23 – Николай Миронов: «Вынужденный жить», «Песни души» - проза, стихи, стр. 51-54;
24 – Надежда Шербакова: «Серафим» - проза, стр. 55;
25 – «Нужны ли мы обществу?» - слово редактора, стр. 56.

За годы Великой Отечественной войны дважды Герой Советского Союза Амет-Хан Султан совершил 603 боевых вылета, из которых: 70 – на штурмовку живой силы и боевой техники противника; провёл 150 воздушных боёв, в которых лично сбил 30 самолётов противника и 19 самолётов в составе групп.

«Я - герой...» стр. 2.

ООО Редакция «Литературно-художественной газеты Альманах «Усятская россыпь».
Юридический адрес редакции: 653013, РФ, Кемеровская область-Кузбасс, г.Прокопьевск, ул.Алмазная, д. 56.
ИНН/КПП 4223044383/422301001
ОГРН 1064223028572 от27.12.2006
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС12-1286 от 12.02.2007 г.
р/с 40702810900000001744
«БСТ-БАНК» АО
к/с № 3010 1810 000 000 000 706
БИК 043209706
р/с № 40702810900000001744
ОКПО 97770147
ОКАТО 32437000000
ОКТМО 32737 000
ОКФС 16
ОКОПФ 12300
ОКВЭД 22.1,22.11,22.12,22.13,22.15,51.47.2,58.13.1
Адрес издателя: 653013, ГСП, Кемеровская область, г.Прокопьевск, ул.Алмазная, д. 56.
Директор/гл. редактор: Гуляев Анатолий Николаевич
тел.: 8 906 987 1955
Технический редактор: Танкова Л.А.
Время сдачи в печать 27.04.2020г.: по графику – 14.00; фактически – 14.00.
Дата выхода 29. 04. 2020 г.
Адрес типографии: АО «Советская Сибирь», г. Кемерово, ул. Карболитовская, 1 «Г».
Газета распространяется на территории Кемеровской области.
Объём 14.0 п.л.; Заказ № ; Тираж 1000 экз.
Цена договорная.

Я – герой не татарский и не лакский, я – Герой Советского Союза!

Амет-Хан Султан - дважды Герой Советского Союза

Советский военный лётчик-ас, участник Великой Отечественной войны

Родился Амет-Хан 20 октября 1920 года в городе Алупка, в Крыму.

Отец – Султан Амет-Хан, лакец (родом из Дагестанского аула Цевкра-1); мать – Насибе, крымская татарка. По родителям, Амет-Хана считают своим национальным Героем как в Дагестане, так и Крымские татары. В советском паспорте и во всех прочих документах, не смотря на давление НКВД, Амет-Хан называл себя крымским татарином.

В 1937 году, после окончания неполной средней школы он поступил учиться в железнодорожное ФЗУ в городе Симферополе; одновременно начал учиться на лётчика в Симферопольском аэроклубе.

В 1938 году после окончания учёбы в ФЗУ, начал работать слесарем в железнодорожном депо города Симферополя; в этом же году успешно окончил учёбу и в аэроклубе, получил свидетельство пилота.

В феврале 1939 года поступил учиться в Качинскую Краснознамённую военную авиационную школу лётчиков имени А.Ф. Мясникова и, был призван на военную службу в РККА.

В 1940 году, после окончания Качинской ВАШЛ, в звании младшего лейтенанта и младшего лётчика был направлен для прохождения дальнейшей воинской службы в качестве младшего лётчика-истребителя в 122 ИАП (истребительный авиационный полк), откуда в скором времени был перераспределён в 4-й ИАП Одесского военного округа, дислоцировавшийся в Молдавии под Кишенёвом. Здесь произошло становление Амет-Хана как перспективного лётчика-истребителя: здесь он стал старшим лётчиком-истребителем, позднее и командиром звена самолётов-истребителей, заместителем командира авиаэскадрильи и командиром авиаэскадрильи. Летал на самолётах-истребителях И-15 и И-153.

Великую Отечественную войну встретил в Молдавии - в первый день её начала: 22 июня 1941 года – младший лётчик-истребитель 4-го ИАП – Амет-Хан Султан выполнил несколько боевых вылетов на разведку и штурмовку наступающего врага.

Осенью 1941 года Амет-Хан - прикрывает небо Ростова-на-Дону на самолётах-истребителях И-15/И-153.

Зимой 1942 года его полк переучивается на английские самолёты «Харрикейны» (поступившие в Советский Союз по «Ленд-лизу») и, Амет-Хан начинает воевать на этих самолётах...

С марта 1942 года 4-й ИАП был зачислен в состав частей ПВО (противовоздушной обороны), прикрывавших небо города Ярославля. Здесь Амет-Хан Султан одержал первую свою воздушную победу - 31 мая 1942 года, израсходовав в воздушном бою весь свой боезапас.., он таранил своим «Харрикейном» вражеский бомбардировщик «Ю-88»: таран выполнил снизу – «рубанул» крыло «Юнкерса» левой плоскостью своего самолёта... При этом крыло «Харрикейна» Ахмет-Хана - прорубив крыло «Юнкерса», застряло в нём. Вражеский самолёт загорелся и начал падать вниз. С трудом удалось тогда Амет-Хану выбраться из кабины своего самолёта и выброситься из неё с использованием спасательного парашюта...

За всем свершившемся в тот день в небе Ярославля с земли наблюдали очень многие ярославцы... Спустя несколько дней Амет-Хана вызвали в город Ярославль, где руководитель городского Комитета обороны наградил его именными наручными часами и похвальной грамотой.., при большом скоплении людей на площади, на которой, к тому же, были выставлены обломки «Юнкерса» которого сбил Амет-Хан. Немногим позднее за этот свой подвиг Амет-Хан будет награждён и орденом Ленина.

Позднее, вспоминая свой воздушный таран, Амет-Хан говорил, что совершил при этом ошибку: таранить «Юнкерс» ему нужно было сверху, нужно было бить врага колёсами своего самолёта, тогда у него был бы шанс сохранить свой самолёт. В 2010 году в городе Ярославле воздвигли памятник, увековечивающий подвиг Амет-Хан Султана в небе их города.

...Летом 1942 года, уже на самолёте Як-1, Амет-Хан воевал под Воронежём; а с августа 1942 года, летая на самолёте Як-7Б, принимает активное участие в Сталинградской битве. Здесь он окончательно зарекомендовал себя как признанный военный лётчик-истребитель - «ас»: был переведён в 9-й Гвардейский ИАП, своеобразной сборной советских лётчиков-истребителей «асов», созданного для противодействия аналогичным объединениям немецких лётчиков «асов». В состав этого элитного авиационного авиаполка вместе с Амет-Ханом вошли будущие дважды Герои Советского Союза: В. Лавриненков, А. Рязанов, И. Степанченко; будущие Герои Советского Союза: И. Борисов, Б. Ерёмин и другие.

В одном из своих воздушных боёв под Сталинградом Амет-Хан Султан был сбит и, второй раз - выбросившись из горящего и падающего вниз своего самолёта, спасся с помощью парашюта...

В октябре 1942 года Амет-Хан становится командиром 3-й авиаэскадрильи 9-го Гвардейского ИАП, в составе которого он воевал до окончания Великой Отечественной войны: За боевую тактику Амет-Хана – атаковать своего противника с высоты, командующий 8-й Воздушной армии, генерал Т.Т. Хрюкин, разрешил Амет-Хану нарисовать на фюзеляже своего самолёта стремительно летящего вниз орла...

Изучив и освоив американский самолёт «Аэрокобра», Амет-Хан на нем участвует в боях по освобождению от немецких захватчиков города Ростова-на-Дону и территории Кубани, в освобождении городов Таганрога, Мелитополя, Крыма.

24 августа 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР – гвардии капитану, командиру авиаэскадрильи 9-го Одесского Краснознамённого ИАП - Амет-Хан Султану, присвоено звание Героя Советского Союза, с вручением ему ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

В январе 1944 года, в паре со своим ведомым Героем Советского Союза И. Борисовым, Амет-Хан принудил к посадке на свой аэродром немецкий связной самолёт «Шторх». После короткого знакомства с кабиной «пленённого» самолёта, совершил успешный самостоятельный полёт на нём...

С лета 1944 года Амет-Хан, летая на самолётах Ла-7, участвуя в боях и сражениях по окончательному изгнанию войск противника с территории Советского Союза, участвует в боевых операциях в Восточной Пруссии и, боях по взятию последнего оплота фашистских войск и их логова – города Берлина.

Последний свой воздушный бой Амет-Хан Султан провёл 29 апреля 1945 года в небе Берлина, над вражеским аэродромом «Темпельхоф» - сбил фашистский истребитель «Фоке-Вульф - 190». Который стал 30-й одиночной воздушной победой Амет-Хана Султана и, 49-й групповой.

29 июня 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР, за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками – Гвардии майору, командиру авиаэскадрильи... Амет-Хану Султану присвоено звание - дважды Героя Советского Союза, с вручением ему второй медали «Золотая Звезда».

...В послевоенное время, после Победного окончания Великой Отечественной войны, по распоряжению Верховного главнокомандующего Советских Вооружённых Сил.., все военные лётчики (асы) добившиеся значительных успехов во Время Великой Отечественной войны были направлены и зачислены на учёбу в лётную Военно-Воздушную Академию (в Монино), в том числе начал учиться в лётной военной академии и дважды Герой Советского Союза – Гвардии майор Амет-Хан Султан.

Но проучившись первый год и первый курс, он подал рапорт с просьбой своего отчисления из академии, по собственному желанию...

В итоге, кроме отчисления его с учёбы из академии, он был уволен и с военной службы из армии...

В феврале 1947 года Амет-Хан Султан был принят на лётно-испытательную работу в ЛИИ (в городе Жуковском), лётчиком-испытателем: в 1949 году он являлся лётчиком-испытателем 3-го класса, в январе 1950-го года стал лётчиком-испытателем 2-го класса, а в сентябре 1952 года он был уже лётчиком-испытателем 1-го класса.

В июне 1949 года Амет-Хан Султан провёл испытания по дозаправке топливом в воздухе самолёта Ту-2. В конце этого же года, он проводит испытательные полёты самолёта-истребителя «И-320» разработанного в ОКБ Яковлева А.С.

23 сентября 1961 года Амет-Хан Султану было присвоено звание «Заслуженного лётчика-испытателя СССР».

1 февраля 1971 года при проведении испытательного полёта самолёта-лаборатории Ту-16 Амет-Хан Султан погиб, вместе со всеми членами своего экипажа... Похоронен в Москве, на Новодевичьем кладбище.

За всю свою лётную и лётно-испытательную работу Амет-Хан Султан освоил более 100 типов самолётов разных конструкций и модификаций, налетал 4237 часов.

За годы Великой Отечественной войны Амет-Хан Султан совершил 603 боевых вылета, из которых: 70 – на штурмовку живой силы и боевой техники противника; провёл 150 воздушных боёв, в которых лично сбил 30 самолётов противника и 19 самолётов в составе групп.

Награды:

- *Две медали «Золотая Звезда» Героя Советского Союза (24.08.1943, 29.06.1945);*
- *Три ордена Ленина (23.10.1942, 14.02.1943, 24.08.1943);*
- *Четыре Ордена Красного Знамени (31.07.1942, 13.10.1943, 20.04.1945, 03.02.1954);*
- *Орден Александра Невского (07.04.1944);*
- *Орден Отечественной войны – 1-й степени (20.01.1945);*
- *Орден Красной Звезды (05.11.1941);*
- *Орден Знак Почёта (31.07.1961);*
- *Лауреат Государственной премии СССР (1953 год);*
- *Многими медалями...*
- *Почётный гражданин города Алупка.*

Дагестанский поэт Расул Гамзатов в своей книге «Мой Дагестан» сообщает, что Амет-Хан Султан в беседе с ним говорил: «...Я – герой не татарский и не лакский, я – Герой Советского Союза! А чей я сын? Отца с матерью! Разве можно их отделить друг от друга?..»

Текст и фото взяты из открытых источников.

219 успешных боевых вылетов

Недбайло Анатолий Константинович - дважды Герой Советского Союза

Советский военный лётчик-ас, участник Великой Отечественной войны

Анатолий Константинович Недбайло родился 28 января 1923 года в городе Изюм (ныне Харьковской области Украины), в семье рабочего. После окончания неполной средней школы, в 1938/1939 годах поступил учиться в Краматорский аэроклуб, в мае 1941 года начал учиться в Ворошиловоградской военной авиационной школе пилотов и, был призван на военную службу в РККА.

В первые дни Великой Отечественной войны был эвакуирован в составе лётной школы в город Чкаловск (ныне город Оренбург), где и продолжил обучение на военного лётчика.

Лётную школу окончил весной 1943 года в воинском звании лейтенант (или младший лейтенант) и, был направлен на фронт в качестве лётчика.

В боевых действиях на фронте начал участвовать в марте 1943 года.

Принимал участие в боевых действиях на Южном фронте, 4-м Украинском и 3-м Белорусском фронтах в качестве лётчика, старшего лётчика, командира звена и командира авиационной эскадрильи авиационного полка штурмовой авиации, летал на самолётах Ил-2.

Принимал участие в Миусской, Донбасской, Днепровской, Никопольско-Криворожской, Крымской, Белорусской, Восточно-Прусской, Кёнигсбергской, Земландской фронтовых наступательных операциях. ПОБЕДУ встретил в Курляндии.

В своей боевой лётной практике и деятельности лётчик-штурмовик Недбайло Анатолий Константинович творчески применял разнообразные способы и методы ведения воздушного боя.

Через полтора года с небольшим боевой военной лётной службы, к октябрю 1944 года, командир авиационной эскадрильи самолётов-штурмовиков «Ил-2» гвардии капитан Недбайло А.К. совершил 130 боевых вылетов и нанёс значительный урон противнику, его боевой технике и живой силе...

Указом Президиума Верховного Совета СССР (№ 6247 от 19.04.1945 года) гвардии капитану Недбайло Анатолию Константиновичу было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

К апрелю 1945 года гвардии капитан Недбайло А.К. совершил ещё 89 боевых вылетов.

Указом Президиума Верховного Совета СССР (от 29.06.1945 года) ему присвоено звание дважды Героя Советского Союза, с вручением медали «Золотая Звезда».

После Победного окончания Великой Отечественной войны дважды Герой Советского Союза Недбайло Анатолий Константинович окончил лётную Военно-Воздушную академию в Монино и продолжал военную службу на различных командно-штабных должностях в Вооружённых Силах Министерства Обороны СССР. С сентября 1968 года по сентябрь 1983 года он являлся Заместителем начальника Киевского высшего военного авиационного инженерного училища.

В 1983 году, в возрасте 60-ти лет, генерал-майор авиации Недбайло Анатолий Константинович ушёл с военной службы в отставку.

Жил в городе Киеве, умер 13 мая 2008 года, похоронен на Войковском городском кладбище в городе Киеве.

Награды генерал-майора Недбайло А.К.:

- Дважды Герой Советского Союза – две медали «Золотая Звезда» (1945 год);
- Орден Ленина (1945 год);
- Три ордена Красного Знамени (1943, 1944, 1945 года);
- Орден Александра Невского (1944 год);
- Три ордена Отечественной войны - 1-й степени (1944, 1945, 1985 года);
- Орден Отечественной войны – 2-й степени (1944 год);
- Два ордена Красной Звезды (1943, 1982 года);
- Орден «За службу Родине в Вооружённых Силах» - 3-й степени (1975 год);
- Орден Богдана Хмельницкого – 3-й степени (Украина – 1995 год);
- Орден Богдана Хмельницкого – 2-й степени (Украина – 1999 год);
- Воинское звание – генерал-лейтенант авиации (Указ президента Украины).

Сочинения: Военные мемуары, книга «В Гвардейской семье».

«... – Итак, «специальники», – весело сказал Бикбулатов, обращаясь к лётчикам, которым предстояло выполнить специальное задание, – дело новое и сложное. Прежде давайте уясним маневр. Необходимо точно и в то же время скрыто выйти в заданный район. Вначале пойдём в разомкнутом боевом порядке, чтобы не утомить себя. Силы нам понадобятся над целью. За 15-20 километров от Миусы, над пунктом Н., переходим на бреющий полёт, а над вражеским берегом – «горкой», набираем метров 200 высоты.

Первый выброс химсостава произвожу я. Когда появится дымовая завеса, воздушные стрелки должны открыть огонь по огневым точкам противника.

На этом проработка «спецзадания» и подготовка к предстоящему сложному полёту закончилась.

И вот наши самолёты уже над целью. Под крыльями стремительно проносятся траншеи пехоты противника, их пулемётные гнёзда. Недбайло зорко следит за своим ведущим, чтобы не прозевать ответственный момент начала постановки дымовой завесы. Вот шлейф дыма вырывается из-под самолёта Бикбулатова: «раз, два, три... шесть, - отсчитывает в уме Недбайло и видит, что и второй лётчик его звена Калитин И.В., включил свои дымовые приборы вслед за командиром.

Мимо продолжают проноситься вражеские позиции, огрызающиеся пулемётным и пушечным огнём. Наши самолёты летят через этот огонь. – Одиннадцать, двенадцать... – продолжает считать в уме Анатолий Недбайло и только после этого дважды нажимает гашетку. С этого момента и его химзаряды начали своё дело...

В этот момент Бикбулатов «бросает» свою машину вначале вверх, затем мчится вниз и ведёт огонь из своих орудий по боевым позициям врага. Ведомые, следуя за ним, повторяют его действия. Снизившись до определённой высоты, командир выполняет новый резкий маневр и штурмовики, выполнив задание, поворачивают в строну своего аэродрома...

За успешное выполнение этого, непростого, задания, Анатолий Константинович Недбайло был награждён первой боевой наградой, орденом Красной Звезды.

А боевая работа и боевые полёты продолжались. 15 августа 1943 года, командир авиаэскадрильи Е.Е. Кривошлык собрал лётчиков и сказал им: «На аэродроме Кутейниково противник сосредоточил до 80-ти своих самолётов. Нашему полку поручено ударить по этому аэродрому тремя шестёрками. Одну из боевых групп приказано вести мне».

Командир эскадрильи определил состав своей шестёрки.

Анатолий Недбайло летел замыкающим в шестёрке комэска. Это был первый его

боевой вылет на штурмовку вражеского аэродрома.

– Только закончил я перестроение, - позднее рассказывал об этом полёте Недбайло, - как первая шестёрка стремительно пошла в атаку. За ней вторая... Ещё секунда... вот уже и мы обрушиваемся на вражеский аэродром.

Прослеживаю взглядом направление пикирования второй шестёрки; по отражению солнечных лучей обнаруживаю замаскированные стоянки вражеских самолётов.

Их самолёты стояли в каком-то беспорядке но, по группам. – Так вот он их аэродром, и вот их самолёты, - подумал я и вслед за своим ведущим ввёл в пике свой самолёт.

Но, взор, неотрывно прикован к самолёту командира, малейшее промедление, и наши бомбы пролетят мимо цели. Ещё мгновение и вниз полетели «эРэСы» с самолёта ведущего. Я делаю тоже самое...

На стоянке вражеского аэродрома вздыбились взрывы, во многих местах наружу вырвались языки пламени...

Снова слежу за действиями ведущего. Его самолёт выходит из атаки и, в этот момент из его бомболюка тяжёлыми тёмными каплями начинают падать бомбы. Вслед за ним я дважды нажимаю на копку сброса бомб, увеличиваю до максимальных обороты своего двигателя и бросаю взгляд влево, вправо, назад... Вновь вижу взрывы и клубы дыма на стоянках вражеского аэродрома; то там, то там вспыхивают новые языки пламени. Попал!

Впереди идущие шестёрки вторично заходят на цель. Вокруг них плывут разрывы снарядов зенитной артиллерии врага. А спустя несколько секунд и мы проносимся сквозь дым разрывов. Запах пороховой гари наполняют кабину моего самолёта. Вслед за командиром веду огонь из пушек и пулемётов самолёта. Ритмичная дробь то и дело пробегает по самолёту. Вражеские стоянки из-за пелены дыма просматриваются с трудом. Появляется ещё один мощный фонтан пламени...

После этой штурмовки самолёт Анатолия Недбайло был атакован самолётами истребителями противника. Но воздушный стрелок А.И. Малюк отбил все их атаки. Тем не менее, самолёт Недбайло получил в этом бою серьёзные повреждения, но до своего аэродрома лётчик долетел на нём...

По мере приобретения личного боевого опыта, боевая активность лётчика росла... Однажды Анатолий Недбайло вылетел на боевое задание в составе группы, ведомой опытным командиром Д.С. Прудниковым.

Выполнив задание, группа возвращалась на аэродром и, здесь ведущий увидел фашистских бомбардировщиков «Ю-88», летящих в сторону наших боевых позиций. У командира быстро созрело в голове решение атаковать фрицев - в этом необычном для штурмовиков бою наши лётчики-штурмовики сбили шесть фашистских бомбардировщиков.

На следующий день Анатолий Недбайло лично сбил вражеский «Ю-88», а его стрелок поразил ещё один «Ю-88».

В боях за освобождение Крыма Анатолий Недбайло топил вражеские корабли в Чёрном море, совершал налёты на аэродромы противника, летал на разведку. В каждом боевом вылете старался выбрать из многочисленных и разнообразных приёмов ведения боя – такой способ, который ставил бы противника в трудное положение, а наших лётчиков в выигрышное.

При налёте наших штурмовиков на вражеский аэродром в районе мыса Херсонес, хорошо прикрытый вражеской зенитной артиллерий, Анатолий Недбайло не пошёл в лобовую атаку с противником. Он разработал маршрут над морем: его группа шла на бреющем полёте над водой, при подлёте к берегу его самолёты резко набрали высоту и, неожиданно оказавшись в тылу у противника, быстро перестроившись из боевого порядка «клин» в боевой порядок «змейка».

Маневрируя среди разрывов снарядов зенитной артиллерии противника, всей мощью своих орудий обрушились на вражеский аэродром, на самолёты, находившиеся на стоянках этого аэродрома.

Разумно построенный Анатолием боевой порядок своей группы, обеспечивал свободу маневра каждого самолёта и экипажа».

Текст и фото взяты из открытых источников.

Александр МАКАТРЕВИЧ

Родился 1955г в Киргизии. 1972 окончил школу, рабочий. Участник боевых действий в Афганистане. В 2006 переехал в Новокузнецк.

До 2016 работал в Водоканале слесарем- инструментальщиком.

Литературным творчеством занимается давно. Пишет стихи и прозу, но публиковаться начал недавно.

Далеко от Москвы

Посвещается моему деду Виктору

Рассказ

– Покурим? – Сидорчук с жадностью посмотрел на Леху морячка, в надежде затянуться пару раз из его самокрутки.

– Кто-то покурит, а кто-то посмотрит. Ты вроде не Ворошиловский стрелок, а третий день выступаешь в роли стрелка. Что за дела, Сидор?

Лицо Сидорчука сплошь усыпанное конопушками погрустнело. «Не даст! – он обреченно вздохнул, – Ну, килька сушеная...»

Леха точно был худой и длинный, бескозырка, черный бушлат и длинные клеши сидели на нем как влитые. А тут гимнастерка на три размера больше положенного, и брюки, подобны холстине на колу. В общем, выглядел он далеко не привлекательно, а тут еще курить хотелось, впору бычки собирай.

Морячок попал к ним после госпиталя, с расчетом «на время», а получилось навсегда.

– Ну, и жмот ты, Леха, – проговорил Сидорчук и принялся остервенело углублять свой окоп саперной лопаткой.

А Леха аккуратно снял бушлат, примостил его на примятый чуб душистой травы, повесил бескозырку на обломанную ветку, растущей рядом черемухи, и устало потянулся. Его пулеметное гнездо было полностью готово к эксплуатации, можно позволить себе расслабиться

– Я не жадный, я – справедливый. Ну, скажи-ка мне, Сидор, а где твоя махра? – лихо щелкнув затвором пулемета, он глубоко затянулся и издевательски пустил струю дыма в сторону конопатого,

– Моя то, в Днепре утонула, да я и сам чуть... – не договорив, он махнул рукой. – Я, понятно, какой пловец: топор без топорища. Бульк, и на дно. У нас то, где было учиться плавать? Одна речушка, воды по ай..., по пояс. Я дальше своей деревни нигде и не был.

– Ты, значит, у нас сельская интеллигенция, которая кормит нас хлебом, овощами и молоком. Скажи спасибо старшине Грицаю, что вытащил тебя, похожего на мокрого щенка, из реки, не дав тебе пойти на корм ракам. Ну, ладно, так и быть, свою докурю сам. А тебе изобразим целую.

Леха, демонстративно достав кисет, пачку нарезанных листов из бумаги, как раз под размер самокрутки, экономно сыпанул махры на один из них, ловко свернул в трубку, и вот готова козья ножка.

– На, травись, не жалко. Но впредь, надо свои иметь.

Сидорчук не заставил себя ждать, схватил самокрутку, припал к ней, как младенец к материнской груди, и жадно затянулся.

– Еще бы пожрать немножко, и было бы совсем хорошо, – Леха хлопнул себя по животу и настороженно посмотрел в сторону разбитого немецкой артиллерией элеватора. Оттуда слышался нарастающий треск автоматно-пулеметной стрельбы, и редкие, одиночные выстрелы трехлинеек. А вот и фрицы на подходе. Далеко в стороне на левом фланге, глухо громыхал фронт, где наши основные силы сдерживали противника. А они так, с боку припека, на всякий случай, для прикрытия бросового участка, среди перелесков и болот. Через час, максимум два фрицы пожалуют к нам в гости.

– Ну, как настроение, Сидор? – морячок подмигнул Сидорчуку.

– Благодать, – пролепетал тот, вдыхая душистый запах Маршанской махры. Торопливо обкладывая края своего гнезда сорванной травой для маскировки, Леха положил по правую руку запасной диск к пулемету.

– Пожевать так наверно и не придется – отрешенно подумал он, и напрасно.

Старшина Грицай с помощником, пригнувшись, проходя по окопу, выдавал каждому из бойцов по пайке хлеба и несколько кусков сала, строго поровну. Он обменял две пары кирзовых сапог на продукты в ближайшей деревне за лесом, жители которой в спешном порядке уходили в тыл. С собой все не унести, не пропадать же добру.

– Теперь живем, старшина, век моря не видать, ты сделал такой презент моему желудку, дай Бог тебе жену красавицу и тещу, которая была бы без ума от такого зятя.

Грицай был шахтер из Донбасса, плечи шире вагонетки для угля, соответствовал и его вес. Сапоги носил сорок седьмого размера. Месяц, и от сапог оставалось одно воспоминание. Беда! Впору шпарить босиком по военным дорогам. Хорошо в роте был свой сапожник: низкорослый, верткий узбек из-под Ташкента. Тот покумекал и сшил ему сапоги. Из резиновой шины взорванного немецкого мотоцикла выкроил основания для подошвы, вставил дополнительные клинья в голенища, чтобы ногам было посвободнее. Прошил это «модельное» изделие прочными нитками, надранными из ремня для вентилятора подбитой немецкой машины. Голь на выдумку мудра! Сапоги получились легкими, удобными а, главное, прочными. За это узбек Керим заслужил вечную дружбу старшины, и некоторые армейские льготы. По отношению к другим военнослужащим старшина был чрезмерно строг, но справедлив. Сапожник следовал за ним подобно щенку на веревке.

– Конопатый, пережевывай сало тщательно, а то придется делать тебе клизму от запора, а это весьма неприятная процедура. Не спеши, дорогой, до прихода фрицев успеешь пожрать, – и старшина слегка хлопнул по плечу Сидора, у того от удара едва не осыпались конопушки из набитых едой щек.

– Убьешь, буйвол! Вот кому не куда силу девать, у нас в колхозе тебе бы цены не было на пахоте и сенокосе.

– Ага, щас! Только вот сапоги свои почищу! Мне и в шахте не плохо: зимой тепло, а летом прохладно, – и старшина, хмыкнув, положил на ходу две пары гранат Сидорчуку.

– Даем стране угля хоть мелкого, но много, – Леха старался задеть шахтера.

– Даем много и на любой вкус. А водоплавающим пижонам в забое не прохонже, кайлом махать, это тебе не языком трепать.

– Слон и Моська, – матрос не смог удержаться от смеха, глядя на Керима и Грицая. – Старшина, сапоги у тебя просто класс, куда моим ботинкам до них, дашь примерить?

– Одна дала, сразу тройню родила. Ты в них, салака копченая, утонешь, они не для такой мелкоты как ты. Сорок второй у нас в семье подростки обувают. Тебе в моих, как в гамаке, спать можно, – Сидорчук с сапожником закатились от смеха. – Вот тебе добавка к салу – патроны, но кушать не извольте, зубки поломаете. Да и мы с Керимом пожуем, пока вас обормотов обойдешь, сам без обеда пропадешь. Кериму сало нельзя, Коран запрещает, пусть довольствуется моей порцией сахара.

– Тебе же больше сала достанется, хотя тебя прокормить старшина, выгоднее утопить, – Леха постарался компенсировать подтрунивание над ним старшиной.

Старшина, не обращая внимания на шутку морячка, нарезал аккуратно финкой сало на кусочки, водрузил его на хлеб, поместив это все на ладонь, похожую на совковую лопату, и принялся трапезничать. Керим довольствовался сахаром с хлебом, запивая водой из фляжки. Все как положено, каждому – своё.

На предельной высоте, назойливо прогудев, черными воронами пролетел косяк немецких бомбардировщиков курсом на Москву. Леха с ненавистью посмотрел на небо, отправил в рот последний кусок сала.

– Эх, запить бы, но не чем, хорошего по немножку, – взглянув на старшину, озорно подмигнул, нарушив обеденную идиллию. – Тарас, плюнь в грудь, не могу жить без моря,

– Да запросто, – старшина сделал попытку привстать.

– Но, но! Тельняшка у меня одна, после твоего плевка я за месяц ее не отстираю. Эх вы, саранча сухопутная, разве вы сможете понять морскую душу?

– Да куда нам? Плавать на большом, ржавом корыте, по соленой луже, и стучать себя в грудь, мол, я моряк! А на суше ты кто? Да никто. И звать тебя никак. Маячишь тут в черном, как кочегар, портишь общий вид. Ротный давно приказал переодеть тебя, как всех. Ну доберусь я до тебя, вобла сушеная, – старшина довольно хмыкнул.

Сидорчук с сапожником помирали от смеха.

– Ша, старшина! Я у вас долго не задержусь. Как только попадем на берег, я сразу же к своим, – Леха звонко щелкнул пальцами.

– Ага, как только – так сразу. Крути, не крути, а придется менять свои клеши на, положенные по уставу, пехотные брюки. И пилотка будет тебе к лицу.

– Обидел ты меня, старшина, я к тебе со всей душой, а ты наплевал мне в душу, – Леха в глубокой обиде отвернулся.

– Обиделся? На обиженных дрова возят. Был бы ты в казарме, три наряда схлопотал бы, как пить дать. В чем, морячок, я тебе бы сильно посодействовал, – старшина привстал, опираясь на ствол черемухи. – Так что, готовь свою моремановскую форму к утилизации? Дружба дружбой, а служба службой, так что не обессудь. – Он бросил под ноги морячку три немецкие гранаты, прозванные «колотушками» из-за длинных деревянных ручек. – Вот тебе для полного счастья, от себя отрываю, трофейные. Достал по случаю. Дарю! А завтра, если будем живы и не помрем, есть у меня в заначке для тебя подарок – комплект обмундирования. Почти твой размер, ну может на один, два размера побольше. Это ничего, нигде не будет жать. Приведем твой внешний вид в соответствие с видом бойцов нашей роты.

Сидорчук с сапожником хватались за животы от смеха.

– Меня, да в форму пехоты? Полный позорняк! Ты что ржешь, конопатый, сейчас как врежу по шарам, – и Леха замахнулся на него «колотушкой».

– Ты че сдурел? Моих детишек ты что ли будешь кормить?

Леха оторопел.

– Какие детишки? Ты сам еще дите. Ах ты, сельский кобель. Я думал, ты в деревне землю пашешь, а ты батогом машешь. Тебе самому еще мамка нужна, у вас все в колхозе такие шустрые? – морячок внимательно осмотрел Сидорчука с головы до ног.

– Мы умеем не только землю пахать, две дочурки у меня, одной годик, второй три...

Но не успел договорить, шальной снаряд, вспоров взрывом пригорок, прервал их монолог. Больно резануло по ушам. Вонючий дым взрывчатки, земляной пыли поплыл над окопами.

Началось... За рощей послышался приближающий нудный гул танков и треск мотопехоты. Сидорчук торопливо смахнул рукой пот с лица, с силой прижал приклад трехлинейки к плечу. Леха неторопливо надел свой слегка поношенный бушлат, поудобнее разложил вокруг себя гранаты и стал «срисовывать» обстановку вокруг через прицел пулемета

– Вы пришли? Мы вас не ждали, по мордам вам надавали! Кто там первый, кто второй? Всех вас спрячем под землей, – и он зло сплюнул.

На вид небольшая речушка с заболоченными берегами была плевой преградой, а на деле таила в себе ловушку для бронетехники. Деревянный мост из толстых стволов елей, поверх которых была уложена доска пятидесятка, казался вполне грузоподъемным. Но только на вид. Края столбов, наполовину вросшие в землю, давно подгнили. Колхозные трехтонки с зерном и картофелем мост пропускал через себя без проблем, но на больший груз не давал никаких гарантий.

Мотоциклисты резво подлетели к мосту, настороженно остановились, соскочив с мотоциклов, с автоматами наизготовку стали обследовать его. Один из них внимательно осматривал в бинокль впереди лежащие окрестности.

Рота словно вымерла, ни шороха, ни звука, земля из окопов была разбросана по обратную сторону склона, не видимую для немцев. Доносилась негромкая немецкая речь. Так хотелось дать очередь из пулемета по обнаглевшим фрицам, но команды «огонь» не было.

Не обнаружив ничего подозрительного и оседлав мотоциклы, фрицы проскочили мост. Проехав десятка два метров, остановились в ожидании ползущих следом. Бронетранспортер легко прошел мост, за ним группа мотоциклистов. Вот гусеницы первого танка коснулись деревянного настила...

Рота напряглась... Раздался смачный треск, и стальная громадина, накренившись на бок, плюхнулась в болотистое русло реки, с жадностью поглотившей нежданный подарок. Над поверхностью остался край борта и гусеница, которая провернулась пару раз и обреченно затихла. Экипаж, отплевываясь, визгливо ругаясь, выполз через боковой люк в башне. От подошедшего следом танка протянули толстый трос, офицер в новеньком шлемофоне, видимо старший, крикливым голосом отдавал приказы.

Изрядно вымокнув в воде, экипаж утонувшего танка все-таки смог зацепить трос под водой за буксировочный крюк. Танк взревел мотором, пустил густую струю выхлопного дыма, но не хватило сил вытянуть утопленника.

Офицер что-то прокричал, и третий танк взял на буксир второго.

– Обнаглели, ничего не боятся, как у себя дома. Оборзели в край! Ну, сейчас нахлебаетесь под самую завязку, – от прижатого пулеметного приклада у Лехи вспотела щека.

В прорезь прицела фрицы были, как на ладони.

– Ну, что там, ротный, кого ждем? Пора, пора! Командуй, капитан!

Тем временем буксиры, взревев, сдернули с места своего утонувшего собрата и стали тащить его, всего в грязи, на берег. Но ротный сорвал этот беспредел.

Дружный залп опрокинул в первую очередь бравых мотоциклистов. Сидорчук с легкостью снял из своей трехлинейки, командующего парадом офицера. Тот дернулся, взмахнул руками и рухнул в воду рядом с утонувшим танком. Сидорчук крякнул от удовольствия, послал в сторону немцев пару увесистых матов.

Леха сбрил из пулемета, суетливо бегавших около танков, немцев. В добавок, единственная сорокапятка влепила в борт одному из буксиров снаряд. От точного попадания тот дернулся и, как бы подумав, дружно задымил. Третий танк достал из своего ПТР старшина Грицай.

– Не подставляй борта, не зевай, фриц! – сквозь зубы цедил старшина. – Не дома на прогулке... Паника страшная штука, и необходимо максимально использовать ее с выгодой для себя. Как сейчас не помешала бы парочка Максимов для роты, и пару, тройку орудий, с ними было бы на много веселее. А то мы совсем обнищали, потеряв свою артиллерию в боях при отступлении...

Особая благодарность была старшине, что спас сорокапятку, протащив ее от самого Бреста, на единственной, оставшейся целой пароконной тяге. Командование обещало прикрепить их поредевшую роту к свеже прибывшему полку.

Но не сейчас. Эта позиция у речушки, была предоставлена роте вроде бы для кратковременного отдыха. Никто не мог и подумать, что немцы рискнут пойти в обход, по густой лесистой местности вперемежку с болотами. Рискнули... Легкие танки, машины с пехотой, мотоциклисты и бронетранспортер. В их план входило нанести неожиданный удар во фланг наших основных сил.

– Породистая лошадь бежала резво, но споткнулась. Стратегия германцев наеб.., вернее, накрылась медным тазом. – Леха злорадно сплюнул и точными, короткими очередями опрокидывал фрицев на землю, винтарь Сидорчука добросовестно бахал рядом.

Рота стреляла не густо, но точно, автоматы были далеко не у всех.

Проскочивший мост бронетранспортер отчаянно поливал из пулемета их высотку, раздражая капитана и бойцов. Леха бросил взгляд в сторону старшины. Тот усердно ловил в прицел ружья верткий БТР. Безрезультатно... Сорокапятка произвела пару выстрелов и...

«Мазила, – подумал Леха. – Нет, так дело не пойдет... Надо исправлять положение». Захватив пару «колотушек», Леха ящерицей пополз в сторону бронетранспортера.

– Леха, ты куда? Вернись, – Сидорчук старался перекричать звук выстрелов.

– Ну, Леха, пройдоха, этого не остановишь! – прохрипел старшина, наблюдая, как черный бушлат четко выделяется среди травы.

Виляя из стороны в сторону, бронетранспортер подкатил к мосту, но проскочить его шансов не было. Половина моста, раздавленная танком, обреченно лежала в воде, приткнувшись обломками еловых бревен к гусенице, торчащей у берега.

Леха тут, как тут.

Два взрыва один за другим, обняли побратски бронированный сундук, двигатель которого, поперхнувшись, затих, выпустил из себя дым, и вспыхнул ярким пламенем.

– Ну, Леха, достал-таки фрицев! Что скажешь, молоток! – капитан наблюдал за всем в бинокль.

Из фактора внезапности рота выжала все да последней капли. Немцы понемногу стали приходить в себя. Из-за густого чуба леса выползли, подобно тараканам, еще несколько танков, и стали прямой наводкой расстреливать позицию роты.

Грузовики свернули в ложбину, разгрузив пехоту, потерялись за кустами, а автоматчики в серой, мышиного цвета форме, перебежками устремились вниз, по течению реки.

«Ищут брод паскуды, – подумал капитан. – Максимум через полчаса фашисты появятся на левом фланге, а еще хуже, зайдут в тыл, а патронов»... – капитан обложил многоэтажной бранью Гитлера и положение, в котором оказалась рота.

Сорокапятка обреченно замолкла: расстояние и калибр пушки не позволяли нанести танкам даже небольшие повреждения. От массивного обстрела рота почти вросла в дно окопов и молила землю-кормилицу о своем спасении.

– А вот и я, – Леха обвешанный трофеями в испачканном землей бушлате, с физиономией в пыли, как у заправского кочегара (увидишь ночью - не проснешься), повис на краю окопа.

– Леха, живой! Ну, стервец, а я думал уже всё – не увижу тебя, – Сидорчук, стряхнув землю с каски, радостно улыбнулся.

– Всё будет тогда, когда крышкой гроба накроют, а сейчас, продолжение следует, – и бросил Сидорчуку под ноги трофейный шмайссер и пару магазинов к нему. – Это тебе от меня подарок. Владей, не жалко, а то ты со своим винтарем: бах, да бах – а эффект почти нулевой. Из этой машинки фрицев валить будет намного сподручнее. А это мне, – морячок демонстративно потряс немецким пулеметом.

Он лихо водрузил его на брустверь, а свой приставил к стенке окопа, автомат перекинул с плеча за спину.

– Едва допер. В хозяйстве даже ржавый гвоздь пригодится. Где моя бескозырка? А вот она в целости и сохранности. Слегка землей припорошило, досадно, но ладно.

Согнувшись в три погибели, подошел командир роты в каске и с ППШ в руке.

– Тарасов, что за цирк? Опять твои фокусы? Почему оставил пулемет? – капитан старался перекричать взрывы снарядов. – Под трибунал захотел? Я тебе это быстро организую. Почему одет не по форме? Сколько раз говорил старшине, полное безобразие! Почему без каски? Твоя бескозырка может защитить тебя только от птичьего помета.

Оглянувшись на подбитый бронетранспортер, и чуть помедлив, сказал:

– За бронетранспортер от лица командования, и от себя лично, выражаю благодарность. А сейчас слушай приказ: немцы, я так думаю, ниже по руслу перейдут реку и постараются ударить нам во фланг, а что еще хуже – в тыл. Ваша задача: лишить их этой возможности. Приказ ясен?

– Так точно! У матросов нет вопросов, – оскалился Леха, но поймав суровый взгляд командира потишал. – Товарищ капитан, вот мой дегтярь, в нем еще пол диска, – морячок передал капитану свой пулемет. – Старшина найдет, кому его пристроить. У меня трофейный, содрал с коляски мотоцикла. В придачу – парочка шмайссеров. Как врежу их же салом, да им по мусалам.

Капитан махнул на него рукой и двинулся дальше. Леха, надев каску, засунул бескозырку за пазуху, за пояс приладил последнюю гранату и с пулеметом в руках неохотно вылез из обжитого гнезда.

– Что, Сидор, приуныл? Шевели клешнями и за мной.

Заметив, что Сидорчук схватил трехлинейку, и вместе с трофейным автоматом ползет следом, Леха прокричал:

– Ты куда, конопатый, с этой оглоблей? Оставь в окопе, на нее никто не позарится, кому она на хрен нужна? – Леха матюкнулся.

– Там осталось ещё три патрона, – Сидорчук виновато прислонил винтовку к краю окопа.

– Ну, чего ждем? Может быть, уже поплывем, – и морячок проворно пополз по склону высотки вниз, параллельно руслу реки.

За ним, стараясь не отставать, усердно сопел Сидорчук. Прошло полчаса. За спиной отчаянно отбивалась рота. Краем уха Леха услышал отдаленный и такой знакомый звук своего пулемета. Короткие очереди говорили о том, что наши готовы стоять до последнего. Пробежав пригнувшись еще с десятка два метров, морячок с Сидорчуком нырнули под развесистые ветки черемухи, растущей почти у самой воды. Леха заприметил ее издали. Лучшего места для засады не придумать. Богаты черемухой эти места: вода рядом, солнца вдоволь, что еще надо? Расти и радуйся.

Надо спешить: пулемет на изготовку, шмайссер рядом, по правую руку вместе с гранатой. Пять минут – и они готовы. Сидорчук с недоумением рассматривал трофейный автомат, что, где, и как, совсем не понятно,

Леха вперемежку с матом объяснил:

– Затвор слева не как у нас, а это откидной приклад. Раз, два – и готово. Понял, или еще раз объяснить? – морячок вновь приник к пулемету.

– Теперь ясно, что в ухо то ругаться, благодарствую, товарищ начальник, твоей щедрости никогда не забуду, – и с обидой отодвинулся.

– Тс, смотри и слушай, хватит болтать, – Леха снял бушлат и для удобства подослал его под себя, снял каску, жарко, и положил ее рядом с бескозыркой у ствола черемухи. Впереди стелился заливной луг, с травой выше пояса, которой не видно было конца.

– Вот, где травы меряно, не меряно. Моей коровушке хватило бы на две зимы. Ох и покосил бы я здесь за милую душу.. Сенокос, мое любимое занятие, – мечтательно прошептал Сидорчук.

– Сейчас покосишь, – зло прошипел в ответ Леха.

От противоположенного края луга к ним двигались немцы.

– Подпустим поближе. Вали тех с края, что ближе к реке, а я беру на себя остальных. Ну, давай, не паникуй, Пашка, живы будем, не помрем.

До черемухи оставалось метров пятнадцать, у Сидорчука слегка подрагивали руки, из-под каски ручьями лился пот: «Что он медлит, заснул что ли?»

Леха ждал.

Еще шаг... огонь... Длинной, точной очередью он скосил передовую группу немцев, заставив шарахнуться назад остальных. Сидорчук дочищал береговой сектор.

Несколько немцев в панике плюхнулось в воду, стараясь вплавь достичь противоположенного спасительного берега, но от Сидорчука, по сельским меркам неплохого охотника, шансов улизнуть не было. Леха вспомнил про метко снятого Пашкой на мосту офицера, и дружески улыбнулся ему.

– Ну, что накосился, есть еще желание? Сейчас опять начнем косить. Молодец Пашка, ты оказывается мастак не только пахать, но и стрелять. Лучшего напарника и желать не могу.

– Зимой завсегда на зайца ходил. Иногда попадались и лоси, но редко. Секачи чаще, все лишний кусок мяса к столу. Жили, не тужили, и дочки мои росли при мне. А тут – немец, как они там мои лапушки, ума не приложу, – и Сидорчук тяжело вздохнул.

– Я тоже ходил бы себе на судне в своем Севастополе, рыбу ловил себе, и людям. Море, чайки и свежий соленый ветерок в лицо... Прогоним немца, пойду в мореходку, увижу дальние страны, где круглый год лето и пальмы...

Автоматные очереди секанули по черемухе, прервав откровения Лехи. Срезанные пулями ветки и сбитые листья зеленым снегом посыпались на спины бойцов.

– Оправились от испуга выродки. Ну, держись, Пашка, чувствую, сейчас будет жарковато, – Леха дернул затвор пулемета.

Немцы решили обойти их с фланга, удалившись от берега, обходя заливной луг стороной.

– Желать и мочь, две большие разницы. Попробуйте, но не надорвитесь.

Выпустив две короткие очереди, Леха прокричал Пашке в ухо:

– Я поднимусь повыше от реки и постараюсь застопорить, а ты тут держи их за яйца. Не скучай, я быстро.

Похлопав Сидорчука по плечу, Тарасов проворно пополз от черемухи, за ним потянулся глубокий след в траве. А вот и небольшой пригорок, осторожно раздвигая высокие стебли, он выполз на вершину. Немцы были рядом.

– Как это я вовремя, надо же. Ага, хрен вам, не угадали... А ну, давай назад, пока п...ды не дали.

Леха валил и валил ожесточенно в упор одуревших фрицев. Что-то раскаленным ломом с силой ударило в плечо, в глазах морячка поплыли красные чайки

– Достали все-таки... – на несколько секунд он потерял сознание.

Открыв глаза, увидел здоровенного ганса, ловившего его в прицел автомата: не торопясь... с уверенностью, что жертва перед ним обречена.

– Ну, вот и все. Приплыли, суши весла, Леха.

Палец торопливо нажал на курок. Пулемет заработал исправно, как часы. Немец, подпрыгнув от боли, завалился на бок и скатился с пригорка. Остальных длинной очередью отогнал прочь. Бросив взгляд в сторону Пашки, он увидел, что немцы обложили того со всех сторон. Дела плохи, надо спасать братишку.

Пулемет, обреченно щелкнув затвором,

затих. У пулеметной ленты есть существенный недостаток: в самый неподходящий момент патроны в ней заканчиваются.

– Но у нас есть еще кое-что про запас.

Он бросил, насколько хватило сил, гранату немцам в подарок. Отбросив пустой пулемет, заспешил к черемухе. Воспользовавшись тем, что Сидорчук, меняя пустой магазин, замешкался, немцы окружили его. Один из них, видимо старший, с руганью ударил его сапогом в лицо и несколько раз выстрелил из пистолета в грудь, но тут же был сбит Лехой в упор из автомата.

Пашка судорожно хватал ртом воздух. На гимнастерке, в области груди, виднелись два красных пятна, из разбитого сапогом подбородка струйкой сочилась кровь.

– Не успел я перезарядить... – хрипел Сидорчук, – а они тут, как тут. Сплоховал я, Леш, ты уж не ругай меня... так получилось...

– Да брось ты, Пашка! Ну и наложил ты фрицев штабелями, как дров. Не куда ногу поставить, – Леха стер краем тельняшки кровь с подбородка напарника и подложил ему свой бушлат под голову.

– Лешка, дай воды... пить хочу... мочи нет, жар разрывает грудь, – лицо Пашки обильно покрылось потом.

– Сейчас, братишка, потерпи, я мигом, благо река рядом.

Леха, подхватив Пашкину каску, рванул к берегу, краем глаза посматривая в сторону немцев.

– Затаились, надолго ли? – мелькнуло в голове, боль в плече усиливалась. – Ничего, потерпим, не кисейная барышня.

Вода в реке была теплой, так и звала: давай искупнемся. С каской полной воды он опустился перед Пашкой, осторожно приподняв его голову, дал отхлебнуть пару глотков. Клацая зубами о край каски, Пашка хлебнул. Леха с автоматом на стреме наблюдал за притихшими немцами. Слабеющие Пашкины руки удержали каску, и та, пролив остаток воды на простреленную грудь, скатилась к его ногам.

– Так хочется домой, напоследок увидеть своих дочурок, они наверно стали совсем большими, а вот и жена Машенька машет мне рукой... иду... родные... – его голос перешел в хрип.

Он попытался привстать, и обессилено упал на бушлат. Душа Пашки Сидорчука вспорхнула птичкой в небо и заспешила в его далекую, таежную деревню, в небольшой домик у ручья, где ждали его любимые дочурки, и малоразговорчивая жена Маша.

Накрыв бескозыркой лицо Пашки, Леха заменил пустой магазин, поджидая ползущих немцев.

– Давайте ближе, а то я ваши рожи, плохо вижу... Это вам за Пашку... – и длинными очередями вгонял в ненавистных фашистов свинец.

Бой был коротким, но жестким, патроны закончились, осталась одна Пашкина граната. Немцы, окружившие Леху, с удивлением смотрели на полураздетого моряка в изорванной, окровавленной тельняшке и лежащего рядом небольшого роста погибшего бойца.

– Ну что, гансы, молитесь! Приехали, конечная остановка, – и Леха рванул кольцо гранаты.

Через полчаса старшина с Керимом и тремя бойцами были у черемухи. Опоздали... Ну и навалили немцев морячок с Сидорчуком, куда ни глянь, одна германская дрянь. Жаль, хорошие были бойцы. И сколько их таких полегло от Бреста до Москвы, и от Москвы до Берлина.

Рота устояла, немцы не прошли. Еще долго догорали подбитые танки, и черные клубы дыма, расстилаясь над рекой, говорили о том, что здесь был тяжелый бой.

Лешку с Пашкой похоронили тут же под черемухой. По утрам с ее листьев, на небольшой свежий холмик с пилоткой и бескозыркой капали толи капли росы, толи горькие слезы утраты...

15.02.2020г.

По обе стороны тропы

Кружилась голова, от желудка к горлу подкатывала тошнота. Ноги в армейских ботинках неуверенно нащупывали тропу. Слева – гранитная стена скал, справа – пропасть, на дне которой, далеко внизу, ползла едва заметная змейка реки.

В спину, время от времени, упирался ствол автомата, это поторапливал идущий сзади душман. Впереди такой же бородач в одежде похожей на холстину, поверх безрукавка и сумка через плечо. На головах духов традиционный головной убор, похожий на кастрюлю из войлока с небольшой окантовкой наверху.

Из пропасти тянуло прохладой.

...Сержант, а если быть точным, сержант ВДВ Суворов старался не отставать от первого духа. Суворову до дембеля оставалось каких-то три недели.

Пленный глубоко и прерывисто вздохнул: «Надо же, так влипнуть! Взводный ведь особо не настаивал. Вполне могли обойтись и без него. К дембелям в части особое отношение и уважение. Романтики захотелось! Вот и жри ее горстями, наполовину с дерьмом».

Вспомнил, что получили они нужную информацию о наличии душманов в районе. Отработали заданный маршрут, как положено. Возвращались, и до гарнизона оставалось всего ничего.

Но раз на раз не приходится. У духов везде свои глаза и уши. Простительно было бы так проколоться салабонам, а майор Кравцов профи высшей пробы. Только в этой партии проигрыш был не оспорим, пасли их грамотно.

Очереди ударили неожиданно в упор. Сержант шел замыкающим. Это, по видимому, спасло его от свинцового ливня. Душмана, прыгнувшего на него с ножом, Суворов свалил автоматной очередью.

Духи забросали взвод гранатами. Фактор внезапности сыграл с бойцами злую шутку. Позицию духи выбрали удачно: они в укрытии, а солдаты как на ладони.

Граната рванула где то рядом. Суворова швырнуло на камни. От удара казалось треснула голова. Красные волны поплыли перед глазами, и полный провал...

Пришел в себя сержант от сильных пинков по ребрам.

– Эй, орус, тур.

Плохо соображая, Суворов попытался встать. Ни автомата, ни чего другого, кроме разбитой физиономии и шума в ушах. Один из душманов направил на него автомат и жестом приказал подняться. Ну и что дальше? Сержант стал понемногу приходить в себя. Получил сильный удар стволом автомата меж лопаток и, покачиваясь, пошел в направлении указанном духом.

Увидел, как душманы добивают раненных бойцов, как с простреленной грудью майор Кравцов попытался привстать и, показывая согнутую в локте руку с зажатым кулаком, прохрипел:

– Вот вам, твари!

Один из духов приставил к голове майора пистолет и выстрелил.

Уходили душманы от места боя почти бегом. Сержант понял: если он замешкается, будет тоже, что и с майором.

А впереди что?

Да ни чего хорошего. А что если шаг вправо... и в пропасть? Но невидимая рука страха удержала его от этого поступка.

Трус... Скорее всего – да. Надо быть честным перед самим собой. Прощальный взгляд майора раскаленным сверлом обжигал его трусливую душу. К чему оправдания? К чему красивые слова? За спиной всего девятнадцать лет. Целая жизнь впереди. А позади школа, военкомат, Афган.

И так хочется жить! Трус!

И это неоспоримый факт. Нелегко признаться себе в этом. Зато живой! А как же майор, пацаны? С ними ты ел из одного котла, спал в одной казарме. Строил с ними планы... после дембеля... на гражданке...

Выходит, он предал их?

Суворов был противен самому себе. Он покорно шагал за впереди идущим духом.

Часов через пять прошли перевал. Высота около трех тысяч, а может и больше. От перепадов давления шумело в ушах. Зона, контролируемая нашими бойцами, осталась далеко позади.

Подошли к небольшому кишлаку, зажатому со всех сторон скалами. Стремительная речушка делила его на две половины. Беззаботно шумя, она терялась в глубине ущелья.

Вода!!! Пить...

Сил не было терпеть. Сержант упал на живот и, захлебываясь, стал жадно пить. Подошедшие духи, издевательски посмеиваясь, пинали его ногами. Несколько щедрых ударов по ребрам заставили вскочить на ноги. Спустя полчаса сержанта бросили в яму, словно мешок с навозом. Суворов, полетев вниз, больно ударился коленями обо что-то. Послышался стон. Сержант шарахнулся в сторону.

Наверху, скрипнув, опустилась железная решетка. Щелкнул замок на петлях, и клочок чужого, неприветливого неба посмотрел на него безразличным оком.

В темноте послышался хриплый, слабый голос:

– Ты кто, брат?

– Я? – сержант, пытался рассмотреть гору говорящих лохмотьев. – Я? Сержант Суворов.

Глаза понемногу привыкали к темноте.

– Значит, свой... – говоривший давился кашлем.

– Вроде как бы, да! – приободрился сержант. – А ты кто?

– Капитан Светлов, или то, что от него осталось, – говоривший с трудом сел.

– И давно вы здесь, товарищ капитан?

– Давай без товарища капитана... Зови Игорем. Сколько я в этом зиндане, не знаю. Месяца четыре или больше. Давно потерял счет времени. Сегодня что у нас?

Кашель у капитана не прекращался.

– Конец апреля, двадцатое число.

Суворов нащупал спиной шероховатую, прохладную стену. Потер ушибленные колени.

– Извините, товарищ капитан, что я рухнул на вас.

– На счет капитана я же просил. Игорь я... Мне показалось, что на меня свалился самосвал. Ну, и здоров же ты, сержант. И на каких лугах пасутся коровы, молоком которых тебя поили? Скажи, если не секрет.

– Из Киргизии я. Из Пржевальска. Есть такой городок. Через пару недель дембель... Но теперь до него, я чувствую, как пешим строем до Парижа. Нарвались, на засаду. От взвода остался я один. Лучше бы я остался там с ними. А я вот... – сержант взвыл от бессилия и застучал кулаками о пол зиндана.

– У каждого по жизни своя тропа. И каждый принимает решение сам: пройти ее до конца, или свернуть влево, может – вправо. Все зависит от тебя самого. Не стоит терять надежду. Это последнее, что у нас осталось. Выше голову, сержант! Впереди у нас серьезные испытания. Надо быть готовым к ним. Как я надеюсь, что Господь, где-то есть, и Он помнит о нас!

Кашель бесконечным потоком полился из горла капитана. Откашлявшись, он продолжил:

– Не каждому воину дано стать победителем. Жизнь – это ежедневная борьба, и кем ты станешь: победителем или побежденным – зависит только от тебя! И дай силы, Господи, тому, кто вступает в поединок, в борьбу за истину! Подумай об этом, сержант, это и отличает нас от животных. Каждый имеет право на свое место под солнцем!

Глаза капитана зажглись огоньками в темноте ямы. Голос обрел силу. И показалось, он вот-вот встанет на изувеченные ноги и ринется вперед на своих недругов. Столько было силы и энергии в его стремлении.

– Нам есть на кого равняться. Наши деды и отцы не посрамили себя в поединке с врагом. А мы – их потомки, их кровь, хранители веры. Так как же мы сможем предать их. Не будет нам прощения. Мы присягали не только Родине, но и своим дедам, отцам и матерям! Как мы исполним свою присягу, лежит на совести каждого из нас. О нас будут судить по нашим поступкам. Каковы будут поступки, зависит от нас. Большая часть ошибок в жизни подается реанимации и исправлению. Жизнь еще не закончилась, сержант... Выше голову, жизнь продолжается...

Капитан обессилено упал на солому. Сказанное им зажгло внутри Суворова искру надежды, заставило по-новому взглянуть сержанту на произошедшее.

Духи на ночь оставили пленников без еды, но спустили на веревке ржавое ведро с водой. Благо хоть это. Спать не хотелось. Сквозь решетку в яму заглядывали любопытные звезды. Капитан, понемногу набрался сил, приподнялся и прислонился к глиняной стенке зиндана

– Первое время мне было так же скверно, – снова заговорил Игорь. – Но человек, ко всему привыкает... Нашу вертушку сбили при возвращении на базу. Шли на бреющем, почти задевая верхушки скал. Отработали караван духов по полной. Работа для двух экипажей, а мы справились в одиночку. Выполнив задачу, легли на обратный курс. Не повезло...

От стингера уйти не удалось. Не помогли тепловые ловушки и маневрирование. Хвост отрубило, как топором. Запахали в склон, ломая винт... Несколько раз перевернулись, загорелись. Второй пилот сгорел вместе с восьмеркой.

Меня выбросило из кабины через разбитое лобовое стекло. Бревном скатился на дно ущелья. Перелом обеих ног. Об ушибах я и не говорю. Сколько был без сознания, не помню. Очнулся – духи! Застрелиться? А чем? Духи уже произвели ревизию. Из пальца не выстрелишь. Хотели добить, тащить то далеко. Поспорив между собой, передумали. А мне от этого легче?..

Этот зиндан стал моим домом. От одиночества хоть волком вой.

По воли случая ты, сержант, скрасил мое одиночество. Не скажу, что я рад... Чему собственно радоваться? Но даже такая малость,

а как приятно...

Постарайся поспать, сержант. Завтра у тебя день адаптации. Принимай данное таким, каким оно есть, без преувеличений.

И капитан затих.

...Снился дом, родители, девчонка-соседка (на вид совсем даже ничего, симпатичная), школа, учителя, у которых он никогда не был в числе любимчиков. Яблони в цвету... Белым-бело, но не зима. Хотелось упасть в траву под одетые в бальные платья плодовые деревья... И ни о чем не думать... В конце сада, шумит хрустальный ручеек. Вода чистая, холодная! Пей, не хочу!..

Над головой заскрипело. Послышался незнакомый грубый голос. Сон испуганной бабочкой упорхнул прочь. Сверху в зиндан опустилась лестница. Стоящий наверху душман, указывая пальцем на сержанта, требовал подняться.

– Удачи, сержант!

Капитан, по всей видимости, так и не заснул.

Раннее утро. От реки тянуло прохладой. Пелена тумана, неторопливо потираясь о бока вершин, поплыла на светлеющий восток, туда где, недоступно далеко, находился его дом.

Удар прикладом в спину заставил поторопиться. Душман вел его мимо каменных жилых строений вниз по улице. Вокруг кипела жизнь: пахло свежими лепешками, жареным мясом и парным молоком, похожим на запах мороженного из далекого детства.

Жизнь в кишлаке текла в своем неторопливом русле и, казалось, что война далеко. Но, идущий следом, дух с автоматом убедил, что вот она – рядом.

Тело Суворова от каждого шага пронизывала боль. Обратил внимание, что за ними увязались несколько лохматых горных волкодавов, не знающих привязи. Через некоторое время псы потеряли всякий интерес и вернулись обратно.

У большого каменного загона для овец дух остановил сержанта. Бесконечный и блеющий стриженый поток помчал из загона мимо них на берег реки. Вернулись горные волкодавы. Они знали свою работу: согнали в общий поток отбившихся коз и баранов, погнали их на пастбище.

Двое бородачей выгоняли из загона замешкавшийся молодняк. Проходя мимо сержанта, глянули злобно и, сплюнув в его сторону, длинными палками поторопили хвост отары.

Удар прикладом заставил войти в загон, большую площадку разделенную на две половины и огороженную каменным полутораметровым забором. В одной половине, судя по свежему навозу, содержалась отара. А во второй, в которую они вошли, лежали поставленные на ребро для просушки, нарубленные из навоза кирпичи. Он знал, что кизяки - это основное топливо не только в Афганистане, но и в республиках Средней Азии, там, где нет лесов. Сухой навоз горит не хуже дров, занимает не много места, и, главное, его много рядом.

Душман выдернул воткнутый в навоз лом с приваренным к нему самодельным широким лезвием – топором, и стал рубить продольные и поперечные линии в навозе. Нарубил несколько квадратов, поставил на ребро кирпичи. Показал на свою работу, сунул в руки сержанта лом с топором, дескать: «Давай, начинай».

У Суворова получалось, но не сразу и не очень: линия продольная, поперечная, подрез с боку. И опять сначала...

Сделав несколько замечаний и удостоверившись, что у пленника работа получается, хлопнул его по плечу. Что-то пробурчал на своем и ушел.

«Не боится, что убегу. А куда бежать? Кругом, непреодолимая стена из скал... Зато освоение новой навозной профессии. Как говорится, дополнительный кусок хлеба на старость. Будет ли возможность дожить до этой старости?»

Удар, еще удар, подрезка... Число навозных кирпичей понемногу увеличивалось. В желудке голод звонил во все колокола. Пот заливал лицо и щипал ещё не зажившие раны.

«Впору фото на доску почета униженных и оскорбленных».

В голове постоянно всплывали слова капитана. Волновали, тревожили, не давали покоя. Изувеченный, раздавленный обстоятельствами, в теле которого едва теплилась жизнь... и на тебе, такая сила воли!

«Вот образец, для подражания!»

Голод с каждой минутой настойчиво напоминал о себе.

«Хорошо верблюдам: поел раз в месяц, и ни каких проблем».

Удар и еще удар...

Солнце неторопливо перешагнуло острые пики вершин и колесом покатило на небо. Увлеченный работой Суворов не заметил подошедшего подростка. Тот поставил на каменную изгородь ржавую банку похожую на чашку, наполненную непонятно чем, рядом черный закопченный чайник с водой. Подросток лет десяти провел пальцем по шее, показал язык и исчез.

В банке желто-серая бурда. На вид не съедобная. Но голод взял верх. Ложки нет. Глоток, за глотком... Мелкомолотый поджаренный ячмень с кислым молоком, разбавленный водой заглушили голод. Не то чтобы вкусно, но сытно и вполне съедобно. До вечера пришлось довольствоваться водой в чайнике.

Горели натертые о лом ладони. Близились сумерки. Возвращалась отара с пастбища. Покрикивали пастухи, лаяли собаки. Подошел конвоир. Посмотрел на проделанную работу и одобрительно покивал головой. Забрал банку с чайником и повел его в кишлак. Запах свежего хлеба, жареного мяса с рисом долетали от жилья и сводили с ума.

Навстречу двигались человек тридцать душманов, на руках у них несколько трупов. Охранник резко толкнул сержанта в сторону. В кишлаке дико закричали женщины. Мужчины вторили им низкими завывающими голосами. Скорбели о погибших. Проходя мимо пленника, один из духов рванулся в его сторону...

Бил жестоко, озверело и дико орал. Охранник пытался прикрыть его. Бесполезно... Душман выхватил нож. Сгреб Суворова за волосы, взмахнул лезвием... «Ну вот и все...» Подошёл бородач и что-то крикнул. Голос, не терпящий возражений, остановил палача.

«Главарь», – мелькнуло в голове сержанта. Разъяренный дух плюнул пленнику в лицо, отшвырнул его в сторону и пошел прочь. «Пронесло!..»

Душманы двинулись дальше. Сержант, зажимая разбитый нос, с охранником поспешили к зиндану.

– Что досталось? Слышал, слышал... Скоты! За время пребывания здесь «в гостях» я стал немного понимать их речь. Сегодня, наши дали им жару. У того, кто напал на тебя, убили брата. Вот он и дуреет. Не каждый раз охотника ждет добыча. Иногда и ему самому выпадает стать добычей. С вами удалось, а тут облом.

В голосе капитана, зазвучали радостные нотки:

– Надо думать, у нас сегодня праздник! Не считаем, что тебя, сержант, немного пофутболили. Кости то целы? – Игорь с трудом сел.

– Вроде целы, а вот нос, как сломанный водопроводный кран, течет – сержант, задрав голову, прислонил затылок к прохладной стене.

– Рассказывай, как день прошел? – капитан старался устроиться поудобнее.

– Обрел новую специальность. Стал директором навозно-кирпичного завода. Рубишь – складываешь, рубишь – складываешь. Получаешь такое удовольствие. По жизни только этим и занимался бы, – сержант с грустью улыбнулся.

– Шутишь? Значит, не все еще потеряно. Продолжаем жить не зависимо от обстоятельств. За это не мешало бы выпить. К сожалению, могу предложить только воду. Да и тост у меня готов! Побыстрее покинуть проклятый Афганистан, и чтобы нашлось место для нас с тобой в уходившем эшелоне! Эх!.. – голос капитана, задрожал стальной струной.

Сержант с гордостью посмотрел на него. Он был благодарен судьбе, что предоставила ему возможность, встретить такого человека. Жаль, что в такой обстановке.

– Дня три у них будет траур. Это уже не первый раз. Погребальные церемонии и т.д. Им будет не до нас. Что принесет нам день грядущий? Какие испытания? Надо быть готовым ко всему!

...Сквозь сон послышался непонятный звук сверху. Лестница, быстро опустилась в едва видимое отверстие сверху. Охранник поторапливал его.

– Держись сержант – капитан вновь мучился бессонницей.

Охранник повел пленника к скалам: подальше от кишлака. Подальше от соблазна отрезать несчастному голову вчерашними пришельцами. Шли долго. Охранник присел у серой каменной глыбы. Пригласил жестом сесть рядом. Приложил палец к губам: тише мол.

Внизу открылась панорама каменных строений с плоскими крышами. Во дворах горели костры, на которых в больших котлах варилось мясо для участников погребального обряда. Время от времени снизу доносились завывающие голоса скорбевших.

До рассвета оставалось немного... Вот выгнали отару на пастбище. Оставили часть животных для жертвоприношений. Сделав большой крюк, страж привел сержанта к загону. Там ожидали Суворова лом с топором. Кирпично-навозный завод заработал вновь. Вечером, обходя кишлак стороной, вернулись к зиндану. Потянулись бесконечные, однообразные дни: зиндан – загон, загон – зиндан.

...Однажды утром охранник подвел пленника к толпе душманов. Среди них выделялись два европейца в камуфляжной форме. Европейцы с любопытством стали рассматривать сержанта.

– Вполне подходящая кандидатура, – произнес на чистом русском языке один из гостей.

Повернулся ко второму и коротко бросил: «Будем готовить».

Повелительно одному из душманов:

– Нужен будет, примерно, через неделю, максимум – две. Ваша задача отмыть, побрить, откормить. Создать приличный вид.

Душман, к которому он обращался, ответил тоже на русском:

– Сделаем. Что еще?

– Из зиндана перевести в другое помещение. Там же нечем дышать.

Подойдя к краю зиндана прокричал:

– Что эта полудохлая русская собака еще жива? Надо же! Я думал, ты давно червей кормишь?

– Пошел ты, уточнять не буду, сам догадаешься куда!

Капитан говорил не громко. Но его услышали все. Отойдя от зиндана, незнакомец проговорил:

– Достойный уважения воин. Вам, Батыр-хан, не мешало иметь с десяток таких. И вы бы не знали поражений.

Батыр-хан обиженно хмыкнул:

– Мои воины достойные слуги Аллаха. Я не смею обвинять их в трусости.

– Как говорят русские: не вешайте мне макаронные изделия на ушные раковины, – жестко сказал европеец. – Мои вложения в вас на сто пятьдесят процентов, а результат – максимум на шесть. Тебе есть над чем подумать. Оружие и деньги получаешь, уважаемый хан, в полном объеме. А каков результат? Результата нет. Пора делать выводы. Недели через полторы вновь буду у вас в гостях. Надеюсь, у меня не будет повода для разочарования. А этим, – указал на сержанта, – займитесь сейчас же.

– Хорошо, хорошо не беспокойтесь. А теперь прошу отведать нашего гостеприимства, уважаемый.

Хан был сама любезность.

Все двинулись за ним вслед. Один из духов отстал и сказал что-то охраннику на своем языке.

...Суворова перевели в сарай набитый свежей ячменной соломой. Небольшое окно, вместо стекла полиэтилен. Вполне прилично... А вот как с едой? Словно прочитав его мысли, охранник вышел и вернулся со столиком на коротких ножках. Как за ним есть? Сидя на полу?

Охранник принес большой поднос с дымящимся пловом, жестом разрешил есть. «Опять без ложки».

Сержант стал хватать, обжигающий рис с мясом горстями. Не есть, а глотать. Поднос быстро опустел. Охранник поставил чайник с чаем, и небольшую пиалу. Чай был с молоком, без сахара, соленый. Непривычно, но приятный на вкус.

«Голодному даже опилки кажутся кашей». Сытое тело ослабло... В голове дятлом застучала мысль: «Зачем я им?»

Сержанта охватило чувство нарастающей тревоги. Охранник вышел, захлопнув дверь. Суворов сел на солому. Шло время, охранник не возвращался. Тело ныло от побоев. Натертые мозоли на руках горели огнем. Прилег... Благодать! Если бы не помирать.

Дверь отворилась. Вошел незнакомый душман. На сносном русском объявил:

– Теперь я буду с тобой. Ваш язык, псов неверных, познал с детства. Что тебе надо – спрашивай. Что мне надо – скажу, – с силой ткнул пальцем в лоб пленника. – За непослушанье будешь жестоко наказан. Клянусь Аллахом. Иди за мной.

Сунул в руки медный таз и кусок мыла. Повел к реке.

– Постираешь свое барахло, но не в нашем источнике. Не смей осквернять его своей грязью. Наберешь воды и там, у камней, постираешь, выльешь грязную воду. Постиранное разложишь сушиться на камнях. Пока наденешь это.

Бросил к ногам Суворова сверток.

– Через час вернусь, не пытайся меня разочаровать, а то твои ребра познают тяжесть моих кулаков.

Придерживая автомат, дух пошел прочь. Невесело усмехнувшись, сержант приступил к стирке. Чистота – залог здоровья, хотя в данной ситуации может и нет.

Рядом беззаботно шумела речушка. Над головой в небе повисло солнце, с любопытством посматривая на пленника. Казалось, оно посмеивалось над наготой солдата.

Сержант надел немного великоватый халат... «Как там капитан? Ведро с нечистотами я убрал еще вчера. Не мешало поделиться с капитаном пловом. Голод – не родная тетка... Увлекся... забыл... Капитан! Капитан! Моя надежда и опора».

Выстиранная армейская роба покорно разлеглась на камнях. Ботинки тщательно отмыты от навоза. Теперь тело, руки и ноги... Вода освежила прохладой. Растирая песком до красна кожу в кровоподтеках и синяках, пленник фыркал от удовольствия. Подумалось о капитане. Если позволили бы, он отмыл бы и его от многомесячной грязи. Но это не в его воле.

Подошел опекун, бросил под ноги тряпку, подобие полотенца, бритвенный станок и осколок зеркала: «Побреешь морду. Садись на камень, стричь буду».

Достал из сумки ножницы для стрижки овец, принялся за дело.

– С каким удовольствием отрезал бы тебе голову, – бурчал он, – но Батыр-хан позволил только постричь. Наступит момент, когда твоя голова будет валяться у моих ног. За братьев я без сожаления, орошу твоей кровью свои руки. Твою грязную плоть отдам на съедение волкодавам.

Русые вперемешку с седыми волосы Суворова прядями падали на плечи и грудь. «Седина? И когда это я успел?» – мелькнуло в голове.

– Сиди, не дергайся. А то, клянусь Аллахом, отстригу уши вместе с носом. – Опекун с силой ударил кулаком по спине.

Вечером, находясь в сарае, сержант в окно увидел, как душманы собрались на вечерний намаз. Постелили перед собой небольшие коврики, опустились на колени лицом в сторону заходящего солнца. Не снимая головного убора, совершали поклоны. Проведут ладонями по щекам, повернут голову вправо и влево, возносят хвалу своему Аллаху. Намазы душманы совершают утром, вечером и, по возможности, в полдень. Наблюдая за происходившим, сержант вдруг понял: «Мы и они – два таких разных народа. Подойти к общему согласию для нас нереально. У них свой мир. И вторгаться в него они не позволяют никому».

Ночь накрыла черным покрывалом горы, сарай и кишлак. В небе жемчугами блестели звезды. Где-то там, далеко на востоке, был его дом, родители, девушка и друзья. То, что произошло с ним, казалось кошмарным сном. Вот он проснется, и все встанет на свои места.

Утром дверь сарая с треском распахнулись. Вошел переводчик и двое духов.

– Твой друг, паршивая свинья, ночью подох. Надо достать его из зиндана и закопать, чтобы не вонял, – ткнул автоматом в бок. – Давай побыстрей, шевели копытами.

«И как я без тебя, капитан? Оставил ты меня, наедине с врагами».

В груди закипала злость.

Взяв на руки почти не имеющее веса тело, сержант осторожно поднял его из ямы. Душманы, зажимая носы, стали плеваться. От капитана исходил стойкий запах разложения. К глазам Суворова подступили слезы: «Минутная слабость».

– Зиндан освободился, ждем твоих друзей в гости. А мы постараемся с братьями, чтобы он не пустовал. Бери эту падаль и иди за нами.

Шли долго. Руки онемели от ноши. Ноги гудели. Один из душманов, нес лопату и лом. Пришли. Впадина усыпанна мелким камнем. Сержант, обессилено опустил капитана.

– Копай здесь у куста. В самый раз твоему другу. Он не будет скучать в одиночестве. У него не плохая кампания. С десяток таких же неверных здесь под землей. А рядом гадюки. Это их ханство.

Бросил к ногам лом с лопатой.

– Мы подождем наверху. А ты, давай, не стой, поторапливайся.

Лом с трудом разрыхлял каменистый грунт. Пот заливал глаза. Хотелось пить. Лом менял лопату, лопата – лом. Сержант проходчиком зарывался вглубь. Двадцать... тридцать... пятьдесят... семьдесят сантиметров. Одежда от пота насквозь стала мокрой. Разделся, остался в одних брюках. Стало немного легче.

Периодически подходили духи. Ругались, торопили. Гадюки кишели, подобно кильке в банке. Нескольких он успокоил ломом. Действительно, место обитания ползучих гадов. На отметке, примерно метр двадцать, лом уперся в сплошную скалу. Удар, еще удар... Бесполезно... Подравняв дно могилы, сержант осторожно положил тело капитана, в последнее его пристанище. Сократовский лоб, хранилище благородных идей и мыслей, прорезали мелкие морщинки печали. Обросшее лицо было мужественно-спокойным. Трижды поцеловав капитана в лоб, бросил три горсти земли в могилу. Стал засыпать ее. Обложил камнем земельный холмик, выложил на его поверхности крест, как это принято у православных. Постоял, помолчал. «Прощай, товарищ капитан. Мне кажется, я скоро составлю тебе компанию». Взял лом с лопатой и побрел навстречу душманам.

...Близился вечер. В сарае отупело сидел на соломе и отрешенно смотрел перед собой. Внезапно дверь отворилась. Вошли двое: переводчик с керосиновой лампой в одной руке, а в другой несколько бумажных листов; второй внес еду и воду.

– До утра выучишь наизусть. Утром буду принимать у тебя экзамен. Читать, надеюсь, не разучился, сын шайтана. Не зли меня, а то отправлю в гости к твоему другу.

Подвесив лампу к потолку, ушли. Лампа слабо осветила, брошенные на солому листы. Сержант стал читать напечатанное крупными буквами:

– Я, Суворов Павел Иванович 1960 года рождения (и далее точное место рождения) по достижении призывного возраста был призван на действительную, срочную службу районным военкоматом (точный адрес военкомата и номер воинской части). Который направил меня для прохождения воинской службы. (Имя, фамилия и отчество отца и матери. Полные данные о сестре). И откуда у них достоверная информация обо мне? Полный идиотизм.

Воинское звание - сержант СА, был направлен в составе ограниченного военного контингента на территорию Афганистана. Осуждаю незаконное вторжение на территорию другого государства. До конца поняв агрессивную политику правительства СССР, отказываюсь выполнять свои воинские обязанности, построенные на агрессии к дружелюбному народу Афганистана. Прошу политического убежища в одной из европейских стран. В дальнейшем хочу принять ислам и стать верным сыном Аллаха!

– Ага, ждите! Открыв глаза и развесив уши, бегу, спешу, только разуюсь. Рекомендация для психиатрической больницы.

Утром, после намаза, переводчик принес комплект новой армейской робы.

«Надо же, мой размер». Сержант усмехнулся.

– Ну, что, орус, готов? Пожрешь, переоденешься, и пойдем, кино будем снимать. Представляется тебе возможность, стать популярнее Славки Тихонова. Жил я в Ташкенте, насмотрелся ваших фильмов. Дрянь полнейшая.

Бородач сплюнул.

– Не нравится, никто не неволит. Смотри свои комедии про горных какаду.

Сержант спокойно ждал. Бородач удивленно посмотрел на него:

– Ты стал таким разговорчивым. Вижу, совсем страх потерял. Запомни, мой нож всегда со мной.

Демонстративно похлопал по кривому тесаку на боку. Принесли еду.

– Жри, но молча, тебя ждут великие дела, – хлопнул по плечу и захохотал: – Тебе дается последний шанс, свинья, сын свиньи.

Сержант в полголоса:

– На себя посмотри, ночью увидишь, не проснешься.

Посмотрел на еду, махнул рукой и пошел к выходу. Бородач, раскрыв рот от удивления, смотрел на русского, ставшего за ночь совсем другим. Подталкивая автоматом в спину, повел его к центральной части кишлака. Подошли к самому большому каменному жилому строению.

...Небольшой двор выложен каменными плитами. Вошли в раскрытые двери. Просторное помещение. Стены сплошь увешаны коврами. Пол в коврах. Посредине ряд столов с короткими ножками. Душманы в головных уборах, скрестив ноги, сидят на полу по обеим сторонам. Во главе, обложенный подушками, сам хан. Беседует с гостями – иностранцами. Столы уставлены мясными блюдами. Все обернулись на вошедших.

– Ну, что, сержант Суворов, отличник боевой и политической подготовки. Ты готов, дать интервью? – иностранец, не прекращая жевать, посмотрел на пленника.

– Как только, так сразу. Почему бы и нет. Если вы так настаиваете...

Сержант посмотрел на стоящую в стороне кинокамеру на треноге. Рядом с ней оператор на изготовке.

– Ну, начинай, мы ждем, Суворов. Фамилия как у полководца, а смелости, как у щенка, – сидевшие засмеялись, – От этого зависит, твое будущее.

«Вот и настало время выбора. Твоя тропа. Шаг влево, или вправо? Выбор за тобой».

– Я, сержант Суворов, проходивший срочную военную службу, в составе ограниченного контингента, на территории государства Афганистан, по приглашению его правительства. Исполнял свою воинскую обязанность согласно данной присяги. И если я нарушу ее, пусть меня постигнут кара и презрение моих соратников по оружию. Клянусь исполнять каждое слово данной присяги. До последнего дыхания! Находясь в плену, постараюсь вести себя, как и подобает солдату Советской Армии!

Перед глазами сержанта мгновеньем промелькнули лица деда, отца, матери, сестры, погибших бойцов его взвода. Расстрелянного командира и глаза капитана с выражением непоколебимого мужества.

«Как он может предать их? Об этом не может быть и речи!»

Кинокамера, щелкнув, затихла. На лицах иностранцев и Батыр-хана застыло недоумение.

– Уважаемый Батыр-хан, это что за Шекспировская постановка? Разве я летел сюда с другого конца света ради этого спектакля. Вы, уважаемый, не цените ни мое, ни свое время. - Иностранец, вытирая руки полотенцем, привстал за столом.

«Сейчас все исправим, дорогие гости. Прошу не волноваться». Хан махнул рукой.

Приклады ожесточенно посыпали удары на спину и бока Суворова. Сколько били, сержант не помнил. Потерял сознание. Пришел в себя от струи кипятка, которой поливали его шею, уши и кисти рук. От нестерпимой боли попытался приподняться. Кто-то схватил за шиворот.

– Ну, будешь говорить, что положено, или сваришься в кипятке, как баран в котле, – хан перешел на крик. – Ну!..

– Я уже все сказал, могу повторить!

В голосе сержанта зазвучали металлические нотки.

– Мне говорили, что у русских с варварами большое сходство, – проговорил иностранец. – Солга-а-али! У них бессчетное число достоинства и благородства! Настоящий воин! Достойный почета и уважения! Жаль, что не на нашей стороне, – и хану: – Оставьте, бесполезно, лишняя трата времени. Он мне больше не нужен.

Взяв большой кусок мяса с подноса, стал с аппетитом есть. Посмотрел на сержанта и добавил:

– А ты мог бы сидеть за этим столом в нашей компании. Но ты сам сделал выбор.

– Да, я сделал выбор! – сержант стер кровь с губ.

– Глупец, завтра мои воины приволокут десяток таких как ты. И они будут намного сговорчивее. Твою голову я обещал, своему лучшему воину. Хамид, он твой.

Хан льстиво повернулся к гостям:

– Сейчас подадут мясо молодого барашка, как вы любите, уважаемый гость.

...Сержанта пинками выгнали во двор. Его бывший переводчик Хамид от удовольствия потирал руки.

– Орус, вот я и дождался. Пошли, не будем осквернять твоей нечестивой кровью жилище уважаемого Батыр-хана. У нас есть особое место для жертвоприношений.

Толкнул сержанта прикладом в спину повел в сторону кладбища. Пришли.

– Тут лежат мои братья. Они возрадуются, что еще один нечестивый будет принесен в жертву. Становись на колени.

Перекинул автомат за спину, чтобы не мешал. Достал тесак... Сильнейший удар ногой сержанта между ног переводчику. Духсогнулся от боли, страшно выпучив глаза.

Удар... еще удар...

Со сломанным носом душман опрокинулся на жертвенное место. Выбитый нож сержант с силой вогнал в шею лучшего воина. Автомат, как нельзя, кстати! Да и пара магазинов из сумки духа... Передернув затвор автомата, неторопливо направился в сторону жилища хана. Навстречу выбежали несколько волкодавов, намереваясь залаять. Но, привыкшие к его запаху за время плена, вернулись обратно.

Основная масса душманов вчера ушла отрабатывать свои долги перед иностранцами. Нарвавшись на наш заслон, навсегда осталась в горах вдали от кишлака. Улица пустовала. А вот и знакомый двор. Охраны никакой. Это что, самоуверенность или беспечность? Это на руку!

– Приятного аппетита, господа! Смотрите, не подавитесь. Напоследок так захотелось увидеть ваши зажравшиеся морды. Вот он я, сержант Суворов! А это вам подарок от меня, капитана и моего взвода!

Длинной очередью срезал хана, иностранцев, оператора, и нескольких духов. Перезарядив автомат, продолжил, как на стрельбище, расстреливать мишени. Одуревшие от страха душманы бестолково толкали друг друга. Старались добраться до оружия. Автоматы стояли аккуратно вдоль стены у входа. Закон гостеприимства: за гостевой стол – без оружия.

Выхватив несколько магазинов из стоящих автоматов и прихватив на запас один из них, сержант рванул к выходу. Передумал, вернулся... Короткая очередь. Кинокамера разлетелась на куски. «Вот теперь нормалёк!»

Бегом, бегом подальше от кишлака.

За спиной послышались крики и беспорядочная стрельба.

Ноги, почти не касаясь земли, несли его в сторону скал. Каменные глыбы – неплохое укрытие. «Еще повоюем».

За ним увязалась лающая стая волкодавов, готовая растерзать в клочья.

Очередь!.. Несколько псов, взвизгивая, закрутились юлой. Остальные испуганно умчали прочь.

От бега сердце готово было выпрыгнуть из груди. Добежал. «Камни, камушки, мои хранители от недругов!..»

Над головой просвистела очередь. Разложив запасные магазины и прихваченный автомат, сержант оценивающе смотрел на подбегавших душманов.

«Повоюем еще! Это вам не с безоружными быть храбрецами».

Короткими очередями двоих из них заставил уткнуться в землю. «Кто там следующий? Подходи!.. Расчет по полной».

Пули духов высекали искры из камней и со свистом разлетались по сторонам. «Хорошая позиция. Враг внизу, как на ладони».

Сержант очередями пресекал малейшие попытки душманов атаковать. «Надо экономить патроны».

Одиночными выстрелами выбивал бородачей одного за другим. Армейские снайперские навыки, как нельзя, сейчас кстати. Стрельба притихла. Один из духов пополз в сторону кишлака.

Сменив позицию, сержант прилег в ожидании. Со стороны кишлака появились трое. За спиной у одного гранатомет.

Выстрел... Один из духов покатился по склону. Но того, с гранатометом, достать не удалось. «Ждем-с».

Гранатометчик приподнялся, прицелился, выстрелил. Граната взорвалась рядом. Град из камней посыпался на сержанта, не причинив вреда. В ушах шумело от взрыва. А так, вроде, ничего. Вторая бахнула далеко в стороне.

«Мазила. Но так дальше не пойдет. Надо что-то делать?» Сменил позицию. «Вот что надо!» Гранатомет готовили к выстрелу. Дух прицелился. Прицел сержанта четко следил за его движениями. Кто кого? Сержант опередил. Бородач получил пулю в живот, дернулся, завалился вперед. Падая, успел нажать спусковой крючок. Граната взорвалась у духа под ногами. Этого и добивался сержант. Вопли и ругань душманов эхом полетели по ущелью.

«Ага, не нравится? Стрелять в спину безоружным сподручнее. А тут непрохонже?»

В суматохе удалось завалить еще парочку. Наступило затишье...

«Особая благодарность прапорщику Лыкову за выучку и навыки в снайперской стрельбе. Пора навести ревизию оставшимся боеприпасам. Пока есть! И парочку патронов для себя в нагрудный карман... Плен исключен... Не дождетесь!»

Ночь. Прохладно. Армейский бушлат на ватной основе так был бы сейчас кстати.

«Надо как то выбираться...»

Вниз, не реально. Духи и псы, которые обнаружат его задолго до духов. Один путь – вверх. Днем он не раз посматривал в сторону вершины. Увлечение альпинизмом еще пока не забыл. Без оборудования один шанс из ста. Но выбора нет. Днем собьют. А ночью – самоубийство.

«А... была, не была!»

Запасной автомат пришлось бросить. Тут и с одним не очень-то удобно. Жесткие подошвы армейских ботинок – хорошие подспорье. Автомат за спину и...

Южная сторона скалы сносно освещалась луной. Даже малейший выступ – залог продвижения вверх. Пришлось освободиться от запасных магазинов. Жаль, а что делать? А автомат?..

«Нет! Лучше вместе с ним вниз. До рассвета надо добраться до вершины, или духи предоставят ему возможность совершить прыжок без парашюта».

Сержант потерял счет часам. Небо начинало светлеть. Звезды выключали свои фонари. Очертания скалы четко обозначились на фоне рассвета. Еще рывок... Пальцы с сорванными ногтями онемели. Мокрая одежда скотчем прилипла к телу. Еще немного... Рывок!

Перекинутое через край тело застыло на гребне. Какое блаженство лежать и смотреть на всходящее солнце. А далеко внизу, похожий на спичечный коробок, лежал кишлак.

Спуск по обратной пологой стороне скалы был простой прогулкой.

«Главное выйти на тропу, по которой вели в кишлак. Она где то на северо-востоке... Быстрее, быстрее из этого ада. Главное, не напороться на духов... На этот случай у меня есть защитник». Сержант дружески похлопал по автомату. «Вот и тропа!»

...За неделю блужданий по ущелью обессилел от голода, холода и жажды. Ел все, что попадалось: траву, листья барбариса, птенцов из гнезда. Пришлось попробовать и змею. Съедобно. Напоминает по вкусу вяленую рыбу. Набрел на ручей. Полчаса пил взахлеб холодную, вкуснее меда, воду. Идти дальше не осталось сил.

Здесь случайно и обнаружила его оборванного в бессознательном состоянии наша разведгруппа.

20 августа 2018г.

Западный транзит

Посвящается моему отцу Николаю

Пьеса в стихах

Действующие лица:
пехотинцы: старшина Курипко, сержант Картузов, рядовой Трофимович, рядовой Гробарь;
танкист – сержант Глушков.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ:

Берег реки, группа бойцов пехотинцев отдыхает после тяжелого боя, к ним подходит несколько танкистов.

ГЛУШКОВ – Чё сидим?
ТРОФИМОВИЧ – Да на воду глядим.
ГРОБАРЬ – Успокаивает.
ТРОФИМОВИЧ – А кого не устраивает,
Пусть дальше проваливает.
ГЛУШКОВ – Орлы из пехоты на вид такие грозные...
ГРОБАРЬ – Братья танкисты, артисты – трактористы
Идите с миром, пока не поздно.
ГЛУШКОВ – Да мы покурить к вашему шалашу.
КАРТУЗОВ – Ну, если без злого умысла, то прошу.
(указывает на место рядом с собой)
ГРОБАРЬ – (ложится на траву, руки под голову)
Лежи, не тужи – такая благодать.
КАРТУЗОВ – А с немцем кто будет воевать?
Прогоним фрицев, отдохнем.
ГРОБАРЬ – Если на поле боя не помрем.
Сказал я это неспроста:
Вчера с фашистом у моста
Как никогда, был трудный бой.
КАРТУЗОВ – Остался каждый там второй.
ТРОФИМОВИЧ – Но немца больше полегло.
КАРТУЗОВ – Так было, есть, и быть должно!
ТРОФИМОВИЧ – Сломали Гитлеру хребет.
КАРТУЗОВ – Пока что нет,
Но есть начало для того.
ТРОФИМОВИЧ –
Мы без сомненья, все равно
Законопатим в гроб его.
ГЛУШКОВ – Ваши слова, да Богу в уши.
ТРОФИМОВИЧ –
Ты, брат танкист, присядь, послушай...
Не знаю, как там у тебя?
А у меня
Под Брестом сгинула семья:
Мальчонка года полтора
Лишь говорить начал едва...
Попала ночью бомба в дом.
Жена и мать... там... все втроем.
Я до Берлина доползу,
Ту тварь зубами загрызу!
КАРТУЗОВ - (шутя) – *Мы тут чуток передохнем*
И завтра на Берлин махнем.
Нам виден явный перелом,
Фашист слабеет с каждым днем.
Зависит многое от нас:
Москву отбили и Кавказ.
Спросить с врага за все пора!
Сидим сегодня у Днепра (хлопает Трофимовича по плечу)
Увидишь, Мишка, ты свой Брест...
ГЛУШКОВ – Я тоже, брат, из этих мест.
Был трактористом в МТС:
Пахал, и сеял, и косил.
Народу пользу приносил.
Ну, в общем, жил не хуже всех
Чуть поддавал, был этот грех (многозначно щелкнул по горлу)
Женился, образумился,
О будущем задумался.
Детишек двое у меня.
А тут, не ладна будь, война.
С утра пошел в военкомат:
Был тракторист, а стал солдат.
Через неделю танк вручили,
Всему, что надо, обучили.
А после курсов сразу в бой...
Остановился под Москвой.
В боях фашистов не жалел.
Едва под Курском не сгорел.
Танк новый получил, и вот
Берлин к себе нас в гости ждет.
А где семья, не знаю я...
Осталось только лишь гадать,
После войны буду искать.
У нас, у всех, одна беда:
Лежат в руинах города –
Отстроим их не хуже прежнего!
Победа неизбежна!
КАРТУЗОВ – Да в том, танкист, сомненья нет!
(подходит старшина)
КАРТУЗОВ
– Что старшина, уже обед?
Кого, кого, а вот его,
Признаюсь вам, я видеть рад.
Он словно мамка для солдат:
Накормит, словом убедит,
За дело матом наградит,
Что не понятно, объяснит.
Участник Первой Мировой,
Мужик понятно с головой.
Всему обучит молодежь,
С ним никогда не пропадешь.
КУРИПКО – Проголодались, дармоеды,
В колонну по два – на обед!
ТРОФИМОВИЧ – На это счет вопросов нет.
КУРИПКО – И вы, танкисты, подгребайте.
Нас пехотинцев не чурайтесь.
Каши с мясом хватит всем.
Да, я забыл сказать совсем:
Гвардейской стала наша рота.
Ну, что молчим? Ура! Пехота!
ГЛУШКОВ – Ну, соседи, поздравляем!
КУРИПКО – К нам в гости всех вас приглашаем.
Я к каше кое-что припас...
И повод есть, ну, в самый раз!
ГЛУШКОВ – Кто как, а я не откажусь.
Стать другом вашим не стыжусь.
Пехота, вами я горжусь!
Нальем в стакан по десять грамм.
КАРТУЗОВ – Пора быть гвардией и вам.
ГЛУШКОВ – Понятен, брат, мне твой упрек.
В бою заслужим, дайте срок.
КУРИПКО – Остынет каша, кого ждем?
(Все хором) – *Идем!*

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ:

В окопе гвардейская рота готовится к атаке

КУРИПКО – Пошел в атаку первый взвод
ТРОФИМОВИЧ – Там впереди фашистский дзот...
Он всем покоя не дает.
Рванем вперед – считай, пропал.
Так, между прочим, посчитал
Шагов так двести до него.
КАРТУЗОВ – Мы, под прицелом у него.
Враз пулеметом посечет.
КУРИПКО – Необходим тут хитрый ход...
Кто к дзоту первый поползет?
ТРОФИМОВИЧ –
Да что гадать, наверно, я.
Увы, мне нечего терять.
Погибла вся моя семья,
Домой меня никто не ждет.
Сейчас, быть может, повезет.
Беру гранаты и вперед...
КУРИПКО – Давай немного подождем.
Не лучше будет ли вдвоем?
А мы их отвлечем огнем.
ТРОФИМОВИЧ – Сначала я пойду один.
Там выше крыши вражьих мин.
Сам поначалу разберусь.
Ну, а если не вернусь,
Пошлешь другого, следом в след.
Вопросы есть, вопросов нет.
(сержант исчезает с гранатами за бруствером окопа, пулеметы бьют, не смолкая)
КУРИПКО – (с досадой) *Откуда взялся этот дзот?*
Снаряд из пушки не берет.
В бетоне с метр толщиной,
Поверх усиленный броней.
Тут столько наших полегло,
Но никому не повезло...
Давай, сержант, давай родной!
А мы все разом за тобой! (слышится взрыв гранат)
КАРТУЗОВ – Что медлишь, старшина? Пора!
КУРИПКО – Вперед, за Родину! Ура!!!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ:

Берег реки Рейн.
Гвардейцы пехотинцы отдыхают после тяжелого боя

ТРОФИМОВИЧ – Опять сидим на берегу.
Но где, я вспомнить не могу,
Последний раз вот так сидели.
Деревья листьями шумели,
И так же травы зеленели.
КАРТУЗОВ – Не соглашусь, совсем не так!
Там было небо в облаках.
Деревья были не такие.
Те были наши, здесь – чужие.
Другие листья и трава
Чем там, на берегу Днепра.
И воздух вроде бы не тот...
Вдохнешь, он гарью отдает.
Чужое все вокруг, не наше.
Одно как факт – ПОБЕДА наша!
И мне понятно самому,
Нам эти земли ни к чему.
Под черепицей города,
Деревья, и в реке вода,
И даже солнце здесь чужое.
ГРОБАРЬ
– Мне вот что не дает покоя:
Когда отправимся домой?
Хочу увидеться с женой.
Обнять детей, отца, и мать.
Пора уже с войной кончать.
Пришла весна – пора пахать,
И в срок посеять зерновые.
В деревнях старцы вековые,
Да женщины с детьми.
А мы...
КУРИПКО – На их плечах лежит колхоз:
Посев, уборка, сенокос.
На руки там мужские спрос
КАРТУЗОВ – Я полностью с тобой согласен.
Вопрос с германцем, братцы, ясен!
Берлин лежит у наших ног,
И на рейхстаге все, что смог,
Я написал и расписался.
ТРОФИМОВИЧ –
Я тоже с радостью признался,
Что рад тому, что пал Берлин.
И главный немцев господин
Лежит с простреляннной башкой!
Я подтвердил своей рукой
То слово главное – ПОБЕДА!
КУРИПКО – Я вас оставлю без обеда!
Кончайте, молодежь, болтать,
Настало время пожевать.
ТРОФИМОВИЧ –
Отстань, Семеныч, отдохни!
На все с плеча рукой махни.
Да, нам сейчас не до обеда.
Не главное сейчас обед
А главное сейчас ПОБЕДА!

Гвардейцы дружно кричат УРА
и стреляют в воздух.

г. Новокузнецк.

Дмитрий СЕМЕНОВ

Родился и живет в Новокузнецке. Больше 20 лет отдал службе в правоохранительных органах города, вышел в отставку в 2018 году в звании майора полиции. Награжден медалями «За отличие в службе» I, II, III степеней. В настоящее время трудится главным специалистом Управления мобилизационной подготовки, административных органов, ГО и ЧС в Администрации города. Литературным творчеством занимается с юношеских лет, с 2004 года начал посещать городское литературное объединение «Гренада», городской клуб любителей фантастики «Контакт», литературные студии «Берег», «Литтерра». Неоднократно публиковался с 2004 г. в литературных альманахах и меж авторских сборниках стихотворений, рассказов в Новокузнецке, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде. В 2019 году победил в областном конкурсе стихотворений «Чистый уголь – зеленый Кузбасс», организованном Кузбасским департаментом экологии и природных ресурсов и журналом «ЭкоВЕК». Участвует в различных городских творческих конкурсах, не только как участник, но и как критик, и член жюри. В последнее время больше пишет прозу, в жанре фантастики, литературную критику и публицистику. Является постоянным автором в литературно художественном издании- альманахе «Усятская россыпь» с 2007г.

Яша

(рассказ)

Посвящается годовщине прорыва Блокады Ленинграда, всем ветеранам Великой Отечественной Войны, моим воевавшим дедам.

Основано на реальных событиях.

Бывший курсант, а ныне рядовой Алексей Малышев проснулся от тычка соседа по скамье, с трудом разлепил глаза, пытаясь осознать: где он, и что с ним.

– Кажись приехали... Выгружаемся! – сказал сосед и улыбнулся кривой, почти оскаливающейся улыбкой.

«Песков...», – вспомнил его фамилию Алексей.

– Станция Рауярви! Всем с вагонов! Шнель! – кричали снаружи.

На четвереньках Алексей пополз к выходу из вагона, стараясь не вляпаться в изгаженную непонятно чем солому. Легко было догадаться чем, ведь эта остановка была первой для эшелона пленных. Туалетов конструкцией вагонов не предусматривалось.

На самом деле, конечно, эшелоном это было назвать сложно, всего два вагона «спецконтингента», прицепленных к обычному составу в тыл. Не в наш тыл, а немецкий, коим стала Финляндия. Враждебная белофинская фашистская Финляндия.

Плен...

«Как же это все унизительно и несправедливо», – думал Алексей, когда они строились в неровную шеренгу под дулами немецких автоматов.

Война шла не так как ожидалось. Думал ли комсомолец Малышев в июле 1941, что окажется в плену? Он рвался на фронт, но его отправили на курсы младших командиров тут же в Ленинграде. Отличник политической подготовки, в боевой как-то не срасталось, Алексей хотел быть красным командиром и вести бойцов в победные походы для освобождения угнетаемых фашистами трудящихся Европы.

Судьба распоряжалась по-своему: остаток лета и всю осень курсантов гоняли по строевой подготовке, уставам и прочим воинским премудростям, а также на разборы завалов от бомбежек и обстрелов. По родному Ленинграду враг уже стрелял из пушек. Фронт сам подошел к колыбели революции. Стремительно подошел.

Окончить курсы Алексей так и не успел. Вначале по-глупому контузило от близко разорвавшейся авиабомбы, уложив почти на два месяца в госпиталь. А затем формирующуюся ополченческую дивизию решили кадрово усилить будущими красными командирами. Вроде как обученные. Обученные таскать и копать. Стрелять практически не довелось, винтовку держали в караулах да на занятиях по сборке-разборке. Говорили, на фронте настреляетесь, а пока учитесь штыками.

Однако на Карельском фронте Алексей пробыл недолго. На третий день на рубежах обороны он потерял затвор от своего мосинского карабина. Было такое свойство у винтовки, уж очень легко она с предохранительного положения в «терятельное» переходила.

Само собой, за «приведение в негодность в боевой обстановке» он был разжалован с должности заместителя командира отделения до простого бойца, и провел несколько дней в арестантской землянке, пока особисты разбирались насколько его растяпство похоже на вредительство и трусость. Там он умудрился простудиться, причем настолько, что когда он очнулся в полевом лазарете, вокруг уже были немцы.

Сколько он пробыл в отключке от лихорадки, Алексей не знал. От рябого каптёра Пескова он услышал только предположение, что когда немцы неожиданно прорвались к штабу батальона, все настолько быстро «отступили на заранее подготовленные рубежи обороны», что о нём просто забыли. Так как он был болен, конвоя к нему не приставили, а медперсонал или эвакуировался с другими ранеными или просто разбежался кто куда.

Сам Песков, в плен попал тоже поглупому, он отпросился проверить самодельные проволочные силки на тетеревов и прочих фазанов, а когда радостно тащил добычу назад, оказался прямо перед колонной вступивших в хутор, где был недавно советский штаб, фашистов.

Фрицев изрядно позабавил встречающий их мужик, который держал в руках целую охапку дичи, Пескова даже не очень побили. Так, в снегу вываляли. Алексея тоже не избивали, но затрещин надавали. Алексей был сильно слаб, чтобы сопротивляться. Благодаря тому, что его единственный документ — справка, что разжалован и под арестом «за трусость и преступное пренебрежение оружием», немцы вообще сочли его добровольно сдавшимся. Особенно их впечатлило, что Алексей понимал немецкий язык – спасибо матери учительнице. Так Алексей избежал судьбы большинства пленных и не познакомился с немецкими прикладами. Теперь очередной этап – так называемый фильтрационный лагерь.

Если других пленных почти сразу затолкали в бараки, то нескольких, в том числе Алексея и Пескова, выгнали из строя и повели к местному повелителю «герру гауптману», командиру лагеря.

Толстый, почти старый офицер (на вид лет пятидесяти), лениво отмахнулся от них блестящими кожаными перчатками, отправив на санитарную обработку. Таков был местный «орднунг». Со всех сняли одежду и обувь, пинками загнали в один из бараков. Жилистый худой немец в грязном, некогда белом халате, проводил осмотр контингента. Лез в рот, смотрел цингу, вшей и полученные раны. После чего отправлял пленных то в левую, то в правую сторону. Одних на стрижку и мытье, других, видимо, в карантин.

Стригли пленных тут же. Два дюжих мордатых, рыжих немца в кожаных передниках шустро орудовали машинками для стрижки и прямо-таки портняжными ножницами. После чего лохматые головы приобретали гладко исцарапанный вид. Если кто-то пробовал уклоняться от их богатырских хватов за чубы, фрицы, смеясь, щедро награждали узников зуботычинами.

«Что-то много их сегодня! Йозеф сходи за Якобом! Пусть подключается тоже!» – распорядился немецкий фельдшер.

Алексей прекрасно понял доктора. Хотя, как выяснилось, тот неплохо говорил и по-русски. Увидев бледность Алексея, врач сузил глаза и на русском спросил, ткнув Алексея в лоб:

– Што есть с тобой русиш свин? Ты есть дохлый!

– Я болел, простуда уже почти прошла!» – быстро ответил Алексей на немецком.

– О! Ты есть, можешь говоряйт, почти как человек, безобразно как силезцы, но не мычишь как этот свинский скот! С тобой потом поговорить, для говорящей свиньи есть больше арбайт, чем просто для свиньи! Делай все правильно и не будешь дохлой свин!

В помещение завели человека. Сразу было видно, что это тоже пленный. Выглядел он не таким потерянным и раскисшим, как остальные. Смотрел без страха, не дергался, одежда была хоть и драная, но явно чиненая, на лице синяки, но уже поджившие. На вид ему лет под тридцать. Подстрижен коротко, как все пленные. Вел он себя несколько развязано, не тянулся по стойке смирно, а взгляд цепкий, а не заискивающий, похоже уже тут освоился.

«А Якоб! Бери машинка и давай чикчик, много свин привезли! Орднунг делать с ними надо!»

Вошедший кивнул, подошел к столу и взял машинку для стрижки, осмотрел ее, стряхнул налипшую прядь, оценивающе несколько раз прожал рычаги, скептически покачал головой, подошел к очередному пленному и начал его стричь. Спокойно и деловито. Было видно, что со своими клиентами он обходился более щадяще, чем немцы. Например, уже обритый немцем Песков удалился, прижимая порезанное ухо, с которого капала кровь, шевелюра у него отсутствовала, а по голове прошел ряд царапин, делая его похожим на какого-то ирокеза, с которого пытались снять скальп.

Яков работал спокойно и размеренно, ни одного лишнего движения, пряди сходили ровными полосками, как будто стружка на токарном станке, которую видел Алексей на занятиях в ФЗО (фабрично-заводское обучение).

На какое-то время в бараке установилась тишина. И немцы, и пленные смотрели на работу Якова. Алексею тоже повезло быть остриженным соотечественником, и вроде обошлось без членовредительства. Наблюдавший за процессом, фельдшер цокнул языком, покачал головой, вытер пот со лба и сказал на корявом русском:

- О! Якоб! Бросай этот свин! Давай постричь меня! Только возьми, есть Дойчь машинку, а не эти тупые финские железяки!

Мордатый рыжий немец подал Якову блестящую никелем более миниатюрную машинку. Алексей предположил, что пленных стригли не «человеческим» прибором, а вариантом для овец.

«По ранжиру?» – переспросил Яков, обращая взгляд в сторону печки, где стоял тазик. Немецкий доктор довольно кивнул, сделав знак своим помощникам, один из которых снял с вешалки белое вафельное полотенце и почти церемонно протянул его русскому брадобрею. Тот тщательно протер машинку и начал множить на ноль короткую стрижку фельдшера. А помощник в это время колдовал с небольшим тазиком, взбивая пену. Остальные немцы пинками разогнали пленных: и стриженных, и нестриженных. Осталась только пара конвоиров, и Алексей. Ему вручили некий гибрид швабры и грабель и жестом показали сгребать волосы с пола на чудовищного вида жестяной совок, явно бывший

в прошлом ведром.

Не успел Алексей собрать и тройку охапок волос, как Яков сноровисто подстриг немца и уже правил выданную ему опасную бритву на кожаном ремне, переброшенном ему на плечо. Доктор в это время мылил лицо и шею, довольно мурлыкая что-то себе под нос. Так же быстро и виртуозно Яков побрил немца под восхищенный гул зрителей. Рыжий помощник по имени Ганс притащил зеркало, чтобы доктор мог оценить работу.

«Признайся Якоб! Ты же еврей?! Русские не могут так хорошо стричь и брить! Я как будто сходил в салон Шиндлера на Генносе штрассе в родном Верниховене!» – немец был доволен, акцент и коверкание русских слов куда-то испарились.

«Я русский, херр доктор, я с Ярославской области», – сказал Яков и ухмыльнулся. Алексею показалось, что обращение «херр» он произнес не со всем с тем смыслом, что имели в виду немцы.

Наблюдая процесс бритья немца советским пленным, Алексей испытывал двоякое чувство: сначала священнодействие мастера стрижки вызвало этакое довольство, что наши немцам утерли нос, а с другой, вот так вблизи видеть горло фашиста и явного садиста, держать в руках бритву и даже не порезать эту сволочь... В глазах Алексея потемнело от эмоций. Он сжал в руках швабру и красочно представил, как колотит по этим ненавистным германским мордам, как хватает из рук немцев карабин и...

«Что здесь опять происходит, доктор Шульцман!» – раздался от входа грозный рык гаупмана.

«Ведем санобработку! Господин комендант!» – бодро ответил доктор, смахивая с шеи остаток пены. Столпившиеся конвойные быстро испарились и, судя по хлопкам и возгласам, начали деловито изображать «разъяснительную» работу с пленными. Помощники доктора санитары Ганс и Йозеф вытянулись по стойке смирно и неуклюже попытались щелкнуть каблуками.

Яков потупил взгляд и замешкался, очевидно, чувствуя всю неестественность ситуации своего нахождения с ремнем на плече и бритвой в руках.

Гаупман покачал головой. «Уж очень много вы показываете свое расположение к этим русским, доктор! Мне кажется те несколько лет, что вы провели в конце 20-х в этой варварской, грязной стране на вас отложили свой отпечаток! Вы солдат рейха, Шульцман! Не забывайте этого! И заберите, в конце концов, у этого русского бритву! Он вам не парижский парикмахер, а тот еще головорез! Черная Смерть или черные бушлаты, вам что-нибудь эти названия напоминают? Прекращайте балаган!». Явно не разобрав немецкую речь, но поняв интонацию, Яков положил на столик бритву и ремень и, подняв руки, встал подальше от доктора.

Тут же подбежала пара конвоиров, они сгребли Якова и Алексея и вытолкали из комнаты. Алексей успел еще услышать невнятные оправдания доктора, что новых пленных много, и у него было разрешение использовать помощь русских...

«Ну вот, принес черт глисту эту... – проворчал себе под нос Яков. – Опять ничего не перепало! Но и по шеям тоже...»

Солдат так смешно тянул звук О, что Алексей невольно улыбнулся. Все желание стыдить услуживавшего оккупантам солдата пропало. Напоминание о еде, неприятно вызвало спазм в животе. Дальше им прохлаждаться не дали. Алексея загнали мыться, а Якова увели в другую часть барака. Никакого удовольствия мытье без мыла в помещении с хроническими сквозняками не вызывало, выданная одежда (ватники и такие же штаны) была сущим рваньем, но вроде чистым. Вместо варежек Алексей повязал на руки портянки, радовала обувь – чудом удалось сохранить свою, пусть не новую, драную, но пока еще относительно целую.

Свидится с Яковом удалось только ближе к вечеру. Перед этим был нудный опрос в немецкой комендантской. Немцы приставали к Алексею с требованием подписать бумаги о сотрудничестве. Алексей настолько перепугался, от перспективы поставить свою подпись в бумагах о предательстве, что его затрясло, и язык отнялся. Разозлившийся немец врезал ему по лицу какой-то книгой и велел выкинуть на мороз. Конвоирам, видно, никакого желания быть на воздухе не было, и его просто загнали в барак.

По календарю давно был апрель, и погода стояла довольно теплая. Снег в этих широтах, по капризу синоптических богов, только начал сходить, было сыро и зябко. Алексей снова почувствовал себя нехорошо и улегся на пустых нарах, под бубнеж Пескова. Тот возмущался, что не дают жрать, что забрали его сидор с вещами, что немцы злые.

Когда Песков признался, что подписал какие-то бумаги, написанные на немецком, Алексей не выдержал и наорал на Пескова, что тот теперь предатель Родины, немецкая подстилка, и его повесят за добровольное служение немцам. Может быть, дошло бы и до драки, но отворилась дверь, вбежавшие немцы шустро схватили их за шкирку и растащили в разные стороны, загнав пинками чуть не под нары. Крича «Молщать! Не болтайт! Тихо ест вести!»

Позже Алексей узнал, что к ним вообще очень гуманно отнеслись. У руководства лагеря были виды на их персоны. Алексей знал язык, а Песков удостоился в сопроводительной характеристике лояльности к немцам. Видимо, его фазаны немцам понравились. Когда стемнело, в их небольшой барак пригнали ещё с десяток пленных, среди них был и Яков.

Алексей демонстративно не хотел с ним разговаривать, куаферство с врагами – это не достойно советского человека! Лучше смерть...

Прошло время, наслушавшись историй других пленных о том, как их взяли в плен, Алексей во многом изменил свое отношение к Якову, да и к Пескову тоже. Не предателями они оказались, а более бывалыми солдатами. Яков был краснофлотцем – морским пехотинцем 70-й отдельной морской стрелковой бригады, мало того – разведчиком. Два раза ходил в поиск на лыжах за линию Маннергейма, языков добывал, часовым глотки резал, настрелял их неизвестно сколько. Да и вообще, побег готовил. Тщательно и вдумчиво, от того и поведение такое было. Яков говорил: «Бдительность надо притупить». Он недавно пытался сбежать, но немцы поймали, избили его, сломали пару ребер.

Прошла неделя, их лагерь все еще стоял на месте, но чувствовалось, что скоро все должно изменится.

– Уходить надо сейчас! – шептал Яков, ибо даже шушукаться охрана строго запрещала, опасаясь сговора заключенных. – Уже набухают почки на деревьях, в это время даже на березовом соке можно продержаться. Жаль сухарей мало и фляга всего одна. Алексей вон подслушал, что хотят нас вывезти на какой-то остров, а оттуда сами понимаете – уже никак!

– Ждут они еще одной команды пленных, а там вывезут подальше от фронта – подтвердил Алексей.

– Вроде как ящики снарядные будем сколачивать или еще что-то с лесопилкой связанное.

– Из оружия у нас только заточенные гвозди и один нож, несколько патронов, а ружей нету. Но этого добра по болотам тут раскидано много. Жаль привязки нету точной, где мы. В Пашском районе я все на пузе облазил. Там три места знаю, где спокойно можно к нашим выйти, – рассказывал Яков. – Я вам на всякий случай расскажу приметы. Только совет мой такой: не говорите про плен, назовитесь окруженцами, в той ерунде, что под селом Зубец случилась, столько народу в котел попало, затеряться нетрудно. Промурыжат особисты, да и отстанут...

– А ты там попал? – уточнил у Якова Алексей.

– Там! Обычная история. Сказали нам, что наступаем наконец-то и разведку боем надо провести, чтоб позиции артиллерии их выведать. Пошли в ночь через озеро, уже не помню его финского названия, язык сломаешь. Да попали под обстрел. Положили наших черных бушлатов много, кто-то успел отползти, а мне не свезло, шел в первой цепи, да под перекрестный огонь попали. Минами крыли, лед весь издырявили, лежу весь мокрый, носа высунуть не могу. Настолько все жестко. Ну... вот и пришлось так весь день лежать. Темноты ждал, чтоб уйти, да сам себя перехитрил...

– Как так?

– Да примерз я ко льду! Дергаюсь, дергаюсь – никак! Давай в сумерках маскхалат резать, не успел. Услышали фрицы возню и вышли на меня. Всё зря... Не было никакого наступления, зря мы ждали, что нам помогут. Может на другом участке фронта, что и было, но не у нас.

Немец мне кричит, мол, вставай, а я не могу! Чуть не пристрелили! Вырубили меня саперными лопатками и как санки к себе отволокли. Пропасть какая! Так было обидно и не описать!

С наших, кроме меня, всего двое живых было, и те отошли потом. А на мне считай ни царапины, так на излете осколками посыпало, как горохом. Видно, матушка за меня до сих пор молится. Я хоть в Бога не верую, но в смертном медальоне у меня вместо записки молитва ею писанная лежит с материнской слезой. А я ведь незадолго до этой разведки боем в партию заявление писал, мол, прошу считать меня коммунистом.

– Да, теперь то после плена... – скривился Песков и махнул рукой.

Все замолчали. И только один из пленных стал тихо, с надрывом напевать переделку известной матросской песни о кочегаре...

Раскинулся лагерь широко,
Там тысячи пленных живут,
Их жизнь голодна и жестока.
Худеют, болеют и мрут!
Товарищ, не в силах я на ноги встать,
Сказал один пленный другому.
Я сильно ослаб, головы не поднять,
Видать не вернусь я до дому...

А уже на следующий день побег состоялся.

Все пленные были на работах. В километре от лагеря с мостка свалился грузовик, и надо было его вытянуть из воды. Два часа по пояс в воде пленные цепляли и толкали немецкую машину, едва вытянули. Разожгли костер и сушились.

Яков подошел к Алексею и тихо сказал: «Я, когда из воды выходил, среди веток на берегу винтовку брошенную приметил. Вроде целая. И возле машины на дне кое-что еще нашел. Мост порушен. Вряд ли быстро догонят, если сейчас сиганем, пока раздетые, через эту речушку, а на том берегу и оденемся. Делайте, как я вас учил, разбегаемся, а потом соберемся на берегу озера. Долго не ждите, двигайтесь на восток». «Какой сигнал будет?» – напрягся Алексей. «Ну... хороший сигнал, советский». Алексей увидел в руках Якова гранату. Немецкую «колотушку» противопехотную.

«Агх», – только и мог он нечленораздельно выдохнуть.

– Пойду немцам передам подарочек из реки, а вы не спите. Там кроме наших конвоиров еще зенитный пулемет у немцев стоит в кустах для прикрытия переправы. Вы бегите, а я догоню или нет, как получится, – прошептал Яков.

А дальше все завертелось.

Сколько потом Алексей ни пытался вспомнить, все было какими-то рваными фрагментами. Вот он идет к своим, а Яков ленивой походкой придерживая якобы спадающие штаны, а на самом деле пряча гранату, идет к костерку, где немцы пьют свой обеденный эрзац кофе. Вспышка... заполошные крики... А они, пленные почти голые, бегут к реке. Кто вплавь, кто, пытаясь толкать плотик, который использовали пловцы, нырявшие к утопленной машине.

Вот он почти захлебнулся и с головой уходит под воду, и там слышит странные шлепки. Из воды совсем другой вид. И не понятно, что такое там чиркает рядом. «Тах, тах, тах» стрекочет немецкий зенитный пулемет... Явно по ним, по плывущим людям. Вот рядом красная вспышка – это одна из пуль, словно яйцо, разбивает голову несчастного Пескова. Некогда ужасаться этому калейдоскопу. Время то сжимается, то ускоряется вместе с бухающим, как молот по наковальне, сердцем.

Только бы успеть переплыть эту речушку. Мелкую речушку всего метров может 80 – 100. Но какие жестокие эти метры! Жестокой финской воды!

Алексей выбрался на берег, натягивает на бегу наполовину мокрую непослушную одежду. Успевает оглянуться назад.

Вот она зенитка, развернутая к ним. Строчит трассирующими пулями по воде и берегу. И тут по ее щитку попадет пуля! Еще одна! Рикошет. Кто-то нас прикрывает? Кто? Возникает догадка – Яков! Кто же еще? Его на берегу не видно. Всего из двадцати сбежавших на берегу семеро. Тянуть с бегством нельзя, вдали уже показалась приближающаяся машина, с нее прыгают черные фигурки. Погоня! Надо бежать, иначе все зря. Зря Яков погиб. А что он погиб сомнений и не могло быть, один против такой кучи немцев!

К озеру они вышли в темноте, всего четверо, куда еще трое запропастились неизвестно...

Когда Алексей вспоминал ту неделю скитаний по финско-карельской грязи, по прифронтовым лескам, то казалось – был целый год. Год страхов, месяцы голода, дни боли от натертых ног и исхлестанных ветвями лиц. Как они прятались в голом весеннем лесу от финнов, как воровали лодку грязные и голодные, но злые и решительные.

Куда только делся простоватый паренек Алексей? Он буквально тащил на себе и гнал вперед бойцов, подбадривая их сакральными русскими матами. Перенял от Якова его манеру шуток-при-

бауток, вспоминал его наставления по выживанию в лесу и маскировке. Все-таки Яков был 1937 года призыва. В 1939 начался освободительный поход на Западную Украину, затем Финская. Якова не отпустили из части. В 1941 году он прошел от Минска до Ленинграда с отступающими частями. Алексею казалось, что незримый дух Якова сопровождает и ведет их, и обязательно выведет.

Как-то они набрели на минное поле. Двое из них навсегда там остались.

Успели набрести на какую-то финскую землянку, где спали два старых, стороживших метеостанцию мужика. Разжились у них маузеровскими карабинами, непонятными картами и бумагами. Финнов убивать не стали, те были впечатлены внезапно налетевшими злыми привидениями и сопротивления не оказали. Чудо в общем случилось, ибо русских чертей уже ветром от слабости шатало.

К своим вышли только Алексей и рядовой Махровцев. Вышли грязные и изодранные, как черти, но с оружием.

После выхода к своим, их почти месяц в Архангельске в спецчасти мурыжили. Неожиданно легко отбрехались. От того, что были худыми анатомическими экспонатами, их еще долго в госпитале держали.

Война и не такое списывала. Много было таких «окруженцев», как они, тысячи! Что сыграло в том, что им поверили? Трофейное оружие, карта и документы финских синоптиков или проход через минное поле, который показал Алексей? Бог знает.

О том, что бумаги о его разжаловании утерялись вместе с разгромленным штабом полка, Алексей совсем не грустил. А вот от необходимости умолчать о подвиге Якова с Ярославской области, становилось стыдно.

Но сколько было таких подвигов? Сотни тысяч? Миллионы? Каждый день войны был подвигом. Некогда было об этом думать. Был враг, и его надо было выбросить с нашей земли!

Эти ничтожные, в обычной жизни, три года войны растянулись в целую эпоху. Про каждый эпизод – бои под Петрозаводском, высадку в Заполярье, поход к Норвегии, бои в Латвии и Пруссии и далее вплоть до Пражской операции, можно было написать книгу.

Были и ранения, и утраты, радость от простого котелка горячей каши и надрывный кашель окопной сырости, горящая земля и свистящее свинцовое небо, бросающее сверху сталь и свинец. Но уже не было у Алексея того страха, которого нахлебался в плену. Он весь там и закончился, словно смыла с него весь страх та речка с непроизносимым названием. Помнится лишь, что оканчивалось название той реки на «йоки», и все.

Окончилась война, было даже желание поискать то место. Почтить память прикрывавшего их побег Якова. Хоть его фамилии Алексей не помнил: вроде бы Панарин или как-то похоже – Яша 1919 года рождения, вот и все. Но как-то не случилось. Забот после войны было много.

Войну Алексей закончил старшим лейтенантом, начальником разведотдела батальона, два ордена Красной звезды, три нашивки за ранения, пять медалей. Даже самая почетная солдатская - «За отвагу».

Эхо плена первый раз случилось в 1948 году уже после демобилизации.

Вызвали его в НКВД и спросили, почему он в анкетах не пишет, что был на оккупированной территории.

Оказалось, что в каком-то немецком архиве оказалась его фамилия. Алексей рассказал уже озвученную версию: был в медицинской части при нападении немцев на штаб, ушел в чем был в леса без документов, возможно, его документы попали к немцам, и те решили приписать себе пленных. Так себе отмазка, но прокатила... Все-таки фронтовик и всю войну на передовой. Пробурчали про однофамильцев, и на этом все успокоилось.

О своем плене Алексей рассказал всего-то пару раз, но потом отшутился, что от болотных газов ему плен мерещился...

Каждый раз, когда он видел освобожденных из плена узников, его сердце пронзало, словно ледяным колом. Слезы непроизвольно выступали на глазах, а губы шептали злые слова на голову проклятым оккупантам.

Второй раз прошлое вернулось в 1967 году. Алексей тогда уже был солидным человеком, старшим инженером и по совместительству парторгом завода насосного оборудования. Возвращаясь московским поездом из командировки в Казань, он услышал, что в конце вагона играет аккордеон и звучат популярные фронтовые песни. А одна была та самая, где раскинулся лагерь широко... Смутно знакомый голос выводил куплет:

Сижу в котловане,
В большой глубине,
Сижу я, судьбу проклиная.
Я пленно-советский в чужой стороне
Тюремную жизнь начинаю.
Побои и пули здесь были в ходу,
Они нас кормили и грели.
В дождливые ночи, промокши насквозь
Сидя без сапог и шинели.

Алексей не выдержал, накинул пиджак, звякнувший орденскими планками, и помчался в конец вагона.

Это был он. Тот, кто часто снился ему и на войне, и буквально вчера. Яша! Нельзя сказать, что он не изменился, война и годы — это такие художники, которые навсегда меняют человеческие черты. Но глаза... да, это были те самые небесно-голубые и пронзительные глаза на скуластом, чуть ли не кощеевом лице, седые волосы, поломанный нос, несколько небрежных шрамов. Яша мазнул взглядом по Алексею, остановился на орденских планках, уважительно кивнул и взглядом указал, где сесть. В купе сидела разновозрастная компания. Но Алексей не смотрел на других, он смотрел на эти заскорузлые длинные пальцы, давящие на клавиши аккордеона.

– Яков?.. Ты? Карелия... – выдавил из себя Алексей.

Яков взглянул на него. Спросил:

– Кондопога? Свирь? Лахти?

Алексей выдавил: «Раутярви»

– А... – протянул Яков, – Лешка! Дошли?

– Да дошли... двое... – и, захлебываясь, перескакивая порой через годы, начал сбивчиво рассказывать про себя. Яков то улыбался, то мрачнел, слушая рассказ Алексея, потом, молча, взял со стола наполовину наполненный стакан водки. Прошептал:

– За них, кто сгинул в тех проклятых болотах, – опрокинул его в себя, не закусывая, только кадык заходил.

– Сам как? Рассказывай! Я ведь считал, что ты погиб, нас прикрывая! – опомнился Алексей.

– Да что там рассказывать-то? Отсиделся, получается, в тылу немецком, на немецких харчах. Объедал, получается, врага как мог. Слушай, давай к тебе в купе? Нечего молодежи наши стариковские фронтовые страшные байки на ночь слушать!

Уже в купе Алексея Яков продолжил свой рассказ, и было видно, что давался он ему, ох как нелегко. Однако Яков, как и тогда, все пытался шутить.

– Доставил я немцам подарочек и уж собрался тоже нырять за вами, да фриц не дремал. Развернул зенитку на реку и давай класть как на стрельбище. Чую, вскипятит он воду пулеметом.

Пришлось ползти к ухороненной винтовке, да и пулять по немчуре. Жаль, патронов было мало. Пяток всего.

Попугал их маленько, а сам еще больше пужанулся. Наставили они свою «спарку» крупнокалиберную уже на меня. Думал, тут мне амба морская наступит. Да, видно, тяжелая бандура. По земле не так ей удобно стрелять, как по небушку. Мазанули. Тут я уж бросил карабин немецкий, побежал куда успел, получается – к лагерю. Там меня на дороге и приняли. Ничего, Шульцман – доктор фрицевский успел отбить. Только пересчитали прикладами мне зубы да позвонки, но не пристрелили. Зажило как на собаке, а зубы так и вовсе не жаль, у меня последние от цинги в 43-м все равно выпали. Теперь вон в стакане на ночь челюсти вставные храню. Ну, а дальше все по-прежнему. Голодно да холодно. Собрали остатки пленных, и на остров какой-то финский нас на барже отвезли. А оттуда я не Христос по воде уйти. Хотя была задумка про плот, но не свезло как-то. Ящики колотили снарядные, поддоны для бомб, мелочевку всякую.

Шульцман, помню, все сокрушался, что я молотком работаю. Все говорил: руки, мол, твои и глазомер уникальные, великий хирург и музыкант мог бы случится из меня. Неплохой был человек, хоть и фашист. Может и жив остался. Любить нас не любил, конечно, но без причины в обиду не давал. Помню, надо было в октябре баржу немецкую с мели вытолкать, так он меня и пару других спрятал в барак лазаретный. Написал на нем: «Ахтунг! Туберкулез!» Так охранная команда и сунуться туда побоялась.

А в конце 1943 года, видно, поняли финны, что не выдюжат войну и готовится стали к перемирию. Нас всех с немецкого кошта перевели к себе, чтобы на своих поменять. Вот там-то уж натерпелись мы на лесопилке от мастера Вирта и сержанта Тикконена...

Яков снова взял аккордеон и с надрывом пропел:

– *Много там творилося чудес.*
Это видел только темный лес.
На пеньки нас становили,
Раздевали, дрыном били,
Так прошли все юные года...

– Эх... – Яков снова выпил, не чокаясь, по его лицу катились слезы.

– Что там вспоминать-то? Горсть жмыха или отрубей в день? Как бревна тягали, рвали жилы? Как били нас хуже, чем собак, как мы падаль всякую жрали и траву с корою-лебедой? Все березы, словно зайцы погрызли.

А в 1944-м, кое как приодев, погрузили всех, кто выжил в вагоны и поехали мы на юг, в Россию. Даже не верилось, что война и плен для нас закончились.

А уже в Петрозаводске пересчитал нас советский конвой по головам. Прицепили другой паровоз, и отправились мы уже в Сибирь.

По дороге еще несколько с голоду и от лихорадки померли. Остановится паровоз воду в котлы залить. Трупы с вагонов покидают. Кинут нам мешок всякой крупы, иногда хлеб. Так и ехали. Не больно-то нас кто и жалел. Плен он как предательство считался.

Сам помнишь.

Вот так я оказался в Сиблаге в Кузбассе. Определили нашу команду на шахту «Красный углекоп» в Зеньковском районе.

Там я и Победу встретил. Война закончилась, послабления нам дали. Тогда уже и разбираться стали: кто там и что там. До 1953 года в комендатуре отмечался, ссыльным считался.

А в 1956 году уже реабилитировали и позволили домой ехать. Да я уже давно подженился, дети пошли. Так и остался в Кузбассе, кто я там на Родине-то? Ушел в 1937, а пришел в 1956. Все забыли меня. А в Прокопьевске я - шахтер, ударник. В партию вступил. Вот живем помаленьку. Рукам своим «хирургическим» занятие всегда нахожу, печки русские кладу, на аккордеоне играю, даже ковры научился делать. А сейчас дом свой строю. Решил вот к сестре съездить пока в отпуске. Такие, брат, дела.

– Я думал, что ты погиб. Не верилось, что долго в плену будешь оставаться! Морпех! Герой ты, не то, что я, сопляк! Ты же нам рассказал, как выйти к своим, и что делать! Ты нас прикрыл, остался один пока мы драпали! – высказался Алексей.

– Скажешь тоже... герой. Просто я шинель носил на три года дольше. Да и финнов понюхал в 1940 году. А в 1941 я был вообще аэродромным техником на Западной Украине, И-153 «Чайка» обслуживал. Грамотный я был, 7 классов целых.

А как немец все самолеты нам сжег, так пришлось снимать с разбитых самолетов пулеметы и отступать. Из одного котла в другой. От одной переправы до другой. Ну, само собой, после того как Украину и пол-России пешком прошагал с боями, на фоне новобранцев и смотрелся бывалым.

Вы все сами сделали, вы и есть герои. Не мог я тогда труса праздновать. Хотя и боялся не меньше вашего, а вам просто вера нужна была, что сможете уйти к своим. Свое я, считай, отвоевал, а у вас молодых все было впереди.

Вот не смог я своих однополчан найти, с кем с 1941 одну кашу ел. Жестокая это была война, с моего призыва в родном селе вообще никого не осталось.

Они пили водку, и говорили. Алексей сам не помнил, как заснул. А Яков, оказалось, сошел ночью на своей станции, так и не оставив адреса. Да и о чем еще им было говорить? Все сказано, а что не сказано, то и так понятно. Ожоги войны лучше не теребить, Алексей сам вздрагивал, когда дети во дворе играли «в войнушку» и кричали «Ты убит! Ты убит! Бей фрицев! Ура!»

Воспоминания о той, настоящей войне вставали перед глазами, заставляя сердце биться, а глаза увлажняться. Со временем начинало казаться, что это все было с кем-то другим, в другом совсем мире. И он остался там убитым, замученным в плену, а мирной жизнью живет кто-то уже другой.

И какой же мир настоящий?

Стоит ли это все забыть? Забыть утраты, забыть боль и разрушения? Нет, пожалуй, будет несправедливо к тем, кто живым вернулся с этой войны и к мертвым, которые не вернутся никогда из рукотворной преисподней. Их стоит помнить и никогда не забывать. Того же Якова. Яшу... хорошее имя! Решил для себя Алексей: «Если у меня будет внук, я назову его Яшей и обязательно расскажу ему, в честь кого его так назвали!».

Послесловие:

По официальным данным в период 1941-1944 гг. в Финляндии в плен попало около 67 тысяч советских солдат. Из них в плену погибло свыше 20 тысяч человек. Смертность составила около 31%. Большинство из них умерло от голода и болезней.

Новокузнецк
17-18 января 2020 года.

Аделья МАЧКОВА

Детское, взрослое, россыпью, в связках...
Наивность и мудрость встретились в сказках.
Не удержусь и добавлю.
Мысль всегда вернется к своему хозяину, да еще и не одна, а с «подругами», подобными ей. Мы всегда получаем только то, что отправляем.
Счастья всем!

Чеченский синдром

Валентина с мужем каждое лето проводили на даче. Дача находилась в березовой рощице на берегу реки. Иногда на выходные приезжали дети со своими друзьями. Разводили костер, готовили шашлык, приглашали к столу соседей.

Мужика, жившего на соседнем участке, называли по отчеству – Степаныч. Был он невысок, плотен, в возрасте близком к семидесяти годам, и имел хватку зажиточного русского крестьянина. Строил на своей небольшой территории второй каменный дом, прихватив под посадку картофеля землю прибрежной поляны.

Солнце медленно скользило за гору, отдавая небу великолепие красок. Розовые с рыжими подпалинами облака важно проплывали над домом. Покой и ночь опускались на землю. Валентина поднималась на крыльцо, когда услышала голос сына.

– Мама, мы с ребятами приехали. Максим из Чечни вернулся.

– Живой?! – обрадовалась Валентина – зови всех сюда.

– Нет. Мы на берегу остановились. Хотим на лодках по реке сплавиться, Макс просил. Покушать бы нам что-то с собой.

Валентина оглядела комнату.

– Вот булка хлеба, а больше и дать нечего. Мы завтра в город уезжаем, так что ничего не покупали. Картошку можешь выкопать. Помнишь, вдоль ограды мы немного сажали.

Сын взял хлеб, сбежал с крыльца и быстро вышел за калитку. От реки слышны были голоса. Смеялись заливисто девчата, звучала гитара. Валентина окликнула собаку. Динка – немецкая овчарка, стояла на крыльце и внимательно смотрела в сторону реки.

– Пойдем, Динка, покажем, где наша картошка растет. Да и Максима повидать хочется.

Через поляну, на которой сосед выращивал картофель, шел Максим.

И тут вдруг раздался негромкий хлопок. Яркая вспышка света. Валентина остановилась, не сразу осознав, что это был выстрел.

...Максим шел через поляну к знакомому дому. Там жили родители друга. Давно, ах, как давно не виделись они. Целую вечность, длиной в войну. Дима, сын Валентины, пригласил его вспомнить былые дни, когда они компанией приезжали на эту дачу на все выходные.

...Раздался знакомый звук выстрела. Сознание мгновенно изменило картину окружающего мира, повернув стрелки времени вспять. Он попал в окружение. Отступать поздно. Свои далеко. Чужой рядом, стоит с ружьем. Открытый в крике рот.

«Убью, не подходи! Убью!» – кричал мужик.

Сознание, стремительно перебрав все варианты, выдало решение: нападение – это лучшая оборона. Максим рванул на груди рубашку.

– Стреляй! Стреляй, сволочь! Что, не всех еще убили! – надвигался он на мужика.

Тот, ошалев от страха, вжимался в забор, не выпуская из трясущихся рук ружье.

– Уйди! Уйди с картошки, застрелю!

– Ты меня сейчас убьешь?! Это я тебя убью!

Максим протянул руку к ружью, но кто-то остановил его.

– Макс, это деревня, Макс. Войны нет, она закончилась. Ты вернулся домой – стараясь оставаться спокойным, говорил Дима.

Максим остановился и оглянулся. Знакомый дом, калитка, сосны. От реки бежали испуганные криками и выстрелом ребята. Макс сел на пригорок.

– За что? Что мы ему сделали? – спросил устало Диму.

– За картошку, наверное, испугался. Вдруг вырвем пару кустов, – ответил хмуро тот.

– Картошка? Он бы убил за картошку?! Мы там, на войне, чтобы он мог ее здесь... – захлебывался словами солдат, – я пришел живой, а он убил бы за картошку?!

Прибежавшие с речки девчата окружили его и, успокаивая, повели с собой.

Валентина очнулась от столбняка. Оглянулась на собаку, готовую броситься на обидчика по первому приказу хозяйки.

– Динка, так это Степаныч стрелял. В нас Степаныч стрелял. За что?

Сама же ответила на свой вопрос: «На полянку, распаханную им, мы зашли, Динка! Хорошо не зацепил мальчишек. Какой грех на душу взял бы, старый хрен».

...На следующий день она остановила проходившего мимо соседа.

– Что же ты, Степаныч, в мальчишку стрелял? А если бы убил?

– Хотел бы убить, убил бы. Умею, – негромко ответил мужик.

Валентина, сжав в узкую полоску губы, смотрела в глаза соседа.

– Что вы за мужики? Вытолкали мальчишек на бойню. Сами за их спинами благополучие свое создаете. И этих же мальчишек, защищающих ваше благополучие, за картошку убить готовы.

Смерила глазами Степаныча и добавила:

– Не дотянул ты до человека, сосед, да и вряд ли теперь станешь им.

Повернулась и пошла к дому.

И наступит утро...

Сказ для детей и взрослых, которые не устали быть детьми.

В то лето Саша поехала в гости к тетке в деревню, которая стояла на крутом берегу реки. Когда-то богатое село исчезало, теряя былые размеры и могущество. Молодые сбежали в город в поисках легкой жизни. Старики торопливо продавали дома и уезжали поближе к детям. В когда-то благодатных местах остались лишь одинокие пенсионеры, те, кому некуда и не к кому ехать. На хлеб и соль пенсии хватало. Остальное давал огород.

Их дома одиноко грустили на когда-то шумных улицах.

Тетка, натосковавшись без слушателей, все время что-то рассказывала. Слова, падая на пол, растекались ручейками. Саша смотрела и думала, что вода от теткиных слов скоро затопит дом, и они будут плавать в нем.

Зажмурив глаза, девочка на цыпочках побежала к выходу.

– Я на улицу, – крикнула Саша, хлопнув дверью.

А по улице гуляло лето. Оно переливалось зеленью листвы, разливало изумруд по траве, сияло радужным великолепием цветов под окнами теткиного дома. На окнах колыхались под легким ветром ситцевые в подсолнухах занавески, дополняя картину летнего дня.

– Славка, пойдем на речку, – Саша позвала через забор мальчишку из соседнего двора.

– Иду, – крикнул тот, и торопливо побежал вслед.

Накупавшись, они сидели на высоком берегу реки. Солнечный шар, разливая по небу прощальные краски, уплывал к горизонту. Перед ними искрилась водная гладь. А там, за рекой зарождалось чудо.

Солнца уже не было видно. Картина заката менялась на глазах...

Небо становилось ярко-голубым. По нему плыли розовые перистые облака. Они быстро меняли и форму, и окраску. Нежно розовые краски переливались в более темные, разбавлялись голубым и белым, отражали все оттенки сирени. Розовый темнел, становился бледно-сиреневым, голубым, и снова бледно-розовым.

Это была настоящая симфония цвета. Но вот она стала затихать, и перед глазами детей открылось удивительное пространство. Оно открывалось цветком, разворачивая новые и новые лепестки. Сказочные картины, возникая внутри цветка, менялись с непостижимой быстротой. Зеленые водопады, изумрудные озера, серебристые деревья. Фиолетовые тени превращались в голубые леса...

Розовело небо.

Возникающие миры невозможно было запомнить. На них можно было только, молча, смотреть. И дети смотрели, жадно вбирая в себя каждый штрих, каждый мазок меняющихся картин.

Река, переливаясь перламутром, отражала краски неба.

Саша раскинула руки, как крылья. Она была птицей. Птицей, готовой подняться над берегом, над самой рекой, над всем простором земли. Волны восторга, счастья и радости омывали ее. Пространство встречало детей, Землю и все, что было на ней Любовью и Светом.

Из глаз Саши потекли непрошеные слезы. Ей показалось, что к ней пришел друг, давно забытый, которого она любила всем сердцем. Как же долго его не было? Это был он, кому она доверяла все тайны, маленькие глупости и мудрые мысли. Он вернулся. Это был ее мир, ее ДОМ!

Сашино сердце, уловило ритм пространства, слилось с ним.

– Что это? – Славка с удивлением посмотрел на подругу, медленно отступая в сторону поселка.

Картина радужных огней, растворяясь, исчезала.

Саша пошла к дому, догоняя своего спутника. Ночь накрывала темным покрывалом поле, реку, одинокие дома. Тени прыгали со всех сторон на дорогу. Но Саше не было страшно. Она несла сияние огней необыкновенной радуги в сердце. Она точно знала, что ночь пройдет и обязательно наступит утро. Утро нового дня, которое она только что видела. Оно уже наступает!

Класс!

Валентина целый день крутилась на кухне. То картошку надо почистить, то салатик приготовить. Пятилетняя внучка Верунька пришла в гости, угостить хотелось повкуснее. Устала Валентина.

- Прилягу минут на тридцать – решила.

Внучке, чтобы не мешала, краски на стол положила и листок бумаги.

- Порисуй, а я чуть, чуть, - прошептала, укладываясь на диван.

Внучка что-то весело бормотала, крутила кисточкой в стакане так, что брызги летели по всей комнате. Потом затихла и потихоньку мазнула краской Валентину по лицу.

- Вот шкода, – подумала та, но не хотелось двигать, ни рукой, ни ногой.

А Верунька «старалась» вовсю! Закончив с бабушкиным лицом, стала радостно прыгать перед овальным зеркалом, над диваном.

Диван пружинил, и Верунька с веселым смехом и визгом подлетала выше и выше и вдруг села на Валентину. Та охнула и начала подниматься.

Журнальный столик, придвинутый к дивану, разрисован был так, что и краски, и стакан с водой, и кисточки, да и сам стол – все оказалось под сине-серо-красным акварельным покрытием.

Валентина медленно повернулась к зеркалу и подняла глаза. Нижняя половина зеркала была густо закрашена полосами всех акварельных цветов.

- Ну что, – спросила внучку – мне тоже на диване прыгать надо, чтобы на себя посмотреть, или как?

Верунька, отодвигаясь от бабушки, внимательно, с серьезным видом ее рассматривала, наклоняя голову то вправо, то влево.

- Любуется – усмехнулась Валентина и, встав на диван, придвинулась к чистой верхней половине зеркала.

- Господи, это я? – только и смогла спросить.

...Все лицо без единого просвета густо покрыто разноцветной акварелью! Шея, руки, не прикрытые рукавом – все пестрело всеми цветами радуги.

- А глаза что же не закрасила? - серьезно спросила внучку.

- А ты их закрыла – быстро ответила та.

- Да, боевой раскрас! Что, выходим на тропу войны? - засмеялась бабушка.

- Тебе понравилось?! Ведь класс! – гордо обвела рукой все разрисованное пространство Верунька.

Раздался звонок. В дверях стоял дед, пришедший с улицы, и с изумлением рассматривал жену.

– Ну как? – выпрямилась та. – Верунька говорит «класс»!

- Да-а-а. Ты, действительно, вне конкуренции, – оценил муж.

г. Новокузнецк.

Иван КОЖЕМЯКО

Иван Иванович Кожемяко - автор многих книг – профессиональный военный, академик, профессор, всю свою жизнь посвятил служению Отечеству, Великой, Единой и Неделимой России в рядах Вооруженных Сил, генерал-майор. Родился 29 февраля 1948 г. Детство и юность прошли в Крыму. Окончил Вильнюсское военное радиотехническое училище в 1969 г., Белорусский государственный университет в 1980 г., Военно-политическую академию им. Ленина в 1985 г.; служил в Вооруженных Силах СССР и РФ на различных должностях, 1992—1998 г. г. — помощник начальника Главного штаба Сухопутных войск. Награжден орденами Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, семнадцатью медалями, а также двумя орденами Демократической Республики Афганистан. Имеет дочь и трех внуков.

Будь благословенно прошлое

Кленовый лист

Будь благословенно прошлое,
в котором осталось наше
сердце, и в котором мы
были молодыми и счастливыми,
влюблёнными и нравственно чисты-
ми, безгрешными.
И. Владиславлев.

Перебирая свою обширную библиотеку, я готовил её к передаче внуку Владиславу, и наткнулся на давно забытый, совершенно обесцвеченный от времени кленовый лист в старинной книге стихов С. Есенина, которую мне давным-давно, когда я был ещё курсантом военного училища, подарил водитель, подвозивший меня. Я даже помню, как он, увидев мой неподдельный интерес к книге, уж больно роскошным было издание – миниатюра, толстенная, на мелованной бумаге, с прекрасными иллюстрациями – с доброй улыбкой, без жалости, подарил мне эту книгу.

– Бери, курсант, я её уже прочитал...

И когда я открыл эту книгу сегодня – как же сжалось при этом моё сердце от давних воспоминаний, связанных с давно отгоревшей юностью.

Почти половина столетия, а если уж точно – сорок пять лет минуло с тех пор, а я помню те дни, словно они коснулись моего сердца и моей памяти лишь вчера.

***

Ах, как же щедро намешала природа и красоты, и разума, и учтивости, и надменности, и воспитанности, и дерзости, и душевной щедрости, и непреклонности, и милого вероломства, и хитрости в этой девушке.

Мы, ещё пацаны, хотя по возрасту – её ровесники, с завистью и уже с первой ожесточённой влюблённостью, смотрели на неё, когда она проходила мимо. Всё в ней было совершенным – точёные ножки, поступь – так не ходил никто. Помню, как я, немея от восторга, вглядывался в её удаляющуюся фигурку на тополиной аллее, в санатории для больных лёгочными болезнями под Киевом.

Уходило детство. И в ранней юности, которая так быстро наступила, благодаря именно ей, Людмиле Бабич, я исписывал целые тетради несовершенных стихов, разумеется, посвящённых ей, моему божеству, владычице моих мыслей и светлых грёз.

Помню, как я боялся вручить ей эти стихи. Постоянно носил их с собой и всё ждал, когда наступит благоприятный момент к этому.

Увы, увы! Я ведь был не единственным и отчётливо видел, что влюблены в неё многие, если не все мои ровесники и товарищи по несчастью.

В её облике что-то было и от армянки, и от грузинки, наверное, там текла и еврейская кровь (это я понимаю теперь), и от степняков что-то осталось, но более красивой девушки я не видел – ни в ту пору, ни, вот уже и жизнь повернула давно на закат – сейчас.

Я, простой казачонок, любовался ею всегда: как она сидит, как ест в столовой, как красиво и правильно говорит, с каким достоинством держится с подругами и товарищами.

Друзей, мне казалось, у неё не было. Она была выше и величественнее всех, и дружить с ней, я полагаю, никто не смел, не по силам это было натурам более слабым и не таким утончённым, без такого богатого внутреннего мира. Она много читала, много знала, очень неплохо, это открылось мне совсем неожиданно, играла на пианино.

И, чего греха таить, эта юная девушка, даже не думая об этом, столько сделала для того, чтобы и я стал лучше, лучше во всём – учёбе, участии в общественной жизни, творчестве.

Я тянулся за нею и всё ждал, когда наступит миг, чтобы она, моё божество, взлелеянное в моей душе, обратило на меня внимание. Я стал тщательно следить за своей одеждой. Мои брюки всегда были наглажены, рубашки – а их-то и было две-три всего, свежими, а туфли – ослепительно сияли.

***

И, помню это отчётливо, дождался – мой день, наконец, настал.

В кино, а нам его в клубе показывали три раза на неделе, совершенно случайно, не думал даже о таком счастье, я оказался возле неё – рядом.

Господи, как же мне не сиделось на месте.

Я не знал, что ей сказать, о чём говорить вообще, и от этого мучительно краснел, мне мешали мои руки, и я не находил им места.

Совершенно неожиданно услышал, обращённое ко мне:

– У тебя очень красивые руки. Такие длинные пальцы. И ресницы – девушки позавидуют...

Вначале я даже не понял, что это она, моё божество, говорит мне. А когда до меня дошёл смысл сказанного, я покраснел, и что-то бессвязно проговорил в ответ.

Помню лишь отчётливо одно – я читал в ту пору стихи какого-то украинского поэта, и там были строчки, поразившие меня:

«О, мила бонна,
невідома,
Як би – не ця
Вечірня втома –
Я відповів би Вам
Не так...»

Именно эти строчки я прочитал ей в ответ на тёплые слова о неких моих достоинствах, которые она отметила, и в чём моей заслуги, это уж точно, никакой не было – от родителей мне достались и мои руки, и мои ресницы.

Она красиво улыбнулась в ответ и положила свою совершенную руку, на один только миг, поверх моей, которая от напряжения дрожала.

Боже мой! Как же ликовало моё сердце! Оно выпрыгивало из груди, мне не хватало воздуха.

Я, словно во сне, вновь и вновь вызывал в своём сознании всё, что она сказала, а моя рука, казалось, горела от её невинного прикосновения.

Этот фильм разрушил ту преграду, которая стояла между нами, а вернее – между мной и этим непостижимым дивом. Я, отныне, стремился постоянно быть подле неё, видеть её, слышать её и говорить с нею.

Наконец, я дерзнул и, аккуратно переписав на отдельных листах несколько своих стихотворений, посвящённых ей, вручил их на её суд. Помню, тут же быстро повернулся и ушёл от неё, не оглядываясь.

Она нашла меня у стен старинного замка, поросшего лианами хмеля и ещё каких-то вьющихся растений с дурманящим запахом. Её тёмно-карие, почти чёрные глаза, светились неведомым мне досель светом. В них было столько огня, столько чувства, что я даже испугался.

Так на меня ещё никто не смотрел в жизни.

– Спасибо! Мне очень понравились твои стихи. Их искренность.

У меня стали пунцовыми уши. От волнения я не знал, что сказать, и только смог в ответ прочесть стихотворение, я не знал в ту пору его автора, но оно мне очень нравилось.

И я его запомнил с первого прочтения. Помню его и до сих пор:

«Всё, что было –
до малости,
Отдаю я любя –
ни печали,
ни жалости,
Я не жду от тебя.
Лес стоит,
как обугленный,
За последней межой.
Я не просто
разлюбленный,
Я – навеки чужой».

– Ну, зачем же так трагично? И ты мне – не чужой, – донеслось до меня. – А чьё это стихотворение? Твоё?

У меня не хватило сил признаться, что это не моё стихотворение, пусть меня простит его автор, известная мне сегодня благословенная Вероника Тушнова. Но не мог я и солгать, поэтому и сказал:

– Я его очень люблю.

С этого дня я понял, что всерьёз и навсегда, в юности при первом святом и искреннем чувстве нам всегда кажется, что это – действительно навсегда, – без памяти влюблён в эту красивейшую и умную девушку.

Помню даже, как меня волновала её красивая девичья грудь. Скользнув нечаянно по ней взглядом, я краснел и спешил отвести глаза в сторону.

Она это видела, тепло улыбалась. Как старшая и мудрая женщина глядела на меня, несмышлёныша, такого наивного и такого чистого, и светлого, своими дивными бездонными глазами. Словно испытывая меня, подходила так близко, что ещё миг – и красивые холмики, обтянутые кофточкой, коснулись бы меня.

Когда она волновалась, читая мои новые стихи с признаниями в любви, её грудь высоко вздымалась, в такт её дыханию, и я замирал от счастья и восторга, самого видения такой совершенной красоты.

И как же горько, что расстроилась эта моя светлая юношеская любовь так же внезапно, как она и пришла ко мне...

***

Жестокосердная и завистливая юность моих коллег по несчастью не простила ей, моей первой любви, гордости и надменности, возвышенности чувств и независимости, отстранённости от них.

Не знаю, кто был инициатором, но ей объявили бойкот. Все были предупреждены, что если бойкот будет порушен кем-либо, то весь гнев коллектива обрушится на виновника.

Она гордо несла эту изоляцию, эту свою непростую ношу. Только ещё прямее стали её плечи, да в гордой посадке головка, нарочно, не опускалась долу, а в глазах застыли, вместе с болью, презрение и надменность к тем, кто так неправедно её осудил.

Но весь страх был в том, что не подошёл к ней и я. Не от страха каких-то ответных мер со стороны коллектива, а от того, что она и меня опалила таким взглядом, что я испугался.

Она словно говорила: «И ты с ними, и ты поспешил от меня отмежеваться». При этом неприязненно и надменно кривила в горькой ухмылке-улыбке красивые, необыкновенные губы.

Вскоре она уехала из санатория. Её забрали родители. Слава Богу, не потому, что она не могла выдержать такого отношения к себе, а потому что выздоровела и возвращалась к нормальной жизни.

Помню, до сей поры, как я, спрятавшись от посторонних глаз в развалинах того старинного замка, где и состоялось моё первое признание в любви, я плакал, не стыдясь пред собою, этих очищающих душу слёз.

Когда я вернулся в свою комнату, на тумбочке у моей кровати лежал большой букет багряных осенних листьев.

Я знал, что они – от неё. И долго, затем – годы и годы, хранил в книге один листок из того букета, который так сладко и так больно напоминал мне о первой любви и моём предательстве той, которая была смыслом моей юной, начинающейся жизни.

***

Я больше ничего не слышал об этой девушке, Людмиле Бабич. Я даже не знал, откуда она и где её можно разыскать. Но судьбе было угодно ещё дважды напомнить о ней – при весьма интересных и неожиданных обстоятельствах.

Завершив военное училище, я недолго служил в Белоруссии, а затем – по всем окраинам Русской Империи, как я шутил в кругу друзей. Помню, как молодым майором приехал в отпуск к родителям, которые проживали в Крыму, на берегу Азовского моря.

И в первый же вечер, в Доме культуры, я встретил своего одноклассника Алёшу Сивоконь. Мы были очень дружны с ним в юные лета.

В разговоре за добрым столом, он рассказал мне о том, что несколько месяцев назад был приглашён в гости, к знакомым в Керчи. И там увидел необычайной красоты молодую лет двадцати пяти женщину южного типа.

Она выделялась среди всех гостей молчаливым, высоким достоинством. Говорила очень мало, всё больше слушала, но каждое сказанное ею слово было наполнено высоким смыслом, глубоким содержанием. Так случилось, что женщины, выпив домашнего вина и несколько раскрепостившись, завели разговор о своей первой любви.

Нотки грусти и несбывшихся надежд объединяли их, и истории, которые они представляли на суд своих подруг, были разительно похожи. Как правило, у всех первая любовь явилась в школьные годы, но сберегли её не многие. Как-то она беспричинно стаяла и ушла, и, вспоминая об этом, женщины говорили без горечи и сожаления, как о доброй, но такой далёкой от жизни сказке-мечте.

Завершив каждая свою исповедь, милые женщины, немножко опьяневшие от вина и нахлынувших на них воспоминаний, поглядывали на свою молчаливую и ослепительно красивую приятельницу, которая мечтательно улыбалась чему-то своему при их наивных рассказах. Они просто вынудили и её принять участие в наивной и искренней исповеди.

Она, выпив глоток вина и не отрывая своего взгляда от рубинового напитка, с каким-то надрывом в голосе сказала:

– А я до сих пор люблю того, кто был моей первой любовью. Давно это было. А кажется, что только вчера. И я всё помню, каждый, миг, связанный с ним...

По словам моего друга, она поведала историю, которую я и изложил выше. К слову, никакого отличия, никаких иных ударений и акцентов в ней не было. Такое впечатление, что историю я рассказывал моему другу лично. Совпадало всё, все оттенки и даже переживания.

Алексей заинтересованно слушал исповедь этой красавицы. А в конце её повествования не выдержал и спросил:

– А кто он? Как его звали? Где он сейчас, знает ли она что-либо о его дальнейшей жизни?

И Людмила, а это была именно она, ответила, повернувшись к Алексею и опалив его взглядом своих бездонных очей:

– Где он – не знаю. А зовут его Иваном, Иваном Переславлевым. Такая необычная фамилия.

Алексея, как он сказал, словно током пронзило оттого, что речь шла обо мне, его школьном друге, но он ничего не сказал об этом юной даме.

Думаю, правильно сделал. Что ворошить старое кострище? Разве возможно его разжечь вновь? Редко кому это удаётся. Мне же он в деталях поведал эту историю и при этом сказал:

– Завидую я тебе, Иван. А мне вот не пришлось пережить подобного.

И, немного помедлив, сказал:

– Она в Керчи живёт. Я даже знаю – где. Не хочешь увидеть?

Гулко забилось моё сердце. А затем, опомнившись, сказал ему:

– Нет, Лёша. Не буду ворошить пережитое. Пусть оно останется в душе таким чистым и светлым. Мы сегодня совсем иные. И несём на себе и в себе отпечаток всего пережитого. И не всегда – самого лучшего.

– Скажу лишь одно, милый друг: если есть Господь, пусть ниспошлёт ей счастье и благополучие. И пусть она меня простит, если может, за то юношеское предательство, которого я не забыл до сей поры.

Я горько усмехнулся:

– Слава Богу, что оно было единственным в жизни и научило меня больше принципами не поступаться, никогда, ни при каких обстоятельствах, даже если твоей жизни угрожает опасность.

– Знаешь, – повернулся я к нему с братской чаркой в руке, – как в старину говорили: «Жизнь – государю, сердце – Богу, а честь – никому». Так я и старался идти по жизни, дорогой друг. Не ловчить. Не скулить. На солдатских кровях – судьбы не строить.

И мой друг юности, при этих словах, с особым уважением посмотрел на мою звезду Героя, которая скромно отсвечивала на моём пиджаке.

Её историю он знал и завидовал, что ему не выпал в жизни Афганистан.

– Глупый ты, – отвечал я ему, – и слава Богу. У каждого свой крест и своя судьба. И мы их должны нести, каждый по своим силам, честно и достойно...

Кленовый листок, по приезду домой, я переложил в книгу, которую забирал с собой. Внуку он зачем? Будет у него своя первая любовь, и свои воспоминания, и грёзы, и разочарования, и муки, и слёзы. Свой путь и муки свои у каждого.

Чужой судьбы мы не понимаем и памяти о ней не храним. Она мало что значит для тех, кто приходит в этот мир после нас.

Когда мне бывало трудно, и груз лет и бед начинал нестерпимо давить на уже уставшее сердце, я открывал эту книгу и смотрел на этот почти истлевший листок.

И всегда становилось легче. А губы, непроизвольно, без моей воли, шептали:

– Будь благословенна моя первая любовь. Будь благословенна. И я благодарю судьбу и Господа за то, что ты у меня была...

***

Не думал никогда, что эта история будет иметь продолжение, которое – нет, не убило душу, не изменило ход жизни, когда уже норовишь приступить к итогам пережитого и пройденного, а тихой грустью накатило на сердце, да и заставило его сжаться от воспоминаний о былом счастье. О возможном, но не случившемся...

***

Прошлой осенью, выпало мне счастье, по приглашению моей младшей сестры, гостить в Крыму. Это был, пожалуй, самый прекрасный отпуск в моей жизни.

В один из дней я решил поехать в Керчь, посмотреть Митридат, побывать в Аджимушкайских каменоломнях – особом для меня месте мужества и скорби. Здесь, без всякой надежды на помощь и спасение, сражались и гибли за наше Отечество герои Великой Отечественной войны, чей подвиг сегодня, в силу известных обстоятельств, забыт и унижен.

Целый день я бродил по памятным местам. В Керчи я не был с курсантской юности, и всё увиденное воспринималось как первооткрытие. Не знаю почему, но ноги сами привели меня в старый город, где всё было узнаваемо и близко.

Уже совсем выбившись из сил, на набережной я зашёл в уютный ресторанчик под лёгким шатром, которых здесь появилось в огромном числе, на каждом шагу.

Наслаждаясь глотком Ливадийского рубинового портвейна, который мне очень нравился, я увидел необычайно красивую женщину моих лет, которая с внучкой, это было видно сразу – такой же яркой, необычайно красивой, как и бабушка, только со светлыми волосами, в жёлтой, так ей идущей куртке, тоже зашли в этот ресторанчик на набережной.

Перемену во мне заметила даже официантка:

– Что случилось? Вам плохо?

– Нет, нет, милое дитя, мне очень хорошо. Не тревожьтесь... Всё хорошо, – и я тихонько дотронулся до её руки.

Сам же неотрывно смотрел на вошедшую в ресторан женщину.

Казалось, время было не властно над ней. Тот же гордый профиль, богатые, красивые волосы. Только вот изморозь седины уже пробежалась по её дивным волосам, но они ей очень шли, и она их не красила.

На её лице блуждала улыбка счастья, когда она смотрела на внучку, красиво положив подбородок на руки, и о чём-то с ней говорила.

Она выпила чашечку кофе, дождалась, пока внучка съест пирожное и выпьет чай, и неторопливо поднялась из-за стола.

В этот миг я увидел у неё в руках букет из ярких осенних каштановых и кленовых листьев. Она постояла секунду в раздумьях и положила листья на край пустовавшего стола. Внучка что-то ей сказала, указывая на листья. Но она, взяв её за руку, повернулась и пошла к выходу.

Я заметил, что от лёгкости её походки не осталось и следа. Шла она медленно и тяжело, а голова её, словно существуя независимо от тела, всё норовила повернуться к тому столику, за которым сидел я.

На один миг молнией ожёг меня её взгляд, и она вышла из ресторана, уже торопя внучку. Груз лет придавил мои плечи. Я сидел поникший и усталый. Нехотя допил вино, положил на стол деньги и пошёл к выходу.

Проходя мимо стола, за которым сидела та яркая женщина с внучкой, я остановился и взял один кленовый лист, самый яркий, положил в газету, которую купил на набережной.

Приехав домой, переложил его в ту же книгу – Сергея Есенина, где лежал тот первый и такой памятный для меня, связующий с далёкой и чистой юностью, совсем уже выцветший лист клёна.

И я всё думаю – увидела ли она меня, бывшая юная девушка, явившая ту невинную и светлую любовь, в те далёкие и невозвратные годы, в городе и пошла следом за мной, или зашла в ресторанчик случайно – не знаю. Но то, что она узнала меня, это я почувствовал определённо. И букет кленовых и каштановых листьев не случайно был оставлен на столе.

А встреча – нет, она была не нужна. Встретиться, чтобы проститься, уже навсегда? К чему? И зачем? Каждый прошёл свой путь, проторил в жизни свою дорогу, прожил свою жизнь. Но она у меня состоялась потому, что в моей душе всегда горела негасимая свеча той первой любви, которая и позволила сохранить в душе человеческое даже в тех испытаниях, которые выпадают не многим.

Нет, я не жалею ни о чём. Выросли дети. И хотя пятнадцать лет нет рядом той, которая стала судьбой и наградой за пережитое и пройденное, а девять лет назад погиб и сын, молодой полковник, спасая товарищей в бою. Они всегда неотлучно со мной.

Но твёрдо знаю и то, что я никогда бы не состоялся, как личность, как гражданин, как солдат Отечества, если бы мою жизнь не освещал дивный свет первой любви.

Быть может, сохранись она, многое было бы утрачено, поблекло и померкло. И не вспоминал бы я о ней с таким обожествлением и таким светлым чувством. А может – расцвет её украсил бы две жизни, две судьбы, не знаю.

Но то, что она была, всегда жила в моём сердце – помогло мне в жизни выстоять, укрепиться, не свернуть с дороги совести и чести – это точно.

Во всех испытаниях её негасимый свет помогал мне преодолеть все преграды, просто выжить там, где выжить было невозможно.

Будь благословенна вовек подарившая мне это святое и чистое чувство.

Застываю пред тобой в земном поклоне.

Храни тебя Господь!

30 ноября 2013 года.

Москва.

Об одной истории в Нескучном саду

***

Давно живу.

Многое видел, через многое прошёл, была и радость высокая в судьбе, и горечь страшных утрат, после которых уже не возвращаются к нормальной жизни. Но эта история, свидетелем которой был я сам в давние уже годы, как-то и мне позволила пожить ещё с выжженной душой. Светлая тень радости за чужие судьбы легла на душу и придала мне сил.

***

Совершенно молодой ушла из жизни жена, которую я не просто чтил, а боготворил, потому что не видел более чистого сердца и души светлой.

На руках остался сын, и я, мыслю, сделал всё возможное, чтобы вырастить из него человека достойного и полезного Отечеству, друзьям, своей молодой семье.

Он стал военным, это был его осознанный выбор, и я ему в этом не мешал. Считаю, что и офицером он был достойным, так как уже в тридцать шесть лет стал полковником, получил множество отличий и наград, а на Первой чеченской войне удостоился даже звания Героя России.

И вот – его не стало.

Погиб в бою, спасая своих подчинённых.

Болячки накрепко прилипли ко мне после этой трагедии, и я только мог с тростью, выходить на аллеи Нескучного сада, где на скамейке и просиживал несколько часов, в любую пору года. Даже зимой. Благо, что жил недалеко.

Но самой любимой порой в году была весна, когда зацветали сирени. Множество их было на аллеях этого удивительного парка.

В один из таких дней и случилась история, о которой мне хочется рассказать вам.

***

Почти напротив скамейки, где я всегда сидел, остановился высокий и стройный курсант военного училища. Сам служил, поэтому сразу увидел в нём человека, чтящего честь и имеющего совесть.

Курсант весь сиял, начищенный, наглаженный... Несколько раз глянул на свои часы и стал смотреть в глубину сиреневой аллеи.

Я даже загадал, улыбаясь себе в усы: «Девушку ждёт. Где же ещё есть лучшее место для романтической встречи?» И я не ошибся – через несколько минут, из-за поворота, появилась девушка.

Если сказать, что это Ангел шёл по земле, значит – ничего не сказать.

Маленькая ростом, ладная такая, с безупречной фигуркой, пышными чёрным волосами, прибранными столь аккуратно, что даже не верилось, что это дело рук человека. Когда она подошла ближе – разглядел, что, скорее всего – юная татарочка с капельку раскосыми глазами, безупречно и строго одетая. Так ей шли – и узкая юбка с каким-то замысловатым узором, и кофточка бирюзовая, подчёркивающая её природную смуглость.

Курсант на руках поднял её под локотки и поставил на бордюр аллеи, чтобы она казалась выше, и стал бережно и нежно целовать её ладони, а затем – прикоснулся к уголкам губ и ко лбу.

Она счастливо улыбалась и не сторонилась его. Было видно, что эта их встреча не была первой. Девушка тихонечко положила парню голову на грудь и даже закрыла глаза.

– Владичка, – услышал я – а ты никогда-никогда меня не оставишь?

– Я просто умру без тебя. Я не смогу без тебя, моя хорошая.

Затем они присели на скамейку и что-то увлечённо обсуждали. Я уже к этому не прислушивался и только улыбался в свои седые усы, мысленно желая им добра и счастья.

В это время на скамейку, напротив курсанта и его очаровательной девушки, села стайка молодёжи. Они шумно обсуждали какие-то свои проблемы, перебивая друг друга. Одна девушка в их компании неумело терзала струны гитары, но ничего путного у неё из этого не получалось.

Курсант что-то сказал своей попутчице и направился к молодёжи.

– Милая девушка, Вы позволите гитару на несколько минут? – обратился он к владелице инструмента.

Та протянула курсанту гитару, и уже вся группа стала заинтересованно следить за ним. Он вернулся к своей попутчице, и стал настраивать гитару. Через несколько минут запел неведомую мне песню, мастерски аккомпанируя себе на гитаре.

Это уже потом я узнал, специально ходил в библиотеку, что пел он песню на слова Сергея Есенина «Синий май». Надо прямо ответить, что пел он красиво, хорошо поставленным голосом.

А как она на него при этом смотрела!..

Синий май. Заревая теплынь.
Не прозвякнет кольцо у калитки.
Липким запахом веет полынь.
Спит черемуха в белой накидке.

В деревянные крылья окна
Вместе с рамами в тонкие шторы
Вяжет взбалмошная луна
На полу кружевные узоры.

Наша горница хоть и мала,
Но чиста. Я с собой на досуге...
В этот вечер вся жизнь мне мила,
Как приятная память о друге.
Сад полышет, как пенный пожар,
И луна, напрягая все силы,
Хочет так, чтобы каждый дрожал
От щемящего слова «милый».

Только я в эту цветь, в эту гладь,
Под тальянку веселого мая,
Ничего не могу пожелать,
Все, как есть, без конца принимая.

Принимаю — приди и явись,
Все явись, в чем есть боль и отрада...
Мир тебе, отшумевшая жизнь.
Мир тебе, голубая прохлада.

По просьбе молодёжи он пел ещё что-то, но мне запомнилась более всего эта песня, на слова Есенина. Потом, даже сам не знаю для чего, я выучил её наизусть.

Через несколько песен он передал гитару хозяйке и сказал:

– Всё, ребята, нам надо идти.

Подал руку своей спутнице и вскоре они скрылись за поворотом аллеи.

А я всё продолжал ходить на свою скамейку, и очень хотелось верить, что встречу ещё хотя бы раз эту милую пару.

Но жизнь распорядилась иначе. Больше они не появились.

Годы и годы минули, а их я так и не встретил.

***

Не знаю, за что вознаградила судьба, но уже моих годков не осталось ни одного. Я весь высох, но мог самостоятельно и до Нескучного сада добраться, и незамысловатое своё хозяйство вести.

Да что мне надо в жизни к этой поре? Кашу сварить... Я этому научился ещё с молодости.

Май, может последний в моей жизни, просто буйствовал в этом году. И моя любимая сирень так радовала душу, что я шаг ускорил, насколько это было возможно. Устроившись на любимой скамейке, я наслаждался солнцем и покоем.

Заслышав звонкие шаги по аллее, я оглянулся и похолодел.

Это шла она, та смуглая девочка, которую я видел более двадцати лет назад. Только стала ещё ярче, ещё красивее. Годы нисколько не сказались на ней.

Она к этому возрасту расцвела той дивной красотой, которая свидетельствовала о гармонии её внутреннего мира.

Я бы её узнал среди всех, так мне запомнилась эта милая девушка.

Но она была одна. И мне почему-то стало тревожно на душе.

«Жаль, значит – не состоялась у них судьба. Какая причина и что случилось, конечно, мне неведомо».

Я неотрывно следил за молодой женщиной.

Она остановилась на том месте, где я их увидел в первый и единственный раз. Встала на бордюрный камень аллеи, на который её поставил курсант. Постояла, закрыв свои дивные глаза, потом тяжело вздохнула и, сняв с шеи лёгкий шарфик, повязала его на ветку сирени. Постояла ещё минутку в молчании и тихо пошла по аллее к выходу из парка.

Мне стало нестерпимо горько, но изменить что-либо я не мог. И не знал я, что буквально через минуту меня ждало ещё большее потрясение.

На эту же аллею... не вышел даже, а почти выбежал моложавый генерал, только волосы его были в богатой седине. Я сразу его узнал. Это был тот стародавний курсант, который в те далёкие годы был на этой аллее с только что ушедшей красавицей. Фуражку он держал в руке.

Одного взгляда на его орденские колодки, сверху которых сияла звезда Героя Советского Союза, мне хватило, чтобы сделать вывод: не гладила его судьба по голове, а он всё превозмог и всё преодолел. Досыта лиха войн нахлебался. Он остановился у куста сирени, где только что стояла та обворожительная женщина, дотронулся рукой до куста и тут увидел шарфик... её шарфик. Он его развязал, снял с куста и прижал к губам.

Как он догадался о том, что это её шарфик, я не знаю.

Долго генерал не мог его оторвать от лица. Стал вглядываться в глубину аллей, которые полыхали в сиреневом цветении, но там никого не было.

И тут, как стая воробьёв, на скамейку, что была напротив села стайка молодёжи. Точно так же, как и много лет назад... Один из парней что-то пытался извлечь из гитары, которой владеть просто не умел.

Генерал стремительно подошёл к ребятам, и попросил гитару... на минуточку. Молодой парень в растерянности протянул гитару мужчине.

Тот настроил её и запел. Молодёжь растерялась... Минули годы и люди стали другими.

Как я и ожидал, генерал запел свой «Синий май», который я помнил с тех далёких лет, когда он был курсантом военного училища.

Синий май. Заревая теплынь.
Не прозвякнет кольцо у калитки...

Не успел он допеть песню до конца, как из боковой аллеи выбежала та маленькая, очаровательная женщина и, не добежав до него несколько шагов, вскрикнула:

– Владичка, родной мой, я знала, я знала, что ты сегодня, если жив, будешь здесь. Это же наш день. Именно в этот день мы и встретились с тобой... Господи, столько уже лет назад...

Она дождалась, пока генерал отдаст молодёжи гитару. А он, как и в тот давний день, за локотки поставил её на бордюр и стал нежно целовать её ладони, а затем – уголки губ и лоб.

А она всё говорила, положив ему головку на грудь:

– Господи, как же я долго тебя ждала. Но я знала, я знала, что мы встретимся. Иначе жизнь была бы несправедливой.

– Родная моя, я тебя больше и на миг не отпущу.

А я сидел на своей скамейке, и великая радость за чужое счастье переполняла мне душу.

7 февраля 2020 года

Клубничный сок

***

Как же она заливисто и красиво смеялась!

В лёгкой сорочке, так выгодно подчёркивающей все достоинства её красивой фигуры, с распущенными тёмно-каштановыми волосами, она была похожа на шаловливого ребёнка.

Он всегда любовался её волосами. Таких дивных волос он не видел ни у одной женщины её возраста. С заметной природной рыжинкой, лёгкие, пушистые, они были напоены сказочным ароматом, и казалось, это ангел спустился на землю, чтобы радовать людей своей неземной красотой.

Его сердце заходилось от нежности и невыразимого счастья, которое, он это знал по опыту жизни, длиться долго не может. Не выдержит сердце. Счастье тоже должно дозироваться. Без меры – оно ломает людей, как и горе. И не всем дано выдержать его силу и напор.

Но сегодня он об этом не думал. Знал: во всём мире нет человека счастливее его.

– Подожди, подожди минуточку, – и она метнулась на кухню.

Уже через миг вновь была возле него с корзинкой из ивы, доверху наполненной зрелой и ароматной клубникой. Она взяла самую крупную ягоду в рот, зелёной розеточкой к себе. Прикусила её красивыми зубами, да так, что сок клубники потёк у неё по губам, к подбородку. Приблизилась к нему:

– Возьми, возьми себе половину, – не очень внятно, но совершенно понятно для него, скорее выдохнула, а не сказала она. Приблизила очаровательные, яркие не только от сока клубники в эту минуту, но и природно, всегда – дивные губы к его лицу.

Время остановилось.

Он прижался к её губам, захватил зубами половину клубники. Ощутил хрусткий холод её зубов, пронзивший его до самого сердца. Откусил кусочек сочной ягоды. Собравшийся на её подбородке и губах сок, он просто вдохнул в себя, да так, что при этом даже закружилась голова. Ничего подобного в его жизни не было ни разу. И когда сок с её подбородка стал стекать по нежной и необычайно красивой шее, по потаённой ложбинке, уходящей за воротник её сорочки, он нежно слизал его пересохшими за миг языком и губами...

***

Утром его тело сухое и поджарое, словно парило в воздухе. Он не мог и не хотел шевелиться. Её сорочка была в соке клубники, и его запах, казалось, витает и во всей комнате. Её глаза были закрыты, но она не спала, а только тихонько шептала ему прямо в ухо:

– Ты только не оставляй меня, пожалуйста. Я не смогу жить без тебя. Я просто умру без тебя...

Он только крепче прижимал её податливое тело к себе и в ответ тихонько отвечал:

– Родная моя, как же я тебя оставлю? Я тогда и сам перестану существовать. Мы будем только вместе. На всю долгую жизнь.

***

Она что-то пела в ванной, там долго шумела вода. А когда вошла в комнату, дальше порога пройти так и не смогла.

Он стоял перед ней в форме, какой-то далёкий и чужой. Неведомый для неё.

– Владичка, что... что случилось? И почему ты в ... этом, – она указала на форму.

– Родная, не тревожься. Ты же знаешь, что я военный человек. Приказано срочно прибыть к месту службы.

И уже скорее из-за врождённой учтивости, поцеловал её в висок и в лоб, даже застонав при этом от запаха свежести, который от неё исходил, встряхнул её за плечи и твёрдо и чётко сказал:

– Ты только верь мне и жди. Я думаю, что ничего серьёзного. Обычное дело для служивого человека. Прости, милый Ангел, я должен бежать...

***

Как только он вышел за порог дома, она неосознанно прошептала слова любимого ею стихотворения:

«И каждый раз навек прощайтесь, когда уходите на миг...»

***

Афганистан взорвал всю жизнь страны.

Он вошёл в каждую семью простого народа. Очень скоро тайком, по-воровски, по всей России стали появляться на кладбищах одинаковые памятники, на которых только были даты рождения и смерти молодых ребят.

Она, смуглая от природы, просто почернела. Шли дни, а от него не было ни одной весточки.

– Господи, пусть не возвращается ко мне, но только останется живой. Молю тебя об этом, Господи.

Не многие в южном городе одобряли её выбор. Часто она слышала от соседок, которые ей вослед шипели:

– Забыла Аллаха! Иноверца у сердца пригрела.

А когда у неё стал округляться живот, она перестала выходить на улицу. Продукты приносил отец, и тяжело вздохнув, не говоря ни слова, уходил из её дома.

С рождением сына, который был так похож на него, только глаза были её, тёмно-карие, и ресницы пушистые и густые – тоже были её, она оставила свой город и уехала к бабушке, которая её очень любила и быстро позакрывала рты сельским сплетницам.

Она стала работать в сельской школе, преподавать русский язык и литературу. Прошло немного времени, и её зауважали даже самые яростные сплетницы. Она неназойливо выправляла ущербности в знаниях своих подопечных, и дети не чаяли в ней души.

Их любовь к учительнице постепенно вошла в каждый дом, и теперь все норовили ей принести то фрукты, то ягоды, а кто и курицу или кусок баранины.

Минули годы.

Радовал сын. Только печаль не уходила из её бездонных глаз. Они только темнели всё больше, да горестная складка так и не распрямилась на переносице.

Назначили директором школы. И она благодарила Бога, что на мысли о собственной судьбе у неё не оставалось времени. Была удостоена звания «Народный учитель СССР», награждена орденами и иными отличиями.

И как только в район приезжало высокое начальство – союзное ли, республиканское, его везли в её школу. Более ухоженного островка благополучия, в котором дети получали не только знания, но и прекрасное воспитание, не было во всей республике.

В тот она пришла домой почти без сил. Не знала даже и сама – почему. Обычный день, нескончаемые директорские хлопоты, люди, их судьбы...

Не снимая обуви, села в кресло и заплакала навзрыд: «Господи, за что же меня так жизнь? Я бы утешилась, если бы знала, что он жив, а так... Я не могу поверить, что он бросил меня, не встретившись и не объяснившись...»

Шарфом вытерла лицо и как-то сразу успокоилась.

«Самое главное дать судьбу сыну. Упёрся, не сдвинуть, и говорит, что будет поступать только в военное училище».

– Мама, мамочка, не надо. Не пытайся меня разубедить. Я осознанно принял это решение. Я же тебе часто говорил, что гражданин, не владеющий оружием защиты Отечества, лишь наполовину гражданин. Я так решил и... меня поддержал бы отец. Ты же мне столько о нём рассказывала. Если бы он был жив, он бы нас не оставил. Не мог человек, которого полюбила ты, моя родная, от нас отказаться.

И она перестала сопротивляться, понимая, что ломать молодую душу через колено нельзя. За этими мыслями она, чисто инстинктивно, включила телевизор. На канале НТВ шла передача о награждении военных в Кремле.

Она, не вглядываясь в детали, больше слушала, что говорит диктор. И вдруг, ей показалось, что небо рухнуло на её хрупкие плечи.

Диктор раскатисто объявил, что высшего звания страны, Героя Советского Союза, удостоен генерал-лейтенант Владиславлев Владислав Святославович.

Её сердце остановилось. Камера крупно показала красивое, породистое лицо... его лицо. Но с правой стороны пересечённое большим шрамом, от виска до самого подбородка, от чего оно казалось более суровым.

Седые волосы, аккуратные седые усы, сильно изменили его, но она ни на миг не сомневалась: это – он, её Владичка. Она его называла так всегда, даже вспоминая о нём в своих мыслях.

«Господи, милый ты мой, спасибо тебе Создатель, что он живой. А остальное уже не важно...»

Она с улыбкой светлой грусти посмотрела, как он с достоинством, не сутулясь, расправив широкие плечи, подошёл к Президенту страны, выждал, пока тот закрепит Звезду Героя на его мундире, гордо кивнул головой и вернулся в строй своих товарищей...

Терпела долго, но в один грозовой день, ничего не говоря сыну, вышла из дому и пошла на почту. Удивлённая молоденькая девочка, её же ученица, приняла от неё необычную телеграмму, адресованную самому Министру обороны государства, и долго смотрела вслед удаляющейся фигуре любимой учительницы.

Она проводила заседание педагогического совета школы. Сама не знала – почему столь тщательно и броско оделась в этот день. На ней было нарядное белое платье, в котором она была просто ослепительно красивой и даже сама себе казалась намного моложе прожитых лет.

Сама над собой подшучивала, когда поздно вечером подкрасила волосы, уже пробивалась седина на висках: «Господи, и кому надо всё это? Это имело бы смысл только в том случае, если бы он был рядом. А так...».

Но утром даже себя похвалила: выглядела достойно и, что греха таить – теплилась какая-то надежда, что их долгожданная встреча непременно состоится...

Привычно ставила задачи перед коллегами, благодарила их за итоги учебного года, а на сердце почему-то была необъяснимая тревога, причину возникновения которой она объяснить не могла даже себе самой.

Дверь учительской с треском распахнулась, на пороге появился непривычный для этих мест военный с широкими алыми лампасами на брюках. В одной руке он держал фуражку, а в другой – большой букет багровых роз...

Очнулась она не скоро.

Было непривычно, что она не сидела в кресле или стуле, а всё её маленькое и изящное тело покоилось на руках военного. Её коллеги со страхом и растерянностью смотрели на него, так как, наверное, не смотрели бы на инопланетянина. Розы были рассыпаны по полу учительской, и никто их не убирал.

В класс влетел её сын:

– Мама, мамочка, что с тобой?

Он кинулся к матери, но остановился, вглядываясь в лицо военного. Учителя даже руками зажали рты, чтобы не закричать: «Господи, как же её сын... похож на этого генерала. Все черты лица юноши, стать – его, только глаза, опушённые густыми и длинными ресницами, материнские».

Она слабым голосом, еле слышно произнесла:

– Сынок, это... твой отец. Он самый лучший из людей, не суди его.

Долго они, втроём, проговорили за столом в этот вечер.

Он рассказал, что ежегодно, как только вышел из госпиталя, а держали его там очень долго, и никакой гарантии ему на жизнь не давал никто, приезжал в тот город, но так и не смог найти её следов.

Отца давно не стало, люди в её былом доме жили новые и ничего не знали. Все запросы по её розыску результатов не дали, так как он их отправлял на девичью фамилию, не зная, что она сменила фамилию на его, что было вызовом в южных краях.

Владиславлеву никто, естественно, не искал. И только вчера ему позвонил помощник Министра обороны и сообщил о странной телеграмме на имя Министра из далёкого южного посёлка. Он тут же вылетел к ней, не зная о том, что она не одна, а его ждёт волнительная встреча с родным сыном.

Когда обо всём было проговорено, сын ушёл спать, без раздумий обняв отца крепко, прижавшись к нему головой, с точно такими же волосами: русыми, богатыми и пышными, которые были и у старшего Владиславлева в пору молодости.

Они остались одни.

– Милая, родная моя, как же я долго искал тебя. Ты всегда была в моём сердце. Я не мог после тебя даже представить, что кто-то займёт твоё место. Ты только моя.

Он сильно и нежно прижал её к себе и стал целовать в губы, глаза, в висок и лоб, как это он любил делать всегда.

– Подожди минуточку, прошу тебя, – прошептала она и вышла в коридор.

Через несколько минут она вернулась в той сорочке, которую он запомнил на всю жизнь, а в руках у неё была корзинка с отборными ягодами клубники.

Она взяла самую крупную клубнику в рот, зелёной розеточкой к себе, прикусила её красивыми зубами. Сок клубники потёк у неё по губам, подбородку.

Приблизилась к нему:

– Возьми, возьми себе половину, – не очень внятно, но совершенно понятно для него, скорее выдохнула, а не сказала она. Приблизила очаровательные, яркие не только от сока клубники в эту минуту, но и природно, всегда – дивные губы к его лицу.

Время остановилось.

Он прижался к её губам, захватил зубами половину клубники. Ощутил хрусткий холод её зубов, пронзивший его до самого сердца. Откусил кусочек сочной ягоды. Собравшийся на её подбородке и губах сок, он просто вдохнул в себя, да так, что при этом даже закружилась голова. Ничего подобного в его жизни не было ни разу. И когда сок с её подбородка стал стекать по нежной и необычайно красивой шее, по потаённой ложбинке, уходящей за воротник её сорочки, он нежно слизал его пересохшими за миг языком и губами... Подобное в его жизни было лишь один раз.

Она брала ягоду за ягодой – и они до изнеможения целовались, деля клубнику поровну...

27 апреля 2015 года

Москва

Александр ВАСЮНОВ

Васюнов Александр Иванович родился в 1950 году в городе Ялта, Крымской области. Среднюю школу окончил в Алтайском крае. В 1972 году окончил Новокузнецкий государственный педагогический институт, естественно-географический факультет. С 1972 года учительствовал, служил в армии, трудился директором в средней школе города Таштагол. С 1981 года по 2000 год служил в рядах МВД, в звании подполковника вышел в отставку. С 2000 года работал на Таштагольском руднике начальником штаба ГО и ЧС, затем в дирекции по безопасности ЕВРАЗруды. Самые большие увлечения - это рыбалка, тихая грибная «охота», строительство и перестройка дачи. Александр Иванович женат, у него двое детей и уже трое внуков.

Очень любит природу Горной Шории. В 1972 году попав в этот восхитительный край, Александр влюбился в горы, распадки, вековые кедры, курумники... В свободное время пишет рассказы, которых накопилось за бурную жизнь много.

«Три жизни» из жизни Михаила Матрёнина

Говорят, что годы улетают.
Не поймёшь, в каком они краю.
Годы не летают и не тают –
Остаются навсегда в строю.
Виктор Баянов «Поле».

Вместо предисловия

Однажды, мой давний знакомый Матрёнин Сергей Михайлович, который на нашем руднике руководил подрядной организацией, попросил выслушать историю жизни его отца – Михаила Афанасьевича.

– Богата жизненными выкрутасами отцова судьба. Воевал, был в лагерях, работал спасателем. Стареет... уже под девяносто, а память хорошая, – с гордостью и ноткой печали сказал Сергей. – Так хочется, чтобы случаи из его жизни пригодились тебе. Может где-то или когда-то вставишь их в свои рассказы.

Впервые встретился я с Михаилом Афанасьевичем Матрёниным в январе 2017 года.

Знакомство прошло легко и как-то по-доброму. Мне сразу приглянулся седой ветеран войны: широкоплечий, коренастый, быстрый в движениях, но без суетливости. Аккуратно подстриженные седые волосы гладко зачёсаны назад. В квартире было достаточно тепло, и Михаил Афанасьевич был одет в обычную майку и спортивное трико, поэтому на правом плече был виден след от глубокого пулевого ранения. Спутать такие следы от ран я не мог, так как у моего, теперь уже покойного, отца похожие отметины ранений остались на руке и ноге.

Увидев мой удивлённый взгляд, Михаил Афанасьевич сказал буднично:

– Немецкий снайпер, видимо, специально выстрелил мне в правое плечо, чтобы больше не воевал, а ехал домой. Углядел через прицел безусого пацана и выстрелил... Может своего пацана вспомнил. Не все же немцы были фашистами.

Мы немного помолчали, думая каждый о чём-то своём – близком и пережитом. Мне не хотелось тревожить ветерана и торопить его. Постепенно настороженный взгляд Михаила Афанасьевича помягчел, в глазах появилась искорка жизни и лукавинка. «Значит, разговор должен состояться», – подумал я.

Рассказ первый или «Первая жизнь»

– Наверное, надо начать с самого начала, – светло улыбнулся Михаил Афанасьевич Матрёнин, – с самых корней.

Они у меня в Чумае Чебулинского района, это недалеко, по сегодняшним меркам, от старинного города Мариинска.

Село наше старинное. В нём я родился, а до этого мой отец Афанасий Иванович. Мать Ульяна Ивановна, тоже чумайская. Она с 1902 года рождения. Нас в семье было пятеро детей: два брата – я и Николай, и три сестры – Татьяна, Валентина и Нина. Сейчас остались мы вдвоём: я и сестра Валентина. Она окончила в своё время пединститут, затем 36 лет отработала в Осинниковском горкоме КПСС. Очень уважаемый человек в нашем городе, и я горжусь ей. Брат Николай умер вскоре после войны от туберкулёза. Тяжёлое было время, голодное. Туберкулёз тогда свирепствовал, косил людей, вот и Колю скосил. И двух сестёр уже нет в живых. Светлая им всем память!

А вообще наши корни уходят вглубь времени и растут из Расеи.

Сын мой Сергей рассказывал, что во время службы в армии, встретился в части со старшим офицером Матрёниным. Разговорились. Оказалось, что этот Матрёнин родом из Рязанской области, из деревни, где сплошь и рядом Матрёнины. Много народа из той деревни уехало в далёкую Сибирь во времена Столыпина. Никто больше из них не вернулся. Но и у нас в Чумае тоже полно Матрёниных. Видимо, здесь и осели предки рязанских Матрёниных. А время стёрло память о родстве. Ведь вместе со стариками уходят и знания о корнях, об истории, о событиях.

Потому и хочу я рассказать тебе свою историю, чтобы через много лет люди знали, как мы жили, о чём думали, как любили свою землю, как били врагов. Ведь, если я не расскажу, и другой ветеран промолчит, то найдётся выкормыш фашистский и переврёт историю.

Я тоже не всё помню, но мне запомнился рассказ отца периода коллективизации про семью Богдановичей.

Жили они своим хозяйством – отец и его семь сыновей. Зажиточно жили. Никого в работники не нанимали. Как-то дружно управлялись со своим большим хозяйством. Богдановичи имели две мельницы и десять справных домов, стоящих рядом по одной улице. Работали, сил не жалели. А их раз – и в кулаки записали. А ведь, можно сказать, у них готовый колхоз был.

Но безграмотный народишко был, не понимал пользы и добра от таких хозяев. Творили, сами не знали что. Что крикуны да лодыри придумают, так и поступали. Вот так и раскулачили Богдановичей, вывезли в тайгу за сто километров. Заставили мужиков наших, крестьян справных, золото добывать. На этом их крестьянская жизнь и закончилась. А деревня та Богдановкой называлась. Но нет больше той деревни, уже и память о ней исчезла. Перегибом это теперь называют. Не перегибы, а недальновидность и безграмотность.

Работать я начал с тринадцати лет. Мы с отцом занимались лесозаготовками в лесхозе, потом сплавлял этот лес по реке Чумай до гавани. Сырость и пот, мокрые одежда и обувь, жизнь впроголодь – так вспоминается до сих пор то время. Но семье надо было помогать, потому я и работал, и в школе учился. Семь классов окончил перед самой войной. Понимал, что надо учиться, всегда помнил, что безграмотность к добру не приводит, а образование всегда пригодится. Молодой, здоровый был, и ростом Бог не обидел.

Михаил Афанасьевич на минуту задумался. Наверное, погрузился в воспоминания. Я сидел, не шелохнувшись, чтобы не мешать этому достойному человеку «переворачивать» груду прожитых дней

Хорошо помню, как отправляли на войну моего отца. Было это 5 сентября 1941 года. Из Чумая в тот раз уходило много народа. Рёв стоял страшный. Голосили женщины, плакали ребятишки и напившиеся до полусмерти взрослые тридцати-сорокалетние мужики. Чувствовали они, что многие никогда не вернутся к родным и близким в свой Чумай.

Отец мой был артиллеристом и погиб под Ленинградом. Позднее, внук сестры Татьяны, Виктор нашёл место его захоронения в братской могиле, где вместе с ним было похоронено семьсот человек. Прикрепил Виктор на могилу табличку и фото с надписью: «Матрёнин Афанасий Иванович». Так что не безымянная она, та могила для него стала.

Тогда, в 1941 году, на проводах так запомнились слова нашего сельчанина, работавшего на прииске, что слышу их до сих пор:

– Едем на бойню! На бойню едем!

Потом, когда сам попал на войну, часто вспоминал эти слова, видя смерть знакомых людей, да и сам не раз ходил под смертью.

Трудно стало жить, когда мужики ушли на фронт. Пришлось поработать и на лесе, и в колхозе. Годы шли, а война не заканчивалась.

И вот в ноябре 1943 года, а мне уже шёл семнадцатый год, пришёл я мокрый и замёрзший с работы. Мать сидит, жалобно на меня смотрит, плачет, показывает на стол, а подняться с лавки не может. У неё ноги отнялись.

Плачет мать и говорит:

-Тебе, сынок, повестку принесли.

Так, в ноябре 1943 года нас, которым ещё и восемнадцати лет не исполнилось, 86 человек чумайских и чебулинских парней призвали в армию, в пехоту.

Позже, когда я уже работал начальником почты в Чумае, мы подсчитали, и получилось, что из того нашего призыва, из восьмидесяти шести человек вернулись только т р о е. Богатый урожай «косая» собирала на войне. И на возраст не смотрела.

Направили нас на сержантские курсы в Боготол. Не буду вспоминать про полуголодное и холодное время обучения по военной специальности «пулемётчик». Но там хоть не было войны, не стреляли и смертей мы не видели до мая 1944 года. Закончили мы учёбу, нас погрузили в теплушки, и на фронт... Вот так, можно сказать, закончилась моя первая мирная жизнь. Довоенная.

Рассказ второй или «Вторая жизнь»

Теплушки, в которых нас отправляли на фронт, сейчас только в кино можно увидеть. Деревянная коробка, во все щели ветер веет, на полу кучи перетоптанной соломы, так что теплушками они только назывались. Вот в них нас и привезли на пересыльный пункт во Владимире. Разместили в скотном дворе или ферме. В

грязном помещении только сбитые наспех голые нары. Здесь мы прожили более месяца, ожидая отправки на фронт. В сутки давали жидкий бульон и ложку крупы налитые в консервную банку. Голодовали сильней, чем в Боготоле. У большинства было только одно желание, чтобы не мучил голод, побыстрее отправиться на фронт. А там, что будет то и будет. Главное, кормить будут по-человечески.

На Второй Прибалтийский фронт я попал в июне 1944 года. Наши войска стояли в обороне. Затишье было. Враг постреливал минами, снаряды рвались на передовой. Там меня впервые ранило и контузило. Но ранение было лёгким, и контузия прошла. Так немного потошнило до рвоты, пошумело в голове. Потом гул в голове утих понемногу. Обратил я внимание, что пехотинцы в медсанбат попадают в основном с осколочными ранениями и реже с пулевыми.

Из этого периода вспоминается такой случай. Контуженый старшина 1914 года рождения рассказал, что у нашего майора-особиста, а мы его за глаза называли «надзирателем», в блиндаже в три наката проживает женщина, которую он никому не показывает и даже ведро по ночам на улицу за ней выносит. В охрану поставил выздоравливающих раненых. Старшина сказал как-то в разговоре, что её, беременную, он скоро отправит в тыл. Третья по счёту она у него. Умел этот майор уют себе создать на войне и не боялся, что кто-то донести может. Да, и такие вояки тоже были на войне.

Подлечился я тогда быстро. Вновь оказался на передовой, теперь уже под Ригой. До окопов противника меньше ста метров. Голоса немцев слышно было. И вот там начал работать их снайпер. Много народа положил. Стрелял метко, безнаказанно. Солдатская жизнь на войне короткая, а особенно в пехоте. Боялись мы его, а воевать надо. Теперь, когда вспоминаю войну, она у меня со страхом ассоциируется.

Страх! Вот на чём держалась война и выиграна была благодаря ему. Боялись не только обстрелов и бомбёжек. Боялись таких «надзирателей», трибунала, дурных командиров. Боялись быть убитыми, сильно изувеченными: без рук или ног. Поэтому для меня страх и война понятия одинаковые. Молодой ведь тогда был, не поживший, ничего и не видевший. А жить очень хотелось.

В сентябре 1944 года это случилось. Лежу в своём окопе с пулемётом, а рядом солдат лежит. Подполз мой командир:

– Что, Михаил, сосед-то твой спит?

Поглядели, а он снайпером убит прямо в голову, пуля навылет прошла. Только проговорили, и тут что-то толкнуло меня. Я повалился вперёд на правое плечо. Тяжёлое оно какое-то стало. И меня почему-то тянет за собой.

– Миша! Ранили тебя. Видно не захотел снайпер тебя убивать, прострелил правую руку в предплечье.

Командир поднял меня и на полусогнутых вытянул в другой окоп. А потом отправил в медсанбат, затем в тыл.

Начались для меня мытарства по госпиталям. Ранение оказалось тяжёлым. Дольше всего пролежал в госпитале, в Калинине – почти семь месяцев. Там и вторую группу инвалидности получил. Перед выпиской завели в какой-то сарай. А там кучей лежат фуфайки, бушлаты, шинели простреленные, обгоревшие, заскорузлые от засохшей крови. Просил, чтобы при выписке поставили в документах «годен к строевой», но этот номер не прошёл. А тогда всем нестроевым всякую плохую солдатскую одежду отдавали. Вот в ней я и поехал домой через пересадку в Москве.

Был на фронте всего четыре месяца. Но горького хлебнул через край. Повезло мне, что так долго живым оставался. Обычно нашего брата-пехотинца или убивали, или ранили. Многие погибали от мин и осколков, многие оставались с оторванными ногами и руками. Выполняя приказы, шли напропалую через минные поля. Одним словом, не жалели солдат наши командиры.

В феврале 1945 года я приехал на поезде в Мариинск. А от него до Верх-Чебулы, мимо двух деревень, прошёл почти всю дорогу пешком и оказался в Чумае в доме своей матери. Ох, и радости было, что её Миша живым с войны вернулся.

Таков итог: за время с ноября 1944 по февраль 1945 года послужил в Боготоле, повоевал на Втором Прибалтийском фронте, получил лёгкое ранение и контузию, получил тяжёлое ранение правой руки, провалялся в госпиталях более полугода и вновь оказался, но теперь уже инвалидом, в своей деревне.

Начал понемногу долечивать не работавшую правую руку. В таком положении пробыл три месяца. Надо было самому кормиться и у матери нахлебником перестать быть. А на дворе стоял май 1945 года, и была объявлена Победа.

Так, можно сказать, я прожил свою вторую жизнь, которую никому не хочу пожелать. Но главное, что остался жить и живу до сих пор.

Рассказ третий или «Третья жизнь»

Жил три месяца в отчем доме. Понемногу отходил от войны. По Чумаю ходил редко, больше дома находился. Рука заживала плохо. Не мог работать физически, не мог спать на правом боку. Стал учиться работать левой рукой. Пробовал писать, но каллиграфического почерка, за который хвалили в школе, не получалось.

Как на грех начался конфликт с местным председателем, который на меня ополчился за то, что не работаю, и пообещал сгноить в тюрьме. Так и сказал, что законопатит он меня туда, куда Макар телят не гонял. Начальник милиции приструнил его, что самого отправит туда, если от меня не отвяжется.

В середине мая 1945 года меня пригласили в сельсовет. Там искали нового начальника почты. У бывшей начальницы почты обнаружили большую недостачу денег и, конечно, шла проверка по факту растраты. Мне, как инвалиду, предложили эту должность. Я, конечно, согласился. Работа мне была очень нужна. Да и не тяжёлая эта работа.

Бывшая начальник почты научила меня делать отчёты по работе почты и движению денег по сберкассе. Через некоторое время я получил личное оружие, так как перевозил большие суммы.

В личных разговорах узнал, как получилась растрата у этой довольно молодой женщины.

Как-то в конце войны майор Советской армии переслал денежный перевод в десять тысяч рублей своей сестре. Не удержалась «почтарша» от искушения и скрыла поступление перевода, так как в это время была в любовной связи с бериевским старшим лейтенантом. Начала для него брать деньги из кассы. А пропить перевод помог прокурор-собутыльник. В это время наши войска перебрасывали с Запада на Восток, где шла война с Японией. Тот самый майор смог заехать к родне, повидаться. Естественно, он спросил у сестры про перевод. Выяснилось, что денег она не получала. Началась проверка. А дальше похитительницу перевода ждал суд. Собутыльники не выручили, а поджав хвосты, следили за развитием событий, оставаясь на своих местах.

Так я стал начальником почты, и отработал на этом месте три года.

А потом попал в лагерь и сам.

Надо было отправлять деньги в район. Я нарушил инструкцию и мешок с восемью тысячами рублей, опечатанный, как положено, отправил без сопровождения. В результате женщина, оставшаяся за начальника почты, сказала, что никаких денег не получала. Меня обвинили в халатности и растрате, возбудили уголовное дело. Был суд. Судья, после вынесения приговора о лишении свободы сроком на два года, под арест меня не взял, а отпустил домой.

Осудили меня в июне. Приговор ушёл на утверждение в областной суд. И я стал ждать. Прошло три месяца. Никто за мной не приходил, а судья будто забыл про меня. Видно и отпускал, думая, что я убегу или уеду из села. Я ведь на фронте воевал с его сыном. Тот погиб у меня на глазах.

По всей видимости, в память о сыне он дал мне маленький срок, и не отправил сразу в тюрьму. От длительного ожидания и неопределённости я начал терять веру в себя.

Уже после суда мой давний знакомый начальник районной милиции Макаров Николай Титович, а знал он меня с детства, позднее по работе встречались не раз, знал он и моё отношение к работе на почте, и мою ответственность (его на фронт призвали с прииска Александровский), спросил меня в участливой форме:

– Михаил! Почему не рассказал мне про эту растрату. Я бы помог разобраться.

А мне что ему было ответить...

Надоело жить в неопределённости. В конке сентября 1948 года, когда пришёл из тайги, где кедровые шишки собирал, пошёл в район. Зашёл к тому самому судье и спросил у него:

– Сколько мне ещё приговор ждать?

Судья глянул на меня с какой-то тоской в глазах и жалостью.

– Ох, сынок! Пришёл приговор почти два месяца назад.

Вызвал конвой и сказал, что я арестован. Я попросился у него, чтобы домой съездить, но он не отпустил. Для сопровождения до Мариинска направил старшего лейтенанта, который и доставил меня до тюрьмы.

Поместили меня в камеру к трём заключённым. В первую ночь они отобрали у мня шерстяной свитер, но сапоги я не отдал. Дело чуть до драки не дошло. Потом перевели в общую камеру, где было тридцать человек. А после пяти суток, под конвоем и станковым пулемётом нас зэков направили на уборку картофеля в поле.

Встретил одного бывшего солдата. Я его запомнил ещё там на фронте, когда первый раз был на излечении. Это когда майора особиста в госпитале охраняли. Тогда два старших лейтенанта повели этого солдата на расстрел. Заставили его копать могилу. Но в последний момент почему-то не расстреляли. От него я потом узнал, что его послали восстанавливать порванную линию связи. Немцы специально порвали провод и ждали «языка». Солдатик от них удрал, но связь не восстановил. Значит, приказ не выполнил. А за неисполнение приказа трибунал его к расстрелу и приговорил. В последний момент заменили ему расстрел на десять лет тюрьмы. Вот этого солдатика я и встретил на уборке картофеля.

Начал я ему рассказывать про яму, лейтенантов. Он опешил.

– Откуда узнал? Кто про это рассказал? Я никому об этом не говорил.

Мы с ним обнялись и разговорились. Зэки вокруг столпились, слушают. Охранники кричат, чтобы разошлись, зачем сабантуй устроили. А зэки конвою говорят, что два фронтовика встретились. Урки его стороной обходили, не трогали.

Вечером позвали меня к себе в угол барака. Там я рассказал про то, как попал в лагерь. Удивились. Не было ни у кого таких сроков. За это сидели по десять лет и больше. Про судью, осудившего меня, рассказывать им не стал. После этого зэки ко мне стали относиться лучше, но свитер не вернули. Так и затерялся он.

Ещё про одну встречу расскажу. Сидел там бывший комбат, майор. Рассказывал, что как-то утром проснулся с похмелья и заорал:

– Бей жидов! Спасай Россию!

И ему за это – десять лет лагерей дали! Утром проорал, а к вечеру осудили на десятку. Он в лагпункте был бригадиром у пленных немцев и без права переписки. Всегда просил меня:

– Мишенька! Сбрось письмо родным. Пусть знают, что я ещё жив.

Я, конечно, исполнял его просьбы.

На зоне был фронтовик не я один. Было много офицеров, даже полковники были с большими сроками, которые получили уже после войны. Большей частью за растраты и хищения, за злоупотребления служебным положением

Время шло. На уборке жили в холодном бараке. Да, сапоги я три месяца продержал ночью под головой, чтобы не украли.

После уборки, вернулись в лагерь. А

вправо, на юг, в сторону побережья Чёрного моря, населённого пункта Джубга. Доехав до которого, вновь повернули вправо, теперь уже в сторону Новороссийска. Поехали по автотрассе вдоль черноморского побережья, которая в своём большинстве идёт не по морскому побережью, а севернее – между гор. Миновали Геленджик, Новороссийск, Анапу, кружным путем поехали в сторону Тамани. В Тамань приехали к вечеру.

О Тамани говорить можно долго: главной и старой её достопримечательностью является Лермонтовское описание города в его одноимённом произведении. Главная достопримечательность и культурная составляющая сегодняшней Тамани – Лермонтовские места. В центре памятник Лермонтову М.Ю., возле которого обязательно фотографируются все приезжающие в Тамань. Не меньше интереса представляют и музейные хижины бывшей Тамани, в одной из которых временно проживал когда-то молодой военный М.Ю. Лермонтов, по пути следования в свою воинскую часть.

Основной производственной базой Тамани является рыболовецкое предприятие, что-то вроде рыболовецкого колхоза, или артели. У предприятия на побережье Таманского залива имеются свои причалы, к которым пришвартованы несколько небольших рыболовецких корабликов.

В Тамани с сестрой Валентиной и братом Валерием Брагиными.

У памятника М.Ю. Лермонтову.

Три брата во дворе дома.

С братом в музее М.Ю. Лермонтова.

На берегу Таманского залива.

тельной: вся задачка состояла из неизвестных.

Городок действительно был не велик, но очень длинен. Межгорная впадина зажимала строения с обеих сторон, а мелкая речушка с удивительно высокими и обрывистыми берегами разрезала городок, уменьшая и без того малую площадь, пригодную для строительства.

Серые пятиэтажки соседствовали с красно-коричневыми девятиэтажками, частными домами и промышленными объектами. Салоны красоты соревновались в массовости с супермаркетами. И тех, и других было множество. В одном из дворов Фастов наткнулся на гигантскую деревянную обезьяну.

«Ах, да! Привлечение туристов, снежный человек!» – подумал Валентин Иванович и двинулся дальше.

Склоны гор, покрытые елками и пихтами, показались ему похожими на громадных ежиков, которые своими иглами воткнулись в низкие облака. Закинув голову, он рассматривал серую пелену небес и пытался представить гигантского ёжика живым.

Ёжик вдруг шевельнулся, вроде бы вздрогнул...

Старший научный сотрудник от неожиданности потерял нить лирических рассуждений на тему: «До чего же прекрасен мир!» Тряхнул головой, зажмурился и снова открыл глаза...

Это были глаза человека, который уже много лет занимается поиском загадочных явлений планеты «Земля».

Над головой в сонме серых сплошных туч суетились большие и маленькие тени.

Изредка какая-нибудь тень выскакивала ниже уровня облаков и молнией уходила обратно. Высверк огня был столь сильным, что определить форму и примерную массу объекта не было возможности.

Валентин Иванович кинулся в гостиницу, вытащил из футляра небольшой серебристый прибор и трясущимися руками включил его. «Сорока» заорала так, что Валентин отпрыгнул от неожиданности и впечатался в стену. Казалось, звук молотом колотит по груди...

Обычно прибор тихо стрекотал, обнаружив электромагнитные поля отличные от земных, за это он и получил своё название «Сорока». Но, похоже, сейчас в приборе жила не сорока, а иерихонская труба.

Рёв то стихал, то усиливался, заставляя вибрировать воздух в номере. У Валентина Иванович появилось дикое чувство страха. Набросившись на серебристую коробочку, он вырубил питание. Всхлипнув, «Сорока» обиженно замолчала.

В номер ворвался администратор, за ним толпились горничные.

– Ч-ч-ч-то, т-т-т-ут у-у-у вас... – прохрипел администратор, держась за сердце.

Смахнув с лица пот, Валентин обалдело потряс головой. Говорить он не мог. Такого ужаса в своей жизни ему не доводилось переживать. Мозг не работал, ноги не держали, а потому Фастов просто опустился на пол.

– Г-г-г-рёбаные к-к-командировочные, – администратор прислонился к стенке, – б-б-без вас т-т-тошно...

Повернулся и, тяжело ступая, побрёл к выходу, вымахнув рукой перепуганных женщин.

Окна в номере были зашторены тяжелыми и непроницаемыми портьерами. «Надо бы глянуть на небо», – вяло подумал Фастов.

Но подниматься с пола ему, ой, как не хотелось. Появилось желание заткнуть окно теплым одеялом, а ещё лучше – забить досками.

– Опа! – очнулся в Валентине исследователь. – Переключим мы нашу птичку на минимум. Мы её всегда держали на максимуме, чтобы поймать даже следы инородной энергии, вот она и озверела...

– Так, вначале звук на ноль, – бубнил себе под нос Фастов, – а то меня прибьют раньше, чем я что-нибудь смогу выяснить. Теперь самый малый...

Он чуть тронул регулятор громкости... Уши заложило от визга, писка и скрежета железа.

– Вот оно как! – пряча прибор в чехол, размышлял Валентин. – Надо срочно найти Силыча, он, пожалуй, в курсе здешних дел.

Город по-прежнему был пуст. Редкие прохожие промелькивали, словно тени, и исчезали среди зданий. Небеса всё также были обетованы. Тени мелькали то быстрее, то медленнее. Искры взблёскивали и гасли.

– Ну, и куда мне? – проворчал Валентин. – Спросить не у кого. Пойду в полицию, они должны знать всё, особенно про охотников, поди и сами балуются промыслом. Где администрация, там и полиция...

И Фастов быстро зашагал в сторону аккуратных зданий,

По привычке постоянно наблюдая за небосклоном, он по Старому городу дошёл до здания, в котором находился нужный ему офис, расположенный в цокольном и первом этажах. Дом был Постройки времён Народной власти Могучего государства. Быстро нашёл «объект», так нужный ему для беседы, к которому ему посоветовал обратиться его непосредственный начальник.

«Объектом» оказалась довольно молодая женщина с фигурой танцовщицы в обтягивающей шёлковой блузке, откровенно рассказывающей о припрятанных округлых прелестях. Пышные вьющиеся волосы натурального пепельного цвета, редко встречающегося в природе, рассыпались по плечам. Они увлекали и отвлекали от основной миссии.

Тряхнув головой, Валентин пришел в себя от наваждения, представился и начал пояснять женщине, кто он и откуда.

– А вас как зовут? – помолчав секунду, спросил Фастов.

– Ирина... Ирина Силыч.

– Силыч – это ты? – лицо Фастова вытянулось от изумления.

– А что? Нормальная фамилия.

– Фамилия? – неожиданно рассвирепел Фастов. – Охотник Силыч – тоже ты?

– И что? – пожала плечами Ирина. – Это преступление?

Ответить Валентин не успел, на него навалился дикий страх и неизбывное чувство вины.

В ужасе Фастов провёл глазами по сторонам и ничего не обнаружил. По привычке метнул взгляд на небеса...

За окном, среди свинцовых облаков метались маленькие и большие диски, серебристые сигары. Они мелькали так быстро, что, у видавшего виды учёного закружилась голова, как у институтки на первом вальсе. Слишком уж часто мелькали тени, исчезая в плотных облаках. До сих пор, ему ни разу не приходилось видеть их так много и в одном месте.

Привычку наблюдать за небом, Фастов сравнивал со сканированием документов на современных гаджетах. Его разум запечатлевал каждый момент в деталях – от горизонта до горизонта.

Началось это в июле шестидесятого года прошлого столетия, когда он впервые увидел в сияющем чистотой алтайском небе первый объект дисковидной формы и серебристого цвета, величиной с полный диск луны. Тогда заворожено, с трепетом в душе, наблюдал это явление природы более получаса.

Он не знал, что за объект летает, кто за кем наблюдает? Просто было любопытно. Эта штука в небе притягивала магнитом: не хотелось ни двигаться, ни думать.

Поговаривали, что это инопланетные наблюдатели приглядывали за последствиями очередного испытательного взрыва ядерной бомбы на Семипалатинском полигоне. Про Семск, и что в нем происходит, в селе знали все, ведь он находился совсем рядом, где то на расстоянии двухсот километров. Радио «ОБС» (одна бабка сказала) всегда работало вернее всех шпионских потуг.

Потом были такие же ярко запомнившиеся встречи с непонятными объектами. Еще юношей, после окончания института столкнулся «лоб в лоб» с этим чудом, когда прибыл по распределению в Кузбасс.

Любитель побродить с ружьем по тайге, в 1972 году он отправился в район Спасских Дворцов, местность изучить, да порадоваться на богатейшую природу Горной Шории. Его уже предупредили, что в этих местах наблюдается повышенный радиационный фон. Не такой высокий, как в Хиросиме, но все-таки повышенный.

Геологи много лет бороздили скалы Спасских дворцов, изумляясь монументальности скальных сооружений и разыскивая выходы урановых руд.

Довелось Фастову видеть эти странные объекты и в Красноярске в 1976 году, когда гостил у родственника в закрытом городе, где основным продуктом производства была «тяжёлая вода». Это было в период службы в РВСН в Амурской области при обслуживании «Изделия».

Удалось Валентину столкнуться с необычным явлением во время командировки на Украину в 1988 году. Его направили в Киев для первых опытов. Это было как раз то время, когда республика приходила в себя после аварии на Чернобыльской АЭС.

Тогда ночные облака Валентина поразили своей хаотичностью. Летние белые кучеряшки небесных странников вдруг закипели, словно вода в котле, при абсолютном штиле. Тогда Валентин увидел, как по облакам шныряют плоские предметы.

Проводя замеры аномальной энергии в 2012 году в районе разрабатываемого марганцевого месторождения в Горной Шории, Фастов чувствовал, что встретится здесь со своими незнакомцами. Всё свободное время учёный проводил в наблюдениях за небосклоном. Но... погода стояла солнечная. Небо было ослепительно голубым. А Валентин в душе призывал непогоду.

Гроза разразилась ночью. Громадная туча приползла с запада. Её тяжёлое брюхо цеплялось за горные вершины и извергало на землю пучки молний, гладило горные склоны мощными раскатами грома. Казалось, наступил конец света.

Валентин в диком восторге созерцал раскрытие огненной гиены небес... как вдруг очередная вспышка осветила плоский, круглый предмет, несущийся между полыхающими небесами и землёй.

Второй, третий...

... Второй, третий...

«Не галлюцинация ли у меня?», – подумал Валентин, глядя на испуганную, замолчавшую собеседницу. Ирина стояла с побелевшим лицом и тоже смотрела на небеса.

Довольно большой, по земным меркам, чёрный диск завис ниже кромки облаков, на него обрушились серебристые сигары. Затем вся кавалькады небесного воинства спешно занырнула в сизую тучу.

Ирина невольно вздрогнула и инстинктивно прижалась к мужчине, словно ища защиты.

В коридоре послышались торопливые шаги и крики ужаса. Валентин ринулся из кабинета, едва не сбив с ног Ирину. Но у двери резко затормозил.

В наступившей тишине раздавались всё громче и громче металлические звуки шагов. «Каменный гость», – пришла на ум странная мысль.

Валентин выглянул...

По длинному офисному коридору шел высокий человек в облегающем серебристо-белом костюме с диковинными эмблемами на плечах и груди. Эмблемы показались Фастову знакомыми, но он не мог вспомнить, где он их видел, и что они обозначают.

Поразило лицо человека: усталое, отрешенное с необычными глазами.

Пришелец будто смотрел и не видел, его глаза были неподвижны, словно у куклы.

«Чертовщина, – подумал Валентин, – откуда в этой глуши космонавт в скафандре... Скафандр! – вдруг дошло до него. – Человек в скафандре...»

Фастов про себя особо отметил компенсирующие противоперегрузочные шнурки по бокам костюма-скафандра и тяжёлые ботинки, типа «берцы» красновато-коричневого цвета.

На костюме пришельца медленно расплывалось темное пятно. Лицо человека бледнело.

С усилием, сделав ещё несколько шагов, незнакомец начал заваливаться вперёд и вниз...

г. Таштагол

Людмила ТАНКОВА

Член Союза журналистов России. Людмила Александровна ТАНКОВА родилась в 1950 году в селе Сохорево Алтайского края. Литературным творчеством занимается со школьных лет. Первыми книжками для неё были «Русские народные сказки». Сочетание правды жизни и волшебства всегда привлекали Людмилу Танкову. Большая часть её сказок и рассказок добры и поучительны. Их язык прост и доступен для ребят дошкольного и школьного возраста.

Сотрудничала с газетами «Кузнецкий рабочий», «Сельская правда», «Губернские ведомости» г. Новокузнецка, а также с газетами «Первое сентября» (г. Москва), «Сельская жизнь» (Алт. край) и газетами Хакасии, журналами «Кузбасская ярмарка» (г. Новокузнецк), «Уголь» (г. Москва)

Книга «Кипение крови» стала первым прозаическим сборником рассказов автора. Рассказы о Великой отечественной войне и повесть «Назови имя и путь свой» были опубликованы в журнале «Огни Кузбасса».

Л. А. Танкова выпустила несколько детских книг «Снежные лебеди», «Обиженный гребешок», «Солнечная девочка».

Её поэтические и прозаические произведения вошли в серию сборников кузбасских поэтов и писателей Прокопьевска, в литературные сборники, изданные в Новокузнецке.

Как Иван Иванович был самоубийцей

Устал Иван Иванович от жизни. Что ни день, то проблемы одна другой тошнее. Опять же дети выросли, совсем от рук отбились. Советов и наставлений не слушают, деньги куда попало тратят. Транжирят без стыда и совести. Детям своим всякую дрянь толкают: то мороженое, то пирожное...

Иван Иванович ел пирожное только по великим праздникам, если только у кого на свадьбе или поминах. А тут, только пацан захотел мороженку, они ему сразу: «На!»

Жена у Ивана Ивановича тоже от рук отбилась. Всю свою пенсию на внуков тратит. Наберёт колбасы, мяса, булочек и бегом бежит то к сыну, то к дочери.

Нет, чтобы родного мужа покормить деликатесами, а она?..

А она всё детям толкает.

Разговорчивая стала... куда там... Раньше слова не вытянешь.

А теперь заговорила, слова не вставишь. Только рот откроешь, а она: «Я тебя не слушаю». Бросит, как собаке кость, и уходит. Тут по доброте душевной хочется наставление сделать, подсказать, как правильно чистить картошку, а она: «Чисть сам».

Опять же болячки одолели.

То голова заболит, то ноги отказывают. А жена своё: «Работать надо, тогда и ноги ходить начнут. Лежишь целый день на диване, бока отлёживаешь. Поезжай на дачу, картошку копать». Смертельно больного человека картошку копать посылает!

Иван Иванович жену всю жизнь жалел, всё ей дозволял: и картошку сажать, и грядки копать. Ничего для неё не жалел. Одевал, обувал, как королеву. Вон после свадьбы пальто демисезонное ей купил дорогущее. А качество? До сих пор как новое. А она вздумала им грядки на даче накрывать... Мотовка. Пальто ещё носить да носить можно. Ни разу не перелицованное.

Всё! Надо уходить из жизни, а то разорят и по миру пустят.

Стал Иван Иванович думать, как ему из жизни уйти.

Решил повеситься. Снял на балконе бельевую верёвку, и тут вспомнил, как его посылали выяснить, почему слесарь Курич не вышел на работу. Пришёл к нему, а тот повесился. Сам синий, почти фиолетовый, язык вывалился, голова на бок, да ещё и обмочился, и обмарался.

Будущего самоубийцу передёрнуло от воспоминаний и представления, что сам будет так жутко и погано выглядеть. Так ведь никто и не заплачет даже, и совесть никого не проберёт, что такого отца и мужа потеряли.

Вернул верёвку на место и поглядел с балкона вниз.

А что если вниз головой с балкона?

– Не факт, что помрёшь, – сказал сам себе самоубийца. – Вон Лешаков с пятого этажа по пьяни сиганул. И что? Спину сломал, голову – вдребезги и выжил. Теперь лежит, как полено, только глазами ворочает.

Плюнул Иван Иванович с балкона вниз и тут вспомнил, как помер его шуряк Федька: выпил две бутылки водки, съел целую курицу, лёг спать и помер во сне. Врачи сказали, что от водки сгорел.

«Вот это по мне», – хлопнул в ладоши Иван Иванович.

Написал завещание на четвертушке бумаги, что осталась от списка дел на неделю, который он выдал жене. Тут же написал пароль своей сберкарты и рекомендации как его похоронить.

Благо жена и дети с внуками уехали на дачу. Потому можно было не торопясь осуществить покушение на свою жизнь.

Покуситель на жизнь сходил в магазин, купил две бутылки водки, копчёную курицу, булку хлеба и шоколадное мороженое аж за сорок пять рублей. Дёрнулась рука, чтобы положить обратно мороженное, но Иван Иванович пресёк это движение на корню: «Имею полное право разориться на мороженое. Раз уж надумал помирать, так хоть мороженого вдоволь наемся».

На улице смеркалось. Прохожие торопились домой. Осенний воздух трепетал от последнего тепла, в нём уже слышались морозные нотки. Глубоко вздохнув, Иван Иванович запечалился: «Последний раз гуляю по улице. Может быть отложить пока самоубийство?»

– Гляньте-ка, – завопила Нюська из второго подъезда, увидев Ивана Ивановича, – как жена только за порог, а Ванька в магазин побёг. Ишь сумку набил. Нюську то голодом морит...

– Что ты хочешь от кровопийцы, – поддержала бабка Нина с первого этажа.

«Что вас всех разорвало! – сжал кулаки Иван Иванович. – последний день и то испортили».

Прыгая через две ступеньки, он быстро добрался до квартиры. Поставил на стол водку, курицу сунул в микроволновку. Нарезал большими ломтями хлеб. Сходил постелил постель, чтобы удобнее было помирать.

Первые полстакана водки выпил с наслаждением. Принёс фотографию жены, поставил на стол.

– Вот, неблагодарная, ухожу, – пробормотал он со слезой в голосе. – Оставайся без меня и рыдай от горя. Такого мужика не сохранила!

Водка текла словно вода, и хмель никак не брал.

– Всё бы тебе по дачам мотаться, – смахнул набежавшую слезу самоубийца. – Нет, чтобы сидеть у постели умирающего, вызывать скорую помощь, спасать родного мужа...

От такого горя Иван Иванович замахнул очередные полстакана. Куснул мороженое, чтобы забить вкус, неожиданно ставшей обжигающе горькой, водки. Кусок мороженного морозным комом застрял во рту. Кое как пожевал, проглотил и почувствовал, что холод растекается по телу.

– Всё, помираю, – запечалился несчастный, – уехали, а тут помирай в одиночестве. Некому даже закрыть глаза покойнику...

Отломил крылышко от курицы, пожевал.

– Неблагодарные, оставляю вам курицу, на помин мне поставите. Да всю то не ставьте, – приговаривал он, – набегут дармоеды, сожрут курицу и мне не оставят.

Слёзы текли из глаз самоубийцы, уж так ему стало жалко себя.

– Всё вам оставляю. Только кусочек хлебушка себе возьму, водку занюхать... – снова всхлипнул Иван, – хлеб-то уж всю булку порежьте, – наставлял будущий покойник фотографию жены, – меньше курицы съедят. Колбасу на помин купи самую... самую... ливерную.

Вторая бутылка наполовину опустела, а смерть так и не приходила. Отщипнул еще кусочек хлеба...

Фотография жены, стоящая на столе, вдруг опустела. Бумажка стояла, а жены на ней не было.

– Ага! – завопил Иван. – стыдно стало, потому и сбежала!

Внутри тела всё загорелось огнём.

– Значит помираю! – икнул самоубийца. – надо бы до кровати добраться, да телек включить, вдруг какое кино покажут.

Подтянувшись руками, Иван с трудом принял вертикальное положение. Внутри полыхал огонь.

– Гляди-ко, вторую бутылку почти не распочал. Экономист... – похвалил себя Иван Иванович. – Надо бы до кровати добраться, а то сгорю не там, где надо.

Самоубийца снова икнул, потом моргнул...

Резко заболела голова и горло

– Чего это я? – Повторно икнул будущий покойник. Голова трещала, словно по ней машины ездили, и в теле больше не было огня.

– Надо было вторую бутылку допить.

Попытался разлепить глаза и понять, где он. «Наверное, в чистилище, кто же там разговаривает?»

Приоткрыл глаз: прямо перед ним сияло распахнутое окно. В комнату вливалась прохлада осеннего утра.

На часах стрелки сошлись на цифре десять. Он лежал на кровати в тапочках и пиджаке. Больше на нём ничего не было надето... Вообще ничего! Зверски захотелось есть.

«Там же курица осталась», – подумал он, пытаясь обнаружить хоть какую-то одежду. Брюки и остальные запчасти облачения нашлись под столом. А на столе...

На столе стояли четыре пустых бутылки, гора обгрызенных куриных костей, выпотрошенная упаковка от «Доширака» прикрытая фотографией жены. На завещании сиротливо лежал крохотный кусочек хлеба...

Закат лета.

Местный санаторий.

Скучная смена: родители готовят детей к школе, солидные кавалеры отдыхают на золотом песочке, где-нибудь поближе к экватору, а потому в санаторий приезжают лишь льготники: выстав да излом.

Куда ни глянь – кругом одни дамы с последней надеждой во взоре. Каждый день кто-то приезжает, кто-то уезжает. Ротация контингента на лицо.

Где же их взять, мужиков-то?

Монолог дамы с последней надеждой

День первый. Заезд.

У стойки администратора в окружении чемоданов и сумок дама с последней надеждой во взоре. Она разговаривает сама с собой:

– Два года добивалась путёвки в санаторий. И что? Добилась на свою шею. Как ни ругалась, а профком всё-таки всучил эту путевку: «Поедешь, отдохнёшь от детей и внуков, свою жизнь устроишь...»

Тут устроишь, если у меня весь отпуск расписан по минутам: к матери съездить, ремонт дома закончить, у дочери сессия, а тут профком со своей путевкой.

Отказываться неловко, ведь заявление писала. Правда уж про него и думать забыла. А тут обо мне люди позаботились.

Пришлось ехать. Да и впрямь подлечиться надо. Что и говорить? Колени скрипят, голова болит, сердце колет, давление скачет, спина не гнётся.

Ты меня, девонька, не слушай, а записывай скорее, а то у меня уже ноги не держат.

Ах, ты уже давно записала? Горничная ждет, чтобы в комнату проводить? Вот это сервис... Дома бы так, чтобы никто рот не затыкал, а слушали бы хоть иногда.

Какой этаж? Девятый? Да, что ж ты, доченька, смеёшься над пожилым человеком? Я же к утру только туда доползу, дома то я и на свой первый поднимаюсь по часу.

Не надо ходить? Здесь лифт скоростной? Гляди ко что делается... А лифт то ваш ломается часто? Совсем не ломается? Чудеса... Идем, милочка, на мой девятый, хоть покажи, что да как.

И что вся эта комната моя? А что я здесь буду делать? Телевизор смотреть? Слушай, а может, я тебе помогу, ну там пол где-нибудь помою? Смотри-ка, обиделась, даже дверью хлопнула. Мы люди не гордые, не обижаемся.

Посмотрим, посмотрим... что тут кругом? Природа отличная, как у мамы в деревне. Воздух чистый, хоть на хлеб намазывай. За окном... А что за окном? Сосны да березы и ни одного окна.

Ладно, будем размещаться. Пойду ка я на балкон. Так справа – тетки, сверху – бабы... Вот слева балкон не заселен. Значит, есть надежда.

Ого, времени то сколько? Пожалуй, надо сбегать на обед, да познакомиться с людьми. Где-то у меня была юбочка черненькая. Она мне так идёт...

Надеваем юбочку, блузочку и вперед, навстречу судьбе.

Какая уж тут судьба, одна еда. Одна баба, другой бабей. На всю столовую два мужика. Может они, вот-вот развалятся, только уже заняты.

Пропал отпуск.

Ладно, будем лечиться. Хоть какая-то польза от санатория будет.

Наконец-то вечер. Господи, чем бы заняться? Дома от усталости уже месту была бы рада, а тут нечем заняться? Гляди-ко, афиша. Посмотрим, посмотрим, что нам предлагают... Как в той песне поется: «Сегодня праздник у девчат, сегодня в клубе танцы...». Вот и у нас объявлены танцы. Шерочка с машерочкой весь вечер на кругу. Глянуть не на кого. Играет патефон, а под него толпа толстых тёток топчется. Вроде бы танцуют.

И я немного потанцевала. Сама с собой.

Познакомилась с двумя дамами моего возраста. Интересные такие, интеллигентные. Обратно в корпус шли, всю дорогу песни пели, а потом в «дурака» играли. Так смеялись...

День второй

Надо идти на завтрак. Вставать лень. Вот дуры, до утра в карты резались. Не пойду, лучше похудею.

Кто это там тарабанит? Пожар что-ли? Надо открыть, а то двери с косяками вынесут.

Вчерашняя знакомая, как зовут – не помню, носится по комнате, словно полоумная. И чего ей надо?

Что? Капитан приехал? Привезли? В какой комнате поселили?.. На завтраке будет? И чего же ты, подруга, стоишь? Идём быстрее.

Ах, да! Одеться бы надо, не в пижаме же в столовую бежать? Что? Юбка на левую сторону надета? Ах ты, Господи! Сейчас переодену. Ой, чуть в тапках не ушла. Ну, всё, бежим!

И зачем было бежать сломя голову... Тоже мне, нашли капитана: мелкий, лысый, на обе ноги хромает.

Не пойму, чего в это подобие мужика вцепилась перераскрашенная блондинка? И тросточку ему подает, и кашей манной кормит... Умора!

Да, на безрыбье и рак – рыба.

Пойду ка я, подружки, на ванны. Размочу мою грусть, тоску.

Гляди ко, и капитан уж тут как тут.

Ну я крайняя... А тебе то что? Что? Я вам нравлюсь? Ещё в столовой засмотрелись на меня, Всю жизнь искали свой идеал? Правда!...

Какой же вы, однако, галантный кавалер. Одно слово: капитан! Один только китель чего стоит. Весь такой красивый.

Я говорю: китель красивый... Китель... китель кра-си-вый... (глухой что-ли).

Ещё даже и лучше! Могу говорить всё, что захочу, сколько хочу и никакого ворчания с обидами.

А?... Что?... Подождать вас? Зачем? Погулять перед обедом приглашаете? С удовольствием (бабы и тётки от зависти мохом покроются).

Ишь обрадовался, аж почти побежал в ванну-то. Ножками-то как загребает, как молодой. Да и я не старая. Особенно по сравнению с ним, вообще молодуха.

Я со своим разошлась уж почитай лет двадцать как. То дети, то работа, то забота – жизни и не видела. Бабы то с мужиками маются, маются. На работу придут, жалуются. А мне и пожаловаться не на кого. Мать меня всё пилила: «найди себе мужика, хоть какая-то помощь в доме, а то всё одна да одна».

А где их взять, мужиков-то? Гутя Рябушкина разошлась со своим, выгнала его из дома. Это было... пожалуй утром... Да, конечно, утром. Я как раз на работу уже ушла, а потому про выгон и не знала. Так пока я с работы пришла, гутиного мужика уже две бабы приватизировали и таскали по очереди к себе в дом.

Притащит, которая в избу к себе, в передний угол посадит и давай угощать, да спрашивать: нравится ли ему у неё. Вторая тут подоспеет, ухватит разведенного, да тоже к себе ведет и тоже угощает.

Когда я с работы шла, история подошла к развязке. Гутя к вечеру образумилась, поняла, что уведут мужика, взвалила его себе на плечи, потому как он сам уже идти был не в силах, и понесла скорее от баб...

О чём это я? А капитанчик то мой где, уж не замылся ли совсем?

Фу ты какой, напугал меня... Я тут мыслями занялась, пока тебя ждала...

Не видит что-ли?... Эй!... Капитанчик, э-эй! Я здесь... То есть как, кто я такая? Да ты меня прогуляться приглашал?... Как когда? Да вот только что!

Тебе что водой память отмыло? Ладно капитанчик не дури, пойдем на прогулку. Бери меня под руку, всё равно ты где-то свою трость оставил.

Это уж точно, что памяти у тебя совсем не стало.

Что, совсем не было? Это не беда, зато китель у тебя красивый. Вон пуговицы какие блестящие, так и горят на солнце.

Э-э-э, ты куда так буйно пошагал? Я тебя и не удержу в вертикальном состоянии. Ах ты, бабник! Ты посмотри, как за чужой юбкой поскакал...

Я вот тебе прыть-то сейчас поубавлю! Как? Да вот прямо сейчас кину здесь и уйду. То-то и оно... А то распрыгался, как джейран по степям Казахстана.

Ну что, к тебе пойдем или ко мне?

Ладно, к тебе, так к тебе. Осторожно входи в лифт, прислонись к стенке. Хорошо мы с тобой погуляли, да? ...Эй, капитанчик, капитанчик, ты, что стоя спишь? Слава Богу, приехали.

Идем, миленький, идем, вот и комнатка твоя. Располагайся. Ты в карты-то играть умеешь, ну в «дурака» например? Может, поиграем? Устаешь? А чего там уставать?

Ах, тебе карты держать трудно? Ладно, я подержу. Вот так... Ну теперь ты ходи, а я отбиваться буду... Эй, капитанчи-и-ик, ты, чего не ходишь?

... Уснул, да так сладко. Дай ка я тебя на постель положу, да одеялом прикрою.

Пожалуй, и мне спать пора. Намаялась за день.

День третий

Господи, чего это у меня руки так болят? Да и спина – словно мешки вчера ворочала. Не буду вставать... Полежу..

Ах ты, бедолага! А капитанчик то как? Кто его умоет, да оденет?

Так, быстро поднялись, бегом умылись и к соседу.

Это ещё, что за очередь тут образовалась? А ну давайте все к себе. Капитанчик сегодня весь день занят.

На минуту нельзя оставить. Того и гляди, утянут из-под рук.

Капитанчик, как спал? Вот так потягушеньки... Вставай, миленький, я тебя умою, одену да на завтрак идти надо. Пойдем, я тебя кашкой покормлю.

Сюда принести? Вот ещё... Я что зря мужика себе заводила? Одна я могла бы и одна ходить. Теперь уж будь любезен – соблюдай меня. Вот так, мы готовы к выходу! Китель то у тебя какой красивый, так бы и влюбилась.

Стой! Ты чего это руками то размахался, волосики все сбил. Сейчас расчешу.

Что? Расческа твоей прически уже не находит? Ладно, давай я на них плюну. Видишь, как хорошо пригладились.

День седьмой

Привет, подруга. Как это, чего здесь сижу? У моего капитанчика процедура. Жду, чтобы отвести на электросон. Только не пойму, зачем ему этот электросон, он и так на ходу засыпает.

Почему вчера на танцы не пришли? Да знаешь, за день так натопались по процедурам, решили вечер дома посидеть. Я сериал смотрела, а капитанчик у меня на руках спал.

Извини, подруга, капитанчика несут...

Иди ко мне, миленький, я тебя дальше понесу.

О чем ты, подруга? Придем ли мы на танцы? Придем, наверное. Капитанчик, ты как думаешь? Пойдем, потанцуем?

Почему это не пойдем? А ты у меня на что? Мужик ты или нет? Как это одна оболочка? Зато вон какой китель на оболочке красивый. Нужно его проветрить, да людям показать.

Придем! Скажи, подруга, обществу, что будем сразу после ужина. Дома то уже сидеть надоело.

Пойдем, капитанчик, подремлем: ты на электросне, а я рядом в креслице. Устаю сильно с тобой бегать.

Вечер того же дня.

Капитанчик, выпрямись попрямей, в люди идём. Как это не можешь? Ты напрягись.

Я тебе головку руками поддерживать буду, вроде бы обнимаю. Вот молодец!

Здравствуйте... Здравствуйте...

Здравствуйте. Да, спасибо, хорошо. Хорошо кушает, я же за этим слежу. Вчера даже добавки попросил. Ну а как же, он ведь мужчина еще ого-го!

Капитанчик, не засыпай, люди смотрят. Не пугайся – это я тебя тряхнула, а не война началась. Проснулся? Улыбайся... улыбайся! Что есть, тем и улыбайся.

Пригласи-ка меня на танец. Да ты только головой кивни, да поклонись чуток.

Э-э! Ты чего это вперед куряешься?

А, это ты меня пригласил? Я согласна!

Как на что? На все согласна! Извини, я думала ты про жизнь, а ты про танец.

Ладно, держись за меня и немножко ногой топай.

Это кому ты, старая развалина, так широко глаза раскрываешь? Блондинка понравилась? Я тебе последние волосенки повыдеру, если еще раз на неё выпучишься.

Вот так оно лучше. Топай ножкой, топай. Ай тун, лита-тун, ли-та-та... Вот молодец, китель то у тебя какой красивый!

А ты кто такая? Чего это к чужому мужику притираешься? Смотри, а то смотреть будет нечем.

Пойдем, капитанчик в комнату, а то от конкуренток отбоя нет.

День двадцатый

Ну, что капитанчик, пора нам с тобой расставаться. Мне домой надо, ремонт заканчивать. Да отдохнуть перед работой не помешает.

Что, с тобой поехать? А-а-а! Тебя с собой забрать... Нет уж капитанчик, хоть я к тебе и привыкла, взять тебя некуда. С сыном живу. Ты тоже?

Куда же я тебя дену? Мне каждый день на работу бежать надо, а кто за тобой присмотрит?

Вот и буду переживать целый день. Нет уж, поматросил, пора и бросать.

Глянь, капитанчик, не за тобой ли приехали? За тобой! Ну, прощай, миленький! Дай я ещё раз на твой китель посмотрю... Ох, какой же он красивый!

Ну не плачь, не плачь, капитанчик. Может, ещё даст Бог свидимся. Зачем на том свете? Можно и на этом. Вот мне снова лет через пять дадут путевку, так ты и приезжай, снова подружим.

Увезли моего кавалера...

Что это ты, подруга так про него? Ну и что, что так себе мужичок. Где их других то взять? А сердце погреть хочется.

Белая лебедица

В давние-стародавние времена, когда славянские боги ещё жили среди людей, а время текло так медленно, как Волга в своём начале, привели князья на Русь христианство. Стали людей учить молиться в церквах, одному богу кланяться.

Осерчал Сварог.

Принялись князевы люди рушить перуновы капища.

Осерчал Перун.

Зачали русичи церквы да монастыри строить.

Осерчал Святовид.

Осерчал на русичей и хозяин Нави Чернобог.

Поселилась смута в душах людских. Зачернились сердца русичей. Брат на брата пошёл. Сын на отца руку поднял.

Ослабла Русь силой и духом, погрызлись князья в погоне за владение главным престолом, впустили врага на земли прадедов и прабаб.

И пришёл на Русь кочевой народ, весь дом у них на повозке умещался. Налетело ворогов войско, князей побило, народ в полон захватило. Только где же весь народ то в полон возьмёшь?

Стал князь ворогов Чингиз выше князей Киевских и Новогородских, ясак с них берёт, да с русичей три шкуры дерёт. Совсем обескровела земля русичей. Какие князья на поклон к Чингизу бегут, ярлык у него на княжение берут, свою челядь не жалеют.

Какие князья противу пошли, так тех свои же и порешили.

Стон идёт по земле Русской, слёзы рекой текут.

Видит Жива, что плохи дела на земле, что боги отвернулись от русичей, обиду горькую затаили, не дают мира и добра. Обернулась Жива белой лебедицей, спустилась на Земь. Летит, крылом воды в озере чертит, думу думает, как помочь русичам, как замирить их с богами.

А в камышах в это время Чингизов внук добычу поджидал. Увидел лебедицу, обрадовался, натянул тонкую тетиву, да калёной стрелой и стрелил.

Только не попала стрела калёная в белую лебедицу, только чиркнула по крылу, да выбила пёрышко пуховое. Это муж любезный Даждьбог увидел ворога, да на стрелу дунул. Нырнула Жива в пенные облака и пропала.

Качает головой Даждьбог, серчает на жену. Только видит, Жива ходит печальная. Не слышно её серебристого смеха, не раскрашивает она золотые яблочки, не собирает богатый урожай.

– О чём печалишься, Жива? – спрашивает Даждьбог жену.

– О народе, который мы покинули.

– Сами вину из-за моря принесли, отвернулись от нас. Мы им не нужны стали, – хмурится Даждьбог.

– Разве русичи вину принесли? – поднята на мужа глаза полные слёз Жива. – Им её хотели навязать, да только молятся то русичи всё едино нашему Триглаву.

– Что-то не пойму я.

– Что же тут понимать, – смахнула слезинку Жива, – вы три бога и есть Триглав – единый бог, и у русичей сейчас единый-триединый бог. Вы отвернулись от народа, и пришла беда, Чингизово дикое войско. Искореняют они русичей, уж тем и головы не поднять.

Посмотрел на Земь Даждьбог, а там крики да стоны. Пришли Чингизовы посланцы, ясак собирают, последний кусок хлеба изо рта детей малых отбирают. А внук Чингизов Мамай криком кричит, в руке пушинку с крыла белой лебедицы держит.

– Сотките полотно белое, мягкое, как это перо, иначе всем головы с плеч.

Рыдают поселяне, не знают, как сделать такую красоту.

А в те годы жила-была Пряха. Полотна тонкие ткала, пряжу диковинную пряла, тем она и жила. Вот и пошли люди на поклон к Пряхе. В ноги упали, слезами молили её помочь.

Хотела Пряха отказаться, да только слышит тоненький голосок:

– Помоги людям, а я тебе помогу... Помоги людям, а я тебе помогу...

Не посмела отказаться, больно уж голосок ей показался знакомым.

Рано утром стала она лён трепать, нитки сучить, только видит, что в руках не льняные нитки а лебединые, пуховые. Подивилась Пряха, но вида не кажет, поняла, кто ей помогает, потому и стараться стала ещё больше.

Подняла глаза к небу, а там белая лебедь щиплет пёрышки из белоснежных своих крыльев, да в облачную кудельку вкладывает.

Крутится веретено, прядется нить, сама в полотно скатывается, а на полотне узор диковинный чудится, вроде как вся земля русичей по полотну раскинулась: желтые колосья пшеницы гнутся под тяжестью зерна, по лугам пасутся стада животных, в реках полощутся несметные косяки рыб, а по большаку едут дружинники со всех княжеств земли русской, словно туча, надвигаются они на ворогов, а впереди на белом коне всадник с огненным копьём в руке. Дивуется Пряха, но вида не даёт, знает, что за ткачиха хозяйничает.

Вдруг кончилась нить белая, остановилось веретено...

Это белая лебедица все пёрышки из крыльев повыщипала, и нет у неё больше сил держаться в небесах. Стала падать она на землю... вот-вот расшибётся.

Вылетел из облака могучий лебедь, подставил крыло лебедице. Удержал, поднял её высоко-высоко к облачной кудельке и стал выщипывать свои пёрышки из крыльев.

Завертелось веретено, потекло белое, пушистое полотно.

Утром пришли русичи к Пряхе, да так и ахнули: искрится звёздами полотно, сияет снежной белизной, отливает небесной лазурью, вспыхивает розовой зорькой.

– Как такое полотно отдавать в руки ворогам? – заговорили русичи.

Засветился в их сердцах гнев, сжались кулаки, загорелись костры праведных душ. Всколыхнулась Святая Русь супротив ворогов, пошла волной и смела Орды ворогов. Много русичей полегло, а ворогов и того больше.

В большом белом облаке купалась белая лебедица, обнимал её белый лебедь, обрастали их крылья новыми пёрышками, ещё более мягкими и белыми. Белыми как Святая Русь.

Вокруг Живы и Даждьбога стояли Сварожичи, в их глазах ещё не остыл огонь Куликовской битвы.

Тяга земная да Вера народная

По мотивам сказа Юрия Миролюбова «Земная тяга».

Неймётся Зевсу: мучает его зависть, гордыня раздирает, что у русичей пусть не всегда мирком, но всё ладком.

Бросил свои грозные молоньи в поля русичей. Молоньи сверкают, громы громыхают, вода с небес водопадом течёт...

Радуется Зевс: напугал русичей. Ждёт, когда на поклон придут.

Да только поля то у русичей широкие, луга раздольные немеряные, леса дремучие бескрайние, вот молоньи и рассыпались во все стороны искорками. Громом громким прокатились молоньи, да потерялись в лугах и лесах, только эхо рассыпчатое до горы богов докатилось. Дожди в землю впитались, в реки да озёра скатились.

Русичи от молоньи чуть головы прижали, от грома плечи расправили, дождю радуются. Детишки по лужам бегают, смеются.

Задумался Зевс. Наслал на Русь святую полчища сторуких и пятидесятиголовых гекатонхейров. Крушат полчища поселения, жрут детей.

Вышли на бой русичи, что ни воин, то богатырь. Начали отрывать гекатонхейрам руки жадные, головы кровавые, только лохмоты от них полетели. Еле живые гекатонхейры убрались в Тартар.

Почернел ликом Зевс: чего бы сотворить такое, чтобы Русь поклонилась в пояс и признала себя побитой. Собирает совет богов. «Вы правите миром», – гремит Зевс. «Не всем миром правим», – скромно напоминают ему боги. «А надо чтобы весь мир лежал у подножья горы богов» – мечет молоньи в подчинённых Верховный. «Даже гекатонхейры не справились с русичами, у кого по одной голове только осталось, у кого – по две руки, – оправдываются боги, – до сих пор сидят в Тартаре, боятся на свет выйти».

«Не можете прямо, возьмите хитростью», – рычит Зевс.

«Русичей хитростью взять не сложно. Больно они доверчивые. Только боязно, сильно они сердитые, когда обман прослышат. А ты пошли Геракла, он же был в Гиперборее, когда яблоки Гисперид промышлял», – чешут затылки подчинённые.

«Где Гиперборея? Её уж и след простыл», – охолонулся Зевс.

«Так Гиперборея она же и есть Русь», – оживились боги.

И отправил Зевс на Русь сильномогутного богатыря – Геракла. Двенадцать подвигов его страшили народы и заставляли гнуть шеи перед горой богов.

И отправился Геракл на Русь. Идёт, на мир сверху поглядывает, горы, словно камешки побрасывает. Дошёл до Руси Святой. В ладоши хлопнул: гул пошёл по земле, поля всколыхнулись.

Спустился к ему на облаке Перун. Сидит, босые ноги свесил.

«Чего, Гераклушка, шумишь? Чего землицу колышешь? Али заняться нечем, али дело какое ищешь?» – глаголет Перун.

«Силой хочу померяться. Кто победит, тому все кланяться будут» – вдёрнул Геракл руки в боки.

«Кланяться то не беда, да было бы кому. У нас на Руси бабы в поле кланяются с утренней зори до вечерней зорьки. Хлебушко убирают. Мужики в полпоклона поля пашут, мечи куют, да коней подковывают» – усмехается в рыжую бороду Перун.

«Я могу твою Земь одной рукой перевернуть, хочешь небо под ногами будет?» – похваляется Геракл.

«Оно у меня и так под ногами, а люду это ни к чему».

«Могу Земь в узел завязать», – ещё больше распаляется силач заморский.

«Застоялся ты, Гераклушка, без дела, вот и чешутся у тебя руки от безделья, – покачал головой Перун. – А хочешь силой померяться, удаль свою сильномогутную растрясти?»

«Не с кем мне у вас тут побороться. Все богатыри русичей мне на один палец», – горделиво вскинул голову Геракл.

Ногой топнул для отстрастки. По колено в Земь вошёл. На месте том море образовалось, прозвали его русичи Хвалисским.

«Не сильно то погордись, Гераклушка. Допрежь с богатырями русичей побороться, разомни свои чресла, – прищурился Перун. – Вон по дороге идёт простой мужик Никитушка Кожемяка. Видишь у его на плече котомочка. Изловчись, да подними ту котомочку хоть до колена».

Осерчал Геракл: «Как ты простой бог русичей, смеяться надо мной, над Гераклом, который лернейскую гидру и немейского льва победил, кентавров разогнал...»

«Знаем, знаем мы про твои подвиги, – осадил его Перун, – как ты своего друга Хирона ранил отравленной стрелой. Не серчай. Покажи свою силушку, подними котомочку Никитину».

Глянул Геракл: перед ним мужик в простой поддёвке, верёвкой подпоясанный. На плече у путника котомочка величиной с гераклов кулак.

Бросил Никита Кожемяко котомочку на земь, сам присел на камешек передохнуть. Хлебушка ломоток из-за пазухи вынул, есть принялся.

Схватил Геракл котомочку двумя пальцами, потянул... Думал забросить её на море новое Хвалисское, да не смог даже колыхнуть. Сгрёб котомочку рукой полной сильномогутный богатырь заморский, рванул, да чуть руку себе не оторвал.

А Перун на облачке сидит, в рыжую бороду посмеивается, семечки полузгивает, да шелуху на Земь поплёвывает.

Уцепился Геракл двумя руками, понатужился, аж глаза кровью налились... Но котомочка и на волосок не приподнялась. Тянет котомочку Геракл, по пояс в Земь втиснулся. Между Хвалисским и Дулебским морями горы воздвиглись высокие. Стыдно Гераклу, что не может он справиться с малой котомочкой.

«Что же в твоей котомочке, человече?» – взмолился Геракл.

Никита Кожемяка подобрал крошки хлеба, закинул их в рот, поднял лёгонько котомочку на плечико.

«Не томи, человече?» – чуть не плачет Геракл.

«Да ничего особенного. Только то, что русичам под силу: Тяга земная да Вера народная».

Как Настя к Деду Морозу ездила

Зимняя сказка

Настя очень хотела научиться красиво танцевать на льду. Для этого мама записала её в секцию фигурного катания. Каждое утро у Насти начиналось с того, что она собиралась на тренировку. В сумку складывала тренировочный костюм, коньки в мякишах, пластмассовые чехлы для коньков, салфетку, чтобы вытирать коньки после тренировки, ну и еще много чего.

Когда всё сложено, Настя с мамой или папой садились в машину и отправлялись на каток. Там уже всех спортсменов поджидала тренер Ольга Александровна. Маленькие фигуристы быстро переодевались для сухой тренировки, брали скакалки и бежали на разминку. Нельзя на лед выходить без тренировки.

Через полчаса разгоряченные маленькие спортсмены быстро переодевались для тренировки на льду. Замечательные, хорошо наточенные коньки сами просились прокатиться. Как же весело лететь со скоростью по гладкому белому, волшебному льду, который так и стелется под коньком...

Как-то в воскресенье, когда тренировок не было, собрались мама, папа, старший брат Саша и Настя на каток, просто покататься на коньках.

– Нам четыре билета, – сказал кассиру папа и протянул деньги.

Кассир покачала головой и денег не взяла.

– К сожалению, каток не работает.

– Почему? – удивились Саша и Настя.

– Лёд растаял, – поясняет девушка, – мастера ничего сделать не могут. Говорят, что фреон улетучился, сбежал...

– Кто такой Фреон? – спрашивает Настя у брата.

– Газ, который делает мороз, и тогда вода застывает и становится льдом.

– А куда он мог сбежать?

– Наверное к Снежной королеве, она собирает всех морозяшек, – ответил Саша.

Вот и дом бабушки. Настя выскочила из машины и бегом на горку. Потрогала ледяной панцирь горки – на месте! Прокатилась – здорово и весело. Погладила девочка горку и спрашивает:

– Уважаемый лёд, кто такой газ Фреон?

– Газ, который превращает воду в лёд.

– Тебя тоже заморозил Фреон?

– Нет, – смеётся лёд, – Фреон только искусственный лёд делает Помнишь вы с папой и Сашей меня поливали водой из ведра? Потом Дед Мороз заморозил. Зачем мне Фреон?

– Где же искать этого Фреона? Все говорят, что он сбежал к Снежной королеве.

– Плохо дело, – вздрогнул и покрылся от страха волнистой корочкой лёд, – Снежная королева такая злюка. Её ледяной дворец охраняют вьюги да ураганы. Никого не подпускают.

Опечалилась Настя, голову повесила, чтобы лёд не видел её слёзы, повернулась, чтобы идти домой.

– Погоди, – окликнул её лёд, – ты девочка добрая, весёлая, зиму любишь, горку никогда не ломаешь, я тебе помогу.

До Снежной королевы добраться трудно, больно далеко её дворец, а справиться с ней может только Дед Мороз. Он живёт недалеко. У него домик построен в музее под открытым небом «Томская писаница». Мороз Иваныч останавливается в нём, когда получает приглашение, летом делать для ребятишек мороженное, а зимой, когда подарки на Новый год привозит.

Только пешком до него не дойти, заблудиться можно. Да и слуги Снежной королевы все дороги перемели.

– А я братика Сашу попрошу, – обрадовалась Настя, – он меня на своей машине мигом туда домчит. Он такой ответственный и сильный.

– Хорошо, – говорит лёд, – запоминай! Поедете по широкой дороге прямо на север. Никуда не сворачивайте. Есть такой город Кемерово, от него на запад поедете. Доберётесь до «Томской писаницы», а там вам покажут дом Деда Мороза. Только осторожнее будьте, в тех краях начинаются владения Снежной королевы. Не смотрите по сторонам, только вперёд, иначе слуги королевы собьют вас с пути. Чтобы вы не заблудились, я вам в провожатые дам льдинку-звездинку.

Поблагодарила Настя лёд и побежала к брату.

– Саша, Саша! – закричала она с порога. – Давай съездим к Деду Морозу. Мы попросим его вернуть Фреона на каток. Скучно без катка, да и тренировка завтра может сорваться.

– Далеко ли живёт Дед Мороз?

– Не далеко – не низко, не высоко – не низко, в «Томской писанице». А лёд на горке обещал дать нам в провожатые льдинку-звездинку.

Открыл Саша ноутбук.

– Сейчас, – говорит, – посмотрим, как проехать к Деду Морозу... Правду сказал лёд. Резиденция Мороза Ивановича в музее под открытым небом. Сегодня он дома и готовит детям подарки к Новому году.

– Поедем быстрее, – заторопилась Настя.

– Погоди чуток, надо в дорогу приготовиться. Машину заправить, путь неблизкий. А ты пока в дорогу возьми покушать. Да оденься потеплее. Надо маме с папой сказать, что мы едем возвращать Фреона.

Мама приготовила ребятам в дорогу термос с горячим чаем. Настя сделала бутерброды с сыром и колбасой. В подарок Деду Морозу взяла своё любимое клубничное мороженое. Папа установил на Сашиной машине навигатор.

Едут Саша с Настей по большой дороге, прямо на север. Кругом заснеженные поля, сугробы в рост человека. По гребням сугробов позёмка бегает, выскакивает на дорогу.

Прямо под колёса машины стелется. Ничего ей не делается, только посмеивается вслед. Впереди машины, в лучах солнца поблескивает, переливается, летит льдинка-звездинка, дорогу показывает.

В кабине тепло, и Настя почувствовала, что начинает засыпать. Посмотрела: и у Саша тоже, глаза закрываются. Вот-вот уснёт. Тряхнёт головой, сон разгонит, потому что за рулём уснуть никак нельзя, можно в аварию попасть.

Спит Настя и видит во вне, что льдинка-звездинка тускнеть начала. Просыпается, а вокруг белым-бело: ни дороги не видно, ни снеговых полей. И проводницы льдинки не видно.

– Мы заблудились? – испугалась Настя.

– Нет, – смеётся Саша, – это вьюга пытается нас с пути-дороги сбить. Она же не знает, что такое навигатор. Мы с ним ни за что не заблудимся.

– А льдинка-звездинка где?

– На капоте сидит, от вьюги спряталась.

– Саша, а чего боится вьюга?

– Ничего! – отвечает Брат. – Она же вьюга.

– А что любит?

– Наверное холод.

Постучала Настя по окну и позвала вьюгу.

– Че-е-е-го тебе-е-е-е, – страшно завыла вьюга за окном.

– Хочу тебя мороженым угостить, – улыбается Настя.

– Мо-о-оро-оженым? – от неожиданности вьюга стала потише, даже дорогу стало видно.

– Тебе клубничное или шоколадное?

– Клу-у-бнично-о-ое, – прошептала вьюга.

Остановил Саша машину, и Настя отдала вьюге мороженое.

Перестал крутиться снег, стих ветер, а вьюга подхватив стаканчик с мороженым улетела вдаль.

Едут путешественники дальше. Льдинка-звездинка впереди, словно огонь горит. Мелькают мимо поселки и города. За машиной вслед снежинки в догонялки играют. Весело.

Неожиданно заскрипели берёзы и тополя. Загудели сугробы. Это несётся, меры не зная, ураганище, сердитый на весь белый свет. Упёрся в машину лбом, дальше не пускает. Вот-вот машину в кювет скинет.

– Дяденька Ураган, ты почему нас держишь? – спрашивает Настя.

– Хочу и держу-у-у-у! Захочу и переверну-у-у-у! – беснуется ураган.

– На это много ума не надо, – развела руками Настя.

– А на что надо много ума? – взревел ураган.

– Держи дедушкину книгу сканвордов, если всю разгадаешь, ты победил.

Уселся ураган на сугроб и давай разгадывать сканворды. А Настя с Сашей дальше едут. Вот и Кемерово проехали, свернули на запад.

Вышла на дорогу сама Снежная королева, рукавами взмахнула, всё вокруг заиндевело. Только в машине тепло и уютно. Смеются Саша с Настей.

Рассердилась Снежная королева, зовёт к себе вьюгу и ураган.

– Заморозьте нахалов, – кричит она, надрывается, – сбейте с пути.

– Не буду, – заупрямилась вьюга, – они меня мороженым угостили с клубничным вареньем, а ты даже белого снежка жалеешь.

– А мне не когда, – отзывается ураган из сугроба, – я ещё не все сканворды разгадал.

Тогда позвала Снежная королева бурю. Летит буря, деревья до земли гнёт, щёки раздувает, дует во все стороны.

Приоткрыла Настя окно и бросила Буре в рот жевательные мармеладки. Утихла мигом буря, так ей мармеладки понравились.

– Можно мне еще такого вкусненького? – просит буря.

– Конечно можно, – говорит Настя.

Отдала она буре все свои мармеладки. Осерчала Снежная королева так, что вся инеем покрылась, ледяной коркой сковалась, закружилась, руками размахивает...

– Что-то ты сегодня сердишься, мир замораживаешь, – раздался вдруг голос.

А это сам Дед Мороз из леса вышел.

– Гостей непрошенных, незваных выпроваживаю, чтобы не тревожили твой покой.

– Какие же это незваные гости? – нахмурил брови Дед Мороз. – Сашу с Настей я хорошо знаю. Они зиму любят. А ты, Королева, иди домой, отдохни, не баламуть мир.

– Здравствуй Дедушка Мороз, – поздоровались Саша с Настей. – Садись подвезём тебя до дому.

Вот сидят они в терему у Мороза Ивановича, чай пьют с земляничным вареньем, а Мороза угощают мороженым с клубничным вареньем.

– Что привело вас, ребята, в наши дальние края? – спрашивает хозяин зимы.

– На катке растаял лёд, – печалится Настя. – Мастер говорит, что газ Фреон сбежал, а без него никто не может заморозить воду и сделать лёд на катке. Тренировки срываются...

Выглянул Дед Мороз в окно и позвал:

– Эй, Фреон, ну-ка спустись ко мне.

Из облаков вниз спустился тоненький прозрачный человечек и вопросительно заморгал глазами.

– Ты же сказал, что тебе отпуск дали? – грозно сказал Мороз Иванович. – А у ребят тренировки срываются.

Стыдно стало Фреону, что подвёл стольких ребят. Повесил голову и молчит.

– Утром, чтобы на работе был, – погрозил пальцем Дед Мороз.

Кивнул головой Фреон и растаял.

– Вот и хорошо, – сказал Дед Мороз и погладил пушистую бороду. – А ты, Настя, на Новый год научи меня кататься на коньках. Это наверное весело?

– Очень весело! – обрадовалась Настя. – Спасибо тебе дедушка от всех ребят. Приезжай, только коньки не забудь.

С тех пор Фреон ходит в отпуск только жарким летом.

г. Новокузнецк.

Николай СКУДАРНОВ

Родился в городе Прокопьвске, при Сталине, в 1947г. Детство провёл в тайге, в леспромхозе. Потом – Новокузнецк, трудился на ЗСМК. По профессии металлург. Пять литературных лет посвятил Кубани. Движение - жизнь! Медленное движение - долгая жизнь! Литературная жизнь - горькая жизнь! Никак не поймёшь, где поставить ударение - писать или писать...

Перевал

- А ведь время-то какое замечательное. Да что время - люди у нас какие добрые, можно сказать добродушные...

– Это как так? Разве это не одно и то же?

На полную мощь разгорелся сентябрь-месяц. Скоро выходить на работу. У меня от отпуска осталось ещё пять дней, и я решил догулять их дома, в городе. Впрочем, желающих со мной поехать не нашлось, оттого я решил отправиться один, благо в тех краях два раза мне приходилось бывать, но это было... - первый раз в конце мая, второй - в середине лета.

Природа... я скажу вам, на редкость красочна и разнообразна, одним словом - сибирские перевалы создал сам Всевышний, особенно красоту осени. Листья деревьев тщательно подобраны по цвету, я готов, на многое готов... невозможно не запомнить это тонкое созвучие цветов. «Как же оторваться и уйти, - задаём вопросы мы не редко, - от такой природной красоты, что с любовью сохранили предки?»

А скоро хрустальную осень укутает снегом пурга, и встанут пороги в откосы, окрепнут оленей рога. Окрепнет ноябрь суровый, набросит на шкуру телка подпошь зимы подростковой, как время седин на висках. Воспрянут метелью затоны, и вспыхнет по теме рассказ, и сень колокольного звона напомнит об этом не раз. Тайга, припорошена снегом, к морозу глазища блестят, и светло-сказанную негу с годами мне вновь возвратят. Округлою рожею филин сквозил сквозь меня в пустоту, а домик из сложенных крыльев свою набирал высоту. Вот-вот всколыхнёт и, взлетая, расплещет виденья мои. Туман, припадая, растает, чтоб каплями жечь по крови. Боюсь я привстать, шевельнуться, нарушить боюсь тишину, боюсь на словах повториться, но если ..., что если? - приму, как вину. Когда же в туман на рассвете взгрустнёт в одночасье рябина, то должен, обязан заметить, что жизнь наша просто малина! А только взгрустнётся однажды и ляжет на все времена, рассказ, не геройский – отважный услышит моя сторона. Но за красоту нужно платить, - и приходится, а куда деваться?

- Что-то покурить захотелось, пойдём на палубу, освежимся, - предложил мой новый знакомый, когда мы уже устроились в салоне речного катера «Заря».

За окнами крутые скалистые берега, у подножия, заросшие ивняком и диким луком полянки. Выше по склону казалось, следом за катером бегут высокие ели и молодая поросль черёмухи, рябины. И всё это в цвете золотистой осени. Красота, да и только! Как будто дней мне было мало, нет, не удачливых, простых, иль может кровушка не знала по службе праведной версты? Рискнул и вышел за ворота сквозь громы дня в сезон дождей, да не моряк трёх брёвен флота, - рискую доблестью своей. А мозг кипит, нет, не отвага владела мной, была со мной моя душа, из недр оврага взмывала вздором над рекой. Не зная жизни светлой, правой, от самобытности далёк, своей судьбиной зверски правил, тушил злодейский уголёк. Он жёг мне сердце, тело, душу, но крепость духа – мой оплот... А вот желание на сушу мне выйти так и не пришло. Я не питал любви до срока, но заалел вдали восток... Нет, не ко мне судьба жестока – был я во времени жесток.

Сергей - так звали моего собеседника - достал алюминиевый портсигар. Вещица приметная в этих краях, работа в леспромхозе не лёгкая, очень даже, скажу вам, не лёгкая. Папиросы приходилось хранить в надёжном месте. Закурил. Выждал мгновение. Улыбнулся и ещё раз произнёс: а жить всё-таки можно, поверь и запомни это самое лучшее время... Дорога длинная вверх по течению, и я рассчитывал услышать любовное приключение, или охотничьи байки.

- Неделю назад, - начал он, - мы поехали на «Урале» с женой и ребёнком, которому было полтора года, и моим дядькой в этот таёжный посёлок, где жили родители. Третий день шёл мелкий дождь, но в горах не то, что в городе, асфальта нет, как говорится, «бес-дорожье». Так вот и попали мы в это бес... Первые два перевала прошли в хорошем настроении и еще при неплохой дороге, а на третьем глина стала уже раскисать, и в небольших низинах воды скопилась прилично. Машину начало бросать из стороны в сторону, назад ехать уже нет смысла, день на исходе. На одном из поворотов машина юзанула передними колёсами, села, да так села на невидимый в воде бугор, что врагу не пожелаешь такого.

Ветер на реке хоть и не сильный, но пронизывающий.

- А ты, я вижу, не первый раз в наших краях, верно?

- Не первый, а как ты догадался?

- Вас, городских сразу видно: свитер, перчатки, шарф, а вот курточка продувается, пустой материал. В тайге кожаная нужна или брезент, чтобы не рвалась и не промокала.

Сергей спрятал окурок в спичечный коробок.

- Пошли.

Я посмотрел на коробок, на Сергея и заулыбался. Он понял и серьёзно сказал:

- Река наша - кормилица, негоже человеку природу уничтожать. Пойдём чайком согреемся, жена термосок в дорожку собрала.

Я выпил полкружки чайку, начал ёрзать, не решаясь просить его рассказывать дальше, как будто боялся сбить его с мысли. В этот таёжный посёлок летом можно попасть по воде, но в конце сентября уже прекращается какое-либо движение по реке, только по горам на вездеходах.

- А ведь крепко мы сели в тот раз на этом перевале. Жена с ребёнком в кабине расположились ночевать, а мы с дядькой начали грызть эту землю под передним мостом и лопатой, и топором, но «Урал» - это машина! Если посадил на что-то крепкое, ох, не рад будешь. До посёлка ещё километров пятнадцать, а темнеет рано, через два часа ночь. Сил копать нет, бензина ещё часа на четыре.

Рассказчик вздохнул, чуть задумался,

- И чем я соображал переться в дорогу в такой дождь, да ещё с ребёнком?

Прошло ещё с минуту. Снова Сергей заулыбался.

- Слушай, - глядя прямо мне в глаза, - а ведь в хорошее время живём, запомни.

Я тоже заулыбался, хотя в то время так и не понял: это он просто так говорил или это была его поговорка?

- Руки, ноги уже дрожали от усталости, - продолжал он. - Надо, что-то придумать. Дядька решился пойти в посёлок предупредить кого-то в сельсовете, чтоб дали трактор выдернуть из этой дерьмовой лужи машину. Оставаться в ней? Кто знает, ещё рискнёт ли какой чумовой в такую погоду выехать из дома. А время - скоро ночь, через лес идти темно.

- Сергей, я всё-таки двину в посёлок, иначе...

- Возьми хоть пару пирожков.

- Нет, вам тут заседать в кабине, чем-то греться надо, а мне пешочком топать, не замёрзну.

Дождь под холод, поздний иней, и - бежать, чтоб не продрог, вечер давит, неприятен с непривычки, грязь резиновых сапог.

- Ладно, с Богом.

Дал ему топорик, если что, нарубишь веток, разведёшь костёр, да смотри, после пасеки возьми правее. Терсь может разлиться, придётся возвращаться через речушку Афониху.

– Знаю.

И, как северный олень, мудро побрёл на свежевыжатый осенний туман.

- Ночь мы провели с женой и ребёнком не лучшим образом, - продолжал Сергей. Съели по одному пирожку, выпили по глотку чаю, каждый час минут по десять прогревали машину, чтоб не замёрзнуть, и не заморозить малыша. А больше всего переживали за дядьку - по такой грязи волочь сапоги!

Дождь продолжал незаметно моросить, ночь казалась неимоверно длинной. В хорошую, сухую погоду здесь всегда останавливались, чтобы отдохнуть перед крутым подъёмом. В этот раз не повезло. Птица попряталась, ни белки не видно, ни рябчика, ни тем более хорошего настроения.

Сыро, мерзко и тишина давила стопудовой гирей на съёжившуюся душу... Нет, я не против тишины, ... не мне на граммы вешать, но люди глохли в дни войны на сто процентов меньше. Нет, я не против, когда стук настойчивый в пределах... Но как расценивать, кто глух, когда стучат на всех без дела. Нет, я не против, «за», я свой! Но! Одного, и всей бригадой...

Коробит, пухнет ум живой на круг ползущих гадов. Но есть, вы знаете, печаль, смущает каждого особа, как в тишине вздохнёт вуаль на стук, коробящий у гроба.

Вчерашний мир я не любил, и истязал остаток ночи, но час предутренний пробил, и вот пишу я эти строчки. Где ночь прошла, как сорок лет, легко меняются привычки, мечта, - шампанское в обед, весенний гон весёлой брички. Вчера казалось, не любил, Но скоро семьдесят и боле, люблю – как прежде не любил, природу, женщину и волю. Какие мысли! Глубоки... Творец - создатель всех условий. Я уловил зерно во слове – себя не любят дураки...

Пустынная горная улица, колючий репей не ссади, как будто туманами пудрица, гора, что стоит впереди. Всё гуще ночная прохлада, всё жиже дорожный прокат, жмёт сердце – оно ли мне надо, топтать бесконечный закат. Всегда проклинает прохожий, дорогу, которой здесь нет, и спит временами в прихожей, и ждёт под пихтою рассвет. А может, я тоже поеду? - мне тоже –

взрослею, пора, пройду по сказанному следу, где в дымке ночной вечера. Усталые косточки в вечер, раскину на русской печи, ох, молод же я, иль беспечен, как в небе по лету грачи. И тихо без шума и грома, пройдут бесовские дожди, и будет периной солома, и мамина шаль на груди. И может с бедой обойдётся, и счастье не в славе... - в глуши, ведь в памяти всё остаётся, когда ты любя согрешил.

Пройду как профессор науки, и в вечность войду как вода, и вдёрну в поэзию звуки, не выйдет, ну что ж, не горюй, не беда... Не вечер ещё, и не осень, и дождик ещё моросит, а хочется – хочется просим, не вышло, - знать Бог не простил. Извечные шалости наши, нам в сердце придётся нести, во лжи кто беспечной заквашен, тем, хмелем по жизни цвести.

Иду запоздалым, заросшим, ох с кем бы сродниться, - вдвоём, теплее намного промокшим, не сразу, но всё, же поймём... Приткнулся как сумрак к осинке, чтоб духу набраться и сил, не здесь ли наш предок по ссылке с котомкой по тракту ходил? Всколыхнулся, жизнь вспоминая.

Жуткой вышла зима в прошлом годе, где душе нестерпимо одной, то ли с тенью болтать в огороде, иль в тайгу убежать в выходной. Снег на кедре шаткий, пушистый, утончённо играл бирюзой, только в лето осина ветвиста, но, а в зиму как столб грозовой. Не доступная взору мужскому, не приметная взору ребят, вот не помню от хвора какого... приложите, ко лбу говорят. И какая же банька без Инны, - под фуршеты фонит толстосум, тонкий запах сибирской осины исцелит от пассивности дум.

Мир влюблённого в чаще озимой, исполняя душевности норм, - будет подвиг, хотя и не зримый, если зайцам нарубишь ты в корм. Да и лось, нагулявшись по свету, острым взором оценит врага, освежит, под осину диету, до – покуда достанут рога...

Как потом рассказывал дядька: - вроде прохладно и сыро, но от долгой дороги захотелось пить. Решил чуть взять левее, подойти к речушке Афонихи, вода в ней чистая, холодная, она хоть и не широкая, но быстрая. Не дойдя до берега несколько метров, решил срезать дудку, чтобы удобней было напиться.

Выбрал по суше, поплотнее и стал срезать, поглядывая на противоположный берег. На той стороне в полутемноте тоже кто-то остановился, закачались ветки небольшого кедра. Стою, жду, хотел окликнуть, не решился. В осеннюю пору, вода здесь между больших каменистых берегов быстро проходит, а последние пол километра по равнине, и потом впадает в Томь. Прошла минута, вторая, притворился, кем не помню, наверно деревом, немного сосёт под ложечкой, вместо ружья полутораметровая дудка. В горле пересохло, но пить расхотелось.

Оказалось, что это небольшой медведь, примерно трёх летка. Он вышел из под кедра на полянку, лениво покарябал кору на старом пне, и по берегу побрёл вдоль речки. Я немного успокоился. Как вести себя в таких случаях до этого момента я уже знал, приходилось встречаться не один раз.

По рассказам родителей, можно громко заорать, но очень громко, даже в дудку, она издаёт громкий рёв, можно тихо стоять, не обращать на него внимания. Если рядом есть дерево, залезть на дерево, а если он полезет за тобой следом, то нужно снять куртку, свернуть её в клубок и кинуть в него, чтобы он начал ловить её, оборвался и упал. Можно, если не успел залезть на дерево, постараться кружить вокруг дерева пока ему надоест, и он не уйдёт. Или не глядя в глаза медведю, не спеша, медленно уходить в сторону, как бы, не замечая его. Или, в крайнем случае, намазать скипидаром, допустим пятки, но не медведю, себе и....

В сухую погоду можно поджечь траву, звери не любят, когда горит тайга и уходят быстро подальше от огня. Но судя потому, как он медленно двигался по поляне и учесть, что уже осень, то он должен быть сытый, в таком случае с ним лучше не разговаривать, ни о чем.

Да и время у меня было мало, я спешил, ему тоже было не до меня, он в это время ищет на склоне сухое место под старым кедром, чтобы на зиму соорудить берлогу.

Судя по тому, что он не очень спешил, то вероятнее берлога основная у него есть, и он как обычно ищет место под вторую, на случай что из земли пробивают родники и приходится переходить в запасную.

Конечно, всё это я уже рассуждал, когда мы разошлись в разные стороны, но то, что он не рискнёт войти в холодную, быструю речку я догадался сразу, и мне оставалось только несколько минут понаблюдать за его ленивой походкой.

Но, похоже, он тоже не горел желанием пообщаться, вероятно знал, что от человека рукопожатия не дождёшься, да если ещё пахнет горелым пыжом, он за версту учует и обойдёт стороной.

Мы повстречались там, и там же с ним расстались, никто из нас вражды не разбудил, воспоминанье лишь со мной осталось, Любовь – есть Бог, здесь каждый рассудил. И каждый брёл отмеренной дорогой, и занят был лишь думою своей, хозяин он и труженик природы, а я, лишь гость – нахлебничаю в ней.

Наклонившись, набрал в срезанную трубку воды, присел, вдоволь напился, утомлённо размечтался. Вспомнил далёкое детство... Уходя, не брал воды с собою, а зачем? – полны же берега, и колодец с чистою водою, и чисты природные снега!

Разминая с холода колени, ставил к печке полное ведро, и считал полено за поленом, до весны хватило, чтобы дров. Грыз и лёд, святого детства радость, что приплыл торосом к берегам, отрывал, когда с мороза разом примерзал мороженым к губам. Вот сижу, и детство вспоминаю, лес, тайга, не видел разных стран, и умом уставшим понимаю, - мне не даст воды хрустальной кран.

Может кто-то в быль мою не верит, не слукавил строчкой, ни одной. У телеги, где оглобли – перед. - У машин - там ключик заводной...

Время мерилось тяжёлыми шагами, медленно и упорно подходил к реке. Перевал уже был позади, но оставался ещё остаток дороги в полтора километра до посёлка по грунтовой дороге, вдоль речки.

Вода от дождей поднялась, и в некоторых местах затопило дорогу, приходилось через кусты подыматься выше к склону горы и обходить эти топи. Одежда промокла, то ли от дождя, то ли от слабости, силы временами покидали.

Всё чаще приходилось останавливаться отдохнуть. Самое удобное место под ветвистой пихтой, земля сухая, тёплая, так и привечала – приляг путник, отдохни. Но впереди уже была видна окраина деревни, небольшие окна светились в густой темноте тайги, которая местами, елями и пихтами заходила в широкие улицы. Вот она, - окраина. Сытость плакатная золотом осени жухнет дождями в усталом саду. Зря мы судьбину ничтожно поносим, помни! - кликуши накличут беду. Стонет хатёнка в морозы устойчиво, стерпит ли сердце не прошенных слёз. Горького «Мать», - живое пророчество, вместо дровишек Некрасова, воз. Кину я речке немое приветствие, ...взгляд в, невесомого дома, окно, лучшие дни неразумного девствея... чаще всего нам напомнит оно. Вместо огня по окраине – «господи», бродит кромешная старости мгла.- Ох, доживём когда, - то заживём, поди! - еле старушка прошамкать смогла... Свет раскорчёвывал поле застойное, благо Сибирь – необъятная Русь! Помнишь ли ты, караваи застольные, - знаешь ли, что за тебя я молюсь!

И вот он, вечер, на исходе, и вот он мир - встаёт ребром, а я ль не русский по породе, сплетаю ноги за бугром. И дума лишь одна – напиться, спиться, пицца...

Под деревянной крышей дом. Труба кирпичная. Колечки... А на скамейке под окном старик с потёртою уздечкой. Калина красная. Плетень. Два воробья про жизнь судачат, луна там движет деда тень... эпохи нашей незадача.

Как будто выстрелил – спросил воды колодезной напиться, но Бог меня вдруг осенил: у деда сил – лишь помолиться. Осенний ветер, день сухой не сгладил дедовы морщины, года промчались под стрехой, под валуны ушла стремнина...

В такие вечера улицы посёлка были всегда пустынны, свет включали с восьми вечера и до двенадцати, по ночам всё погружалось в кромешную тьму. И здесь учился я, в потёмках, тут много версий и причин, да и сейчас в иных посёлках не света нет, и ни лучин. Здесь не услышишь в тему песни, зудит лишь талами весна, и человек страны чудесной забыл напев веретена. В нелёгком охе мудрый филин, скользят над озером стрижи, и где отсветы тех фамилий, кто этим краем раньше жил? Земля, заросшая бугриста, пронзает глухость дятла стук, в оффшорах нынче декабристы, и редко вспомнит бабку внук.

Вот и школа, небольшая берёзовая рощица, и две деревянные беседки. О берёзах не пишет ленивый, вот и я, - на раздумье стою, белоснежной, с холодным отливом вспоминаю деревню свою.

Как, откуда? - ещё при колхозе, кто без паспорта, кто при правах, мы присвоили символ берёзе... и срубили её на дрова. Дело было ещё при морозе, страшно жутко в холодной избе, растерев рукавицею слёзы, я с мольбой обратился к тебе.

Ты прости меня, символ отчизны, замерзают братишки и мать, может время ещё не до тризны... - от мороза ль ночами страдать? Совершишь благородное дело... - не без слёз на тебя мне смотреть, если чьё-то согреешь ты тело, перед тем как самой умереть. Снова вырастешь стройной берёза, снова сенью воспрянешь над ней, согревая в ночи от мороза светлый образ России моей.

Осенью как всегда не хватало саляры, а дороги в межсезонье не ахти какие, топлива не завезёшь. Силы или воля, подчиняясь разуму, заставляли двигаться тело, и оно ещё слушалось, противясь мысли, но уже не охотно. Добравшись до дома, из последних сил произнёс родителям: «Сергей с женой и мальцом на перевале застряли»... Сил раздеться не хватило, так и упал на небольшой диван в прихожей.

Сергей вновь предложил пойти покурить. Загорелое лицо и руки пылали сибирским загаром, который держался до середины весны в отличии от южного. - Да, в хорошее время мы живём, попомни мои слова, вновь произнёс он после очередной затяжки. Я никогда не курил, курившие, выпивавшие собеседники меня никогда не смущали. Катер подходил к крутому повороту реки, показались высокие заводские трубы металлургического завода. Ах, почему так трубы высоки? И скажут мене - «тебе какое дело!», тех, сто чертей на муки обреки, кто паразит души своей и тела.

Дымит завод и вроде высоко, вздымает пыль и сажу бытия, и эту прядь немытых облаков вдохнёт деревня – родина моя. Чело своё, и думу подперев, пишу я правду только между строчек, горит душа, но, всё ж не догорев, сулит возникнуть группой мелких точек.

В ушах, мотора, слышен перезвон, судить не мне, поэту о природе, какой то... трубы выхохмил «патрон» и гостом скрыл систему на заводе. Прошёл мираж, пошли на поворот, живёт народ и город в котловине, да, я поэт, но свой люблю народ, а впрочем, - может только половину? Закроем тему, холодно у вас, на ветер просто обрекаю слово, не вижу я, кто вступится за нас, где взять ещё в напарники Жеглова? Город высвечивался прохладой остекленелых высотных домов, испарением мокрого асфальта. В городе жизнь кипела и днём и ночью.

Прошло ни мало, ни много лет с того времени, а я до сих пор помню его слова, - прав он был и вот почему. Вспоминая вечера в сельском клубе, красоту деревенских девок, настоящую румяность этих добродушных молодых хозяек своей жизни, не думающих о карьере, о плесневеющем сыре, в конце концов, о дорогой машине. Танцы в клубе, игру в разлуку темнеющим вечером, и проводы до дома, и желание решиться поцеловать в следующий вечер. Весенние подснежники, первое парное молоко после зимнего перерыва, и пироги, и борщ, настоянный в русской печке. А ведь и впрямь время золотое!

г. Краснодар.

Владимир НЕУНЫВАХИН

Рассказы и зарисовки из серии «Окно в природу»

На глухаринном току

(Рассказ)

Приближались Первомайские праздники. Весна, чуть припоздав с приходом в наши таёжные края, в апреле взялась за свою работу в полную силу и вскоре наверстала упущенное.

В тайге на старых вырубах, особенно на солнечных пригревах, появились большие проталины. На них яркими зелёными пятнами обозначились стелющиеся заросли брусники. Лаковая зелень её листочков отливала на солнце и притягивала истосковавшийся за зиму взгляд, манила к себе, так и хотелось полезть по рыхлому снегу к проталине, прикоснуться к листочкам ладонями и погладить.

На зимних лесовозных дорогах вовсю журчали ручьи, и вот-вот должны были вскрыться речушки.

Снег на болотах под лучами тёплого весеннего солнца напитался влагой, потемнел, под его рыхлым слоем – уже по щиколотку талой воды. На кромках этих болот, меж стволов подступивших сосен, можно обнаружить следы глухарей, по сторонам которых чётко видны глубокие бороздки. Это проба сил таёжных петухов, их тренировки перед главными состязаниями на токах.

Ранним утром, наклевавшись сосновой хвои, они слетают на снег и, распустив хвост веером, начинают ходить кругами, бороздя снег опущенными к низу жёсткими крыльями. В этот период их надбровные дуги, как бы наливаясь кровью, становятся ярко красными. Охотники-глухарятники этот период ждут с нетерпением: если глухарь начал чертить снег – жди, через неделю-другую «запоёт» на току. Если повезло, и ты обнаружил место «черчения» – замечай место, где-то поблизости и сам будущий ток.

Я не отношу себя к охотникам-профессионалам, я просто страстный любитель побродить с ружьём по таёжным тропам и болотам, и очень люблю посидеть в скрадке на озере с утиным манком в руках. Я с огромным трепетом ждал, когда окончательно потеплеет, и глухари, пьянея от весеннего дурмана, слетятся на свои тайные, только им известные тока, помериться с соперниками силой и красотой, щегольнуть этими качествами перед своими подружками-глухарочками.

Я никогда в жизни не охотился на глухарей, тем более под их песню на току. Только читал в книжках маститых охотоведов об этой захватывающей охоте, и повадках очень осторожной лесной и тяжеловесной птицы, которая крайне редко становится трофеем человека с ружьём.

О своей мечте хоть раз в жизни побывать на току и поохотиться на таёжную птицу-великана под её «песню», я как-то поведал соседу по подъезду Владимиру Николаевичу Зиберту и неожиданно услышал:

– Побывать на глухарином току, послушать «песню» лесного красавца и попробовать добыть этот редкостный трофей – мечтаете? Нет проблем! – Владимир Николаевич хитровато улыбнулся и подмигнул. – Есть у меня на примете один ток, и не очень далеко от вахтового участка. Я о нём ни одному человеку не обмолвился, особенно начальству. Узнают – вмиг раздербанят, отбоя не будет: своди да своди. А у меня характер слабый – не смогу отказать, вот и не открываю тайны. А Вас свожу, потому как есть в Вас что-то приятно располагающее к себе, и я верю, побывав на току, Вы его координаты никому не сообщите. Это будет уже наша с Вами тайна, – Владимир Николаевич вновь улыбнулся доброй улыбкой. – Завтра возвращаюсь на вахтовый. Где-то через полмесяца я Вам позвоню. К этому времени наши петушки начнут собираться на «полигоне» – я так обозвал ток, о котором говорил в самом начале. А на Первомайские Вы и подъедете.

Я не мог скрыть радости и чуть не полез к Владимиру Николаевичу обниматься. Мы сидели на кухне в его холостяцкой квартире и смаковали кофе. В свои кратковременные приезды с вахтового участка он всегда приглашал меня в гости, и мы, смакуя бодрящий напиток, предавались разговорам на «высокие» темы, но больше говорили о природе, охоте и, конечно, производственных делах.

Владимиру Николаевичу на вид сорок с небольшим – это тот возраст, который пользуется особым спросом у женщин, мечтающих о тихом семейном счастье, когда поулеглись бурные страсти молодости и пошла на убыль юношеская безрассудность. Владимир – по мужеским меркам – красив: прямой, почти греческого профиля, нос; мягко очерченные и чуть-чуть припухшие губы, запоминающиеся карие глаза – притягивали каким-то внутренним магнетизмом. В них – по народному поверью, – как в зеркале, отражается душа человека. У злого – угрюмость и отталкивающая злоба, у доброго – теплота и улыбчивость. У Владимира Николаевича в глазах отражались, казалось бы несовместимые черты: и строгость; и лукавинка; и глубокая заинтересованность; и непримиримость; и участие; и насмешинка, но больше в них было – понимания и уважения к собеседнику. Темнорусые, не тронутые проседью, волосы гармонировали с еле заметной смуглостью лица без выпирающих скул и подбородка. В общем, он совершенно не был похож на ту «белокурую бестию», которой характеризуется чисто арийская немецкая раса. В крови Владимира Николаевича с петровских времен, когда его предки приобрели свою новую родину на приволжских просторах России, было намешано столько русской крови, что от немецкой национальности у него осталась только фамилия.

В нашем учреждении Владимир Николаевич появился после ухода из ВВС, где летал на истребителях и лёгких бомбардировщиках. Лётное дело очень любил и к моменту увольнения в запас имел звание «старлея». За что его «выперли из летунов», Владимир Николаевич никогда и никому не рассказывал. Сколько я ни пытался – и в лоб и исподволь – выведать у него о службе в ВВС, он или отшучивался, или умело менял тему разговора, или умолкал, надолго погрузившись в свои мрачные размышления. Даже спиртное не развязывало ему язык. И я отстал. Если не рассказывает, значит не хочет, а насильно в душу лезть – не в моих правилах. Так и не знаю до сих пор, почему Владимир Николаевич, расставшись с погонами летчика, решил связать судьбу с исправительно-трудовым учреждением, почему сюда, на север в Архангельскую область, приехал один, без жены, которой и в самом деле не оказалось, и почему вскоре попросился на вахтовый участок, куда офицеров ИТУ отправляли работать обычно за какие-нибудь провинности. А тут – по собственному желанию...

И надо сказать, дела на вахтовом с приходом Зиберта пошли в гору. Прекратились побеги заключенных-поселенцев с участка, где организация быта постоянно была ни к черту: одна работа на лесоповале и только койка для отдыха в бараке. Вдвое сократились нарушения режима: прогулы там всякие, драки, мелкие кражи, браговарение, пьянки и т. д. Удивительно, но через полгода к Зиберту на вахтовый поселенцы стали просто рваться, в колониях был даже установлен конкурс, где учитывалось не только желание заключенного поехать в глухомань тайги и хорошо подзаработать. А в учреждении вскоре забыли порядковый номер вахтового участка – называлась фамилия Зиберта, и всем сразу становилось понятно, о чём и о ком идёт речь. Даже в Москве, в Главке знали, кто такой Зиберт, и где находится его «вахта».

По своим служебным делам я бывал пару раз у него на участке и поразился его ухоженности. Особое впечатление он на меня произвёл в первый приезд, в один из июльских дней. Столовая, магазинчик, хлебопекарня, банька, домик для приезжих, два служебных вагончика, маленький клуб на 25-30 посадочных мест, где демонстрируются трижды в неделю привозные узкоплёночные фильмы, и сам барак на полста осужденных – все аккуратно покрашены и побелены, дорожки к ним чисто подметены и посыпаны песочком. На дощатых тротуарах – ни одной сломанной доски. У крылечек столовой, магазинчика, бани, у входа в вагончики – несколько старых автопокрышек, разложенных причудливым орнаментом. Они заполнены землёй и превращены в своеобразные цветники. В мой приезд на них цвели ноготки, астры, анютины глазки, кукушкины слёзки и душистый табачок – простенько, но приятно для глаз.

Резиденция или, как выражался сам Владимир Николаевич, его штаб-квартира располагалась рядом со служебными вагончиками и представляла собой крохотный рубленый и опрятненький домик, состоящий из сеней и комнатёнки три на три метра, в которой основную полезную площадь занимали солдатская кровать с панцирной сеткой, однотумбовый школьный письменный стол, на котором хозяин и деловые бумаги писал, и трапезу справлял, и обогревательная печурка типа «Голландки». На самодельных полочках над кроватью и над столом – книги, журналы, стопка общих тетрадей, рулоны ватмана с какими-то эскизами, графиками и таблицами.

Хорошую библиотечку обнаружил я и в клубе на полках книжного шкафа, что стоял впритык к миниатюрной сцене, на которой вместо декораций висел киноэкран. Здесь к моему удивлению оказались тома сочинений русских и зарубежных классиков: Льва Толстого, Александра Грина, Ивана Бунина, Николая Лескова, Лермонтова, Есенина, Вальтера Скотта, Эмиля Золя, Стефана Цвейга и многих других.

– Откуда такое богатство? – полюбопытствовал я у одного из поселенцев.

– А, это нам Владимир Николаевич привёз, говорят, почти вся его библиотека тут.

С приходом на «вахту» Зиберта появилась при въезде на участок и спортивная площадка, где после работы по вечерам слышался хохот и крики болельщиков, и гулкие удары по мячу. Сам физически накаченный, любитель часа по два-по три в день побаловаться с гантелями и двухпудовой «гирькой», Владимир Николаевич незаметно увлёк за собой и других обитателей вахтовки. Вскоре почти каждый выходной стали проходить соревнования между бригадами и звеньями, лесорубами и механизаторами по волейболу, баскетболу, городкам, штанге, настольному теннису, шахматам и даже мини-футболу. Помню, как-то в моё присутствие в кабинете начальника учреждения, Владимир Николаевич долго просил и доказывал шефу, как ему позарез нужны деньги на спортивные призы. Еле упросил.

Очень удачно было выбрано и само место под базу вахтового участка. Небольшое возвышение с плоской, как столешница, вершиной, на которой и разместились домики

вахтовки, широкой петлей охватывала таёжная речка под странным названием «Порста». Возвышение спасало базу от бурного весеннего разлива своенравной «Порсты», но река обеспечивала людей отличной питьевой водой и, зачастую, кормила рыбой, которая водилась в ней в большом количестве.

Мачтовые сосны и разлапистые ели вплотную подступали к жилью лесорубов-вахтовиков, создавая красивый оазис в таёжной глухомани. И не дай бог кому-то из механизаторов «по запарке» подъехать к общежитию или к столовой на трелёвочнике или единственной на участке – «Семере» (ЗИЛ-157-й) со своими шестью ведущими! Труба! «Убьют» сами же поселенцы за испаханную «центральную улицу и красную площадь городка». Стоянка, гараж со слесаркой, дизельная подстанция и заправка с емкостями ГСМ – компактно вынесены за 300-400 метров от жилья.

Исподтишка наблюдая за Владимиром Николаевичем в свой первый, да и второй приезды, на ежедневных планёрках и вечерних подведениях итогов с бригадирами и звеньевыми, во время посещения рембазы, общежития и непосредственно лесосек, я видел – заключенные без какого-либо подобострастия обращаются и разговаривают со своим начальником, уважительно, по имени, отчеству, на «Вы», без обычного лагерного – «гражданин начальник». И что поразило – Владимир Николаевич всех своих вахтовиков, а их более 50 человек, знал по имени, отчеству и никогда не уподоблялся большинству работников ИТУ, которые с зэками разговаривали на повышенных тонах, употребляя нецензурную брань, унижая и оскорбляя последних, за что те платили офицерам такой же ненавистью и презрением.

Втихаря, чтобы не засёк моего любопытства Владимир Николаевич, я поинтересовался как-то у одного из бригадиров и сучкоруба:

– Он как, сильно жёсткий? Всех в кулаке держит: сказал – и ни пикни, или как?

– Да, нет. Он справедливый. Всегда выслушает, посоветуется, тогда и принимает решение. И если что пообещает, обязательно выполнит. Если дал задание – проверит: в срок и хорошо ли сделано? Пролодырничал – отвечай!

– И никогда не наказывает несправедливо. Обязательно разбирается, и бесполезно хитрить, докапываться, – поддакнул сучкоруб.

...С огромным нетерпением я ждал звонка Владимира Николаевича, в душе к которому всё сильнее и сильнее проникался симпатией и уважением. Ждал и в который раз начинал перебирать рюкзак с охотничьим снаряжением. Вновь и вновь чистил и смазывал любимую двухстволку-вертикалку, менял в патронташе патроны с дробью первого номера на нолевку, потом, передумав, возвращал патроны на место. И так почти каждый день.

Наконец, дежурный по учреждению пригласил меня к рации, доложив:

– Что-то Зиберт от Вас хочет.

– Максимыч, – услышал я в наушниках – «запели»... Через два дня жду на 36-м километре, встречу на вездеходе.

Я чуть не закричал: «Ура!» И в тот же день оформил командировку на вахтовый участок на праздничные дни, согласно приказу по учреждению о выезде начсостава в лагпункты для усиления контроля за поведением осужденных и проведения соответствующих мероприятий. Моё желание ехать на «вахту» вызвало у руководства чуть ли не аплодисменты – жаждущих забираться на праздники по бездорожью в глухомань... ищи-свищи! Дураков нема!

Через два дня я катил в вагоне нашего ведомственного поезда по ведомственной железной дороге, по которой производилась вывозка леса из глубинных колоний на Иксинский нижний склад, где шла его распиловка и переработка на пиломатериалы. Мне – до 36-го километра, где свороток на «вахту» Зиберта. Перед посадкой на узловой станции Икса я договорился с машинистами тепловоза, чтобы притормозили на известном повороте, и ребята, лыбясь, показали, растопырив пальцы, символический стакан с водкой:

– «Накатишь» стопарь с огурчиком – тормознём!

– Но-оу проблем! – поддержал я шутку машинистов.

Списанный «БТР» на гусеничном ходу был подарен начальником учреждения вахтовому участку за победу в соцревновании в честь «Великого Октября» и восстановлен таёжными умельцами. Его я увидел на вершине бугра ещё когда вагон, скрипя тормозными колодками, остановился у долгожданной просеки, уходящей резко вправо от железнодорожного полотна в глубь тайги.

Владимир Николаевич, крепко пожав мне руку, принял рюкзак и кинул его в нутро «БТРа». Я взгромоздился на сиденье в водительской кабине. За рычаги сел сам Николаевич. Тут я вспомнил про письмо, которое перед самым отъездом вынул из его почтового ящика. Письмо было из Белоруссии от какой-то женщины с красивым именем Анастасия.

– Минутку, Владимир Николаевич, – я положил ладонь на его руку, сжимавшую рычаг и достал конверт из внутреннего кармана форменной куртки.

Николаевич, мельком глянул на обратный адрес и, заметно обрадовавшись, схватил конверт, вскрыл и углубился в чтение. Прочитал, сложил листки и спрятал письмо в карман. Посмотрел на меня и грустно улыбнулся.

– Это жена моего лучшего друга. Мы вместе летали. Его самолет разбился при посадке... Заело шасси... Умирая в госпитале, он очень просил позаботиться о его жене и маленькой дочке... Настя пишет: в июне дочка заканчивает школу и мечтает поступить в медицинский институт... Ежемесячно я высылаю им деньги...

Владимир Николаевич запустил двигатель и потянул рычаг на себя.

«Вот ещё одна тайна бывшего летчика», – успел я подумать, хватаясь за предохранительную скобу. Вездеход резко дёрнулся вперёд, и началось...

Это была не езда, а какая-то чёртова пляска. Меня кидало вперёд, отбрасывало назад, я падал вниз и вскоре, подброшенный вверх, больно стукался затылком о потолок кабины.

Наш «БТР», завывая двигателем и лязгая траками гусениц, с трудом пробирался по просеке, по которой и пролегала дорога на «вахту». Назвав «дорогой» её подобие, я несколько преувеличил – бывший зимник, размытый весенними потоками и исковерканный ещё с осени гусеницами трелёвочников, превратился сегодня в непролазное месиво из валунов, глины, песка, корневищ, измочаленных сучьев и обломышей хлыстов, оставшихся после зимней вывозки.

Безумная тряска терзала моё тело и душу на протяжении почти трёх часов, т. е. пока мы не затормозили у рембазы участка. Все красоты тайги, проплывавшие за боковым стеклом кабины при такой безумной езде и трясучке я попросту не заметил. После грохота мотора в ушах стоял звон, и мы с Владимиром Николаевичем некоторое время общались при помощи жестов. Проводив меня до домика приезжих, он предупредил:

– Через полчаса жду в столовой. Обед заказан. А потом мы с Вами пройдёмся по всем объектам, особенно по комнатам общежития, поговорим с людьми, проверим подготовку к празднику. Вечером попаримся в баньке, которую истопили к нашему приезду, а ближе к полуночи двинем на «Семере» к нашему «полигону».

...И вот, осторожно ощупывая лучами фар ухабистую, испятнанную многочисленными лужами грунтовку, наша «Семера» переваливаясь с боку на бок, как утка, медленно пробирается по заброшенной лесной дороге в старые вырубы. Лесорубы из них ушли года три назад. Дорога заплыла песчаником, сгладилась и кажется не такой разбитой, как та, на просеке, что соединяет «вахту» с железной дорогой.

Прыгающий свет фар выхватывает из чернильной темноты то склонившуюся над дорогой старую берёзу, то заросли ивняка и ольховника, подступающие вплотную к колее, то искрящийся поток перебегающего дорогу говорливого ручейка. Один такой, но более полноводный и широко разлившийся, мы пересекаем в одной из низинок.

Водитель, пожилой осужденный-поселенец, приостанавливает машину у бурлящего потока, как бы примериваясь и размышляя на какой скорости его пересекать, затем переключает рычаг на пониженную и осторожно, будто на ощупь, направляет машину в широкую и глубокую промоину. Вода чуть ли не скрывает подножку кабины, но «Семера» благополучно выбирается на противоположную сторону ручья, и мы продолжаем путь.

Вскоре Владимир Николаевич даёт команду остановиться у подошвы небольшого возвышения. После слабо освещённой кабины я окунаюсь в такую темень, что чуть не падаю, споткнувшись о колодину. Владимир Николаевич разговаривает с водителем:

– Петрович, возвращайтесь на участок и утром за нами приезжать не надо. Доберёмся пешком. Через разлившийся ручей переход я знаю, есть поваленная сосна, переберёмся.

«Семера» разворачивается и, натужно гудя мотором, растворяется в густой темноте, но ещё долго, удаляясь и затихая, слышался рокот двигателя. Глаза постепенно привыкают к темноте, и уже можно различить чернеющие силуэты деревьев по сторонам дороги и тускло отсвечивающие лужи талой воды. Кое-где на обочинах под деревьями и среди кустов сереют пластины не растаявшего снега. Владимир Николаевич наклоняется ко мне:

– В полутора километрах от этого бугра начинается болото, на кромке которого растянулась полоса редколесья – вековые ели, сосны вперемешку с осинами и березами, среди них много сухостоя. Это и есть «полигон». Лес на полосе не вырубили из-за поражённости гнилью и как не представляющий какой-либо ценности. Мы сейчас продвинемся к «полигону» поближе. Там есть брошенная обогревательная будка. Лесорубы попытались как-то перетащить её на новое место тракторами, но разорвали сани и бросили. В ней мы и покемарим часок-другой.

Тишина, ни ветерка. Тепло, где-то плюс пять-шесть градусов. Небо затянуло низкой облачностью. Ни одного «окна», в которое можно было увидеть звёздную россыпь на чёрном бархате ночного небосклона.

Мы достаём из рюкзаков фонарики и трогаемся в путь. Перевалив бугор, углубляемся в бывшую лесосеку и начинаем чертыхаться. Вся вырубка завалена сучьями, ломом сухостойных деревьев, поверженным подростом, брошенными при трелёвке хлыстами и всевозможными выворотнями, оставшимися после гусениц и щитов трелёвочных тракторов. Мы спотыкаемся о пни и сучья, с трудом перелазим через стволы поваленных исполинов и смахиваем обильный пот со лба.

Наконец, луч фонарика Владимира Николаевича выхватывает приземистую будку лесорубов. Её двери распахнуты. Из-за разбитого стекла в крошечном окошечке внутри будки гуляет сквозняк.

Подсвечивая фонариками, мы находим какую-то рваную и замасленную куртку под боковой лавкой и занавешиваем разбитое окно. Затем располагаемся на лавках у противоположных стен, подложив под головы рюкзаки, тихо переговариваемся:

– До тока на «полигоне» от будки не более 500 метров. Пойдём к нему в четыре утра. Сколько мы сейчас имеем? – Владимир Николаевич, подсвечивая фонариком, отворачивает обшлаг рукава куртки и смотрит на наручные часы. – Без четверти два. Значит, через два часа. Можно и вздремнуть чуть-чуть.

На некоторое время в будке повисает тишина, но Владимир Николаевич вновь нарушает её:

– Ток большой, растянут по полосе метров на шестьсот. Глухарей, по моим наблюдениям, слетается со всей округи не меньше сотни. Из них чуть ли не половина – «хрипуны».

– А это что ещё за «звери»? – шутливо перебиваю я.

– Это молодые глухари, – не отреагировав на мою дурашливую шутку, отвечает Владимир Николаевич. – Глухарь начинает «петь» на четвёртом году от роду, когда замаскулеет. Двух-трехлетки тоже прилетают на ток, сидят, слушают своих старших собратьев, учатся. Иногда пробуют щёлкать, но кроме своеобразного хрипа у них ничего не получается. Но «хрипуны» одновременно являются и сторожами на току. Когда их старшие братья «поют», они слушают и в случае опасности срываются и перелетают на другое место. Это служит сигналом для поющих петухов. Они умолкают и могут также сменить район состязания в «вокале». Кстати, Максимыч, а Вы хоть раз слышали, как «поёт» глухарь?

– Не пришлось. В книгах, правда, читал, а вот в яви... увы – не удалось. В нашей сибирской тайге, где я начинал первые шаги по охотничьим тропам, глухарей мало, и фортуна ни разу не улыбалась мне, даже издали увидеть таежного красавца. Когда меня перевели в Североонежск по службе, первое время было не до охоты – обживался, но всегда мечтал сходить с бывалым охотником на ток. И вот, кажется, моя мечта сбывается, сбывается благодаря Вам...

Мои дифирамбы, видимо, неприятны Владимиру Николаевичу, и он прерывает меня:

– В книгах не всегда правильно описывают «песню» глухаря, да практически и невозможно на словах передать её своеобразное звучание. Я десятки раз бывал на токах и, затаив дыхание, слушал токование глухарей, а вот в точности передать их щёлканье навряд ли смогу. Глухарь начинает свою «песню» неторопливым щёлканьем, будто кто тонкой сухой палочкой по сухому стволу ударяет: тэк, тэк, тэк... Это щёлканье в тихую погоду слышно далеко – метров за триста-четыреста. Другое колено песни начинается сразу же после щёлканья. Оно тише, но какое-то поспешное, захлёбывающееся, очень напоминающее точение столового ножа на крупнозернистом бруске: чир-рш-ш-ш, чир-рш-ш-ш, чир-рш-ш-ш...

Эта часть песни длится всего две-три секунды, но в это время глухарь не слышит ничего, даже выстрела. Возможно по этой причине он и назван глухарём, а возможно из-за глуши мест обитания. Во время второго колена песни птицы нужно успеть сде-

лать два-три прыжка-шага и сразу замереть. Застал конец песни на одной ноге – стой, не шелохнись, жди нового повтора. Глухарь, закончив второе колено песни, на какой-то миг умолкает, замирает, будто прислушивается, что творится кругом? Не отзовётся ли где соперник, не подстерегает ли какая опасность? Тресни в этот момент сломанная ветка, раздайся ещё какой звук – тут же улетит, сменит место на току. И стрелять нужно под песню наверняка. Если вдруг осечка или промах во время песни, глухарь не услышит, будет продолжать выводить свои рулады. И ни в коем случае нельзя стрелять, не видя самой птицы, её силуэта на светлеющем предутреннем небе среди ветвей. Будете стрелять наугад – обязательно промахнётесь, лучше подождать, когда чуть-чуть рассветёт и видимость улучшится. Захочется на току во время подхода к глухарю чихнуть или кашлянуть: быстро снимайте шапку и прижимайте к лицу, чтобы заглушить звук. Лесной петух хотя и зовётся глухарём, но очень и очень сторожкая птица... – и вдруг Владимир Николаевич начинает тихо смеяться.

Я ошарашенно приподнимаюсь на локте и спрашиваю в темноту:

– Что случилось? Вы почему смеётесь?

– Вспомнил, – Владимир Николаевич откашливается. – Вы Виктора Королькова со Скарлахты знаете?

– Да. Замполит четвёртой колонии.

– Во-во. Так вот как-то на совещании в учреждении на перекуре он рассказывал, как ходил на ток охотиться на глухарей. В числе слушателей оказался и я.

«Подхожу я на рассвете к току и ошалел, – рассказывает Корольков, – глухари в экстазе, поют, аж захлебываются. В самый разгар я подошёл. И слева поют, и справа, и прямо. Даже растерялся, к которому подкрадываться. Решил по прямой, вроде ближе всех. Крадусь и вижу: вот он, здоровенный глухарина на ветке сосны расхаживает и поёт...»

Владимир Николаевич не выдерживает и снова смеётся. А я никак не врублюсь, почему он смеется и жду развязки повествования.

– Вижу, – продолжает Владимир Николаевич, – ну, явно врёт Корольков, как сивый мерин, без зазрения совести врёт, и решаю его подловить. Спрашиваю: «Слушай, а как поёт-то глухарь?»

«Да, подожди ты, – отмахивается Корольков и чешет в том же духе. – И вот вскидываю я ружье, ловлю на мушку расхаживающего по ветке лесного петуха и стреляю. И вдруг вижу, как на землю падает не один, а сразу два глухаря. Оказывается, чуть дальше на второй сосне сидел ещё один глухарь, и мой выстрел зацепил и его...»

Ну, это уж ни в какие ворота не лезет. Брехня Королькова перехлёстывает через край, но врёт-то как складно, для простых смертных даже правдоподобно. И я вновь подступаю к «охотничку» с каверзным вопросом: «Так ты не ответил, как же поёт глухарь?»

«Как, как? – занервничал Корольков, – Вот пристал! Ты что ни разу не слышал, как поёт глухарь?»

«Не слышал!» – не моргнув глазом, подтверждаю я.

«Да, ничего особенного. Почти так же, как наши деревенские петухи. Один меня тогда даже напугал. Крадусь я по току, а он как «закукарекает» над головой!..»

Я хватаюсь за живот и давлюсь от смеха. Дико начинают хохотать и остальные слушатели. Корольков, поняв, что загнул, сконфуженно махнул рукой: «А-а, пошли вы!..» – и поспешно покидает курилку.

Владимир Николаевич, умолкнув, вновь сдержанно смеётся. Смеюсь и я, уловив, наконец-то, смысл вранья горе-охотника Королькова.

Через некоторое время в нашей будке воцаряется тишина, а вскоре Владимир Николаевич начинает посапывать. Я же уснуть не могу – боюсь проспать, да и какой сон перед осуществлением многолетней и заветной мечты? Чтобы скрипом лавки не тревожить сон напарника, я осторожно выскальзываю за дверь будки и окунаюсь во влажную темень, наполненную ночными таёжными звуками, которые городскому жителю непривычны и вызывают мурашки по телу. Жуть пробирает от шороха опавших листьев под чьей-то осторожной лапкой, от глухого стука о землю перезревших и падающих сосновых и еловых шишек, от резкого вскрика ночных птиц и даже от писка мышей.

Я поднимаю лицо к небу и чувствую, как на него падает несколько мелких капелек – начинает моросить реденький дождик. Эта дождевая пыль повергает меня в панику: неужели сорвётся моя первая охота на току под песню глухаря. В расстроенных чувствах я нашариваю в темноте рядом с будкой большой чурбак и присаживаюсь. Посветив фонариком, смотрю на часы – три, начало четвёртого.

Скоро выходить, а тут – эта «сеенка» с неба, начнут ли токовать глухари в такую погоду?

Я слышал от бывалых охотников или читал где-то, что глухарь не «поёт» при северном ветре, резком похолодании и снегопаде: или вообще ещё с вечера не прилетает на ток, или сидит нахохлившись и ни гу-гу, не «кукарекает» – вспомнил я ни к месту рассказ Владимира Николаевича. Вот невезуха! Сижу, переживаю и то и дело вытягиваю в темноту руку, чтобы узнать – не перестал ли моросить этот непрошеный посланник сверху? Нет, капает... Скрипит сзади дверь будки, оглянувшись, вижу смутный силуэт Владимира Николаевича.

– Что не спится? – тихо спрашивает он и присаживается рядом на чурбак. – Понимаю. В первый раз у меня был такой же задрог: нервы – на пределе, адреналина в крови – через край.

Я наверное меньше волновался, садясь впервые за управление самолета, чем в тот момент, когда оказался на глухарином току. Тогда к своему первому глухарю я не подскакивал по два – по три шага, я подползал к нему по-пластунски...

– Владимир Николаевич, а вот такая плаксивая погода не помешает, не отразится на активности глухарей? – с тоской в голосе спрашиваю я.

– Не думаю. Чем теплее погода, тем лучше. Страшнее мороз – тогда на току тишина. Ну, что двинем потихоньку? – ободрил он меня.

Спустя десять минут мы продираемся через буреломы и валежины к темнеющей невдалеке полосе леса на кромке болота.

Только успели вступить под сень первых сосен и елей, как Владимир Николаевич резко остановился и, схватив меня за руку, зашептал на ухо:

– Слышите? Поют... Я же говорил: дождичек не помеха. Так что зря Вы переживали.

Я начинаю крутить головой, но ничего не слышу.

– Вы затаите дыхание. Чуть-чуть правее нас. Слышите?

Я даже раскрыл рот, чтобы уравнять давление на слуховые перепонки и вдруг уловил:

– Тэк... тэк... тэк... чир-рш-ш-ш... чир – рш-ш-ш.

– Да, да! Я слышу его! – обрадовано шепчу я и чувствую, как моментально пересыхает во рту.

– Как к нему подходить, я вас учил: два-три шага во время второго колена песни – не более. А я пойду влево. Слышите, у самой кромки болота «распаляется» – вот его и буду скрадывать. Ваш ближе, и особо не спешите. Ну, с богом! Ни пуха – ни пера!

Владимир Николаевич почти бесшумно скользит в сторону и тут же исчезает в темноте среди деревьев.

Я какое-то время, будто в столбняке, стою и стараюсь унять учащённое биение сердца. Затем начинаю делать робкие шажки: по одному – по два в моменты когда раздается:

– Чир-рш-ш-ш... чир-рш-ш-ш...

Как советовал Владимир Николаевич, стараюсь не спешить и зачастую жду по несколько секунд окончания песни, хотя можно было сделать ещё пару шажков.

– Тэк... тэк... тэк...

А моё сердце: бух... бух... бух... – где-то у самого горла. Дыхание прерывистое. Тугими толчками пульсирует кровь в висках и озноб по всему телу.

– Чир-рш-ш-ш... чир-рш-ш-ш...

Два шажка вперёд.

– Тэк... тэк... чир-рш-ш-ш... чир-рш-ш-ш...

Ещё два прыжка.

Глухарь входит в раж и второе колено песни начинает выводить почти беспрерывно. Очередной шажок, и нога утопает в рыхлом снегу, который узкой белой полосой укрывает низинку.

Под снегом хлюпает талая вода. Хорошо, что заранее раскатал голенища болотников до предела, а то бы точно зачерпнул напитавшейся снежной крупчатки полные сапоги. Всё также под «песню» медленно, шаг за шагом выбираюсь из низинки, и вот уже вырисовывается в темноте огромная разлапистая и полу засохшая сосна. Половина её нижних сучьев без хвои и частью обломана. Где-то в её кроне и затаился глухарь, к которому я так долго подшагивал.

Горят ладони сжимающие ружьё. Видимо от перенапряжения начинают мелко дрожать ноги. Сантиметр за сантиметром обшариваю глазами вершину сосны. Но ещё довольно темно, и ничего не вижу. Создаётся впечатление – глухарь поёт на противоположной стороне дерева. При очередном азартном щёлканье птицы чуть смещаюсь в сторону и вновь обшариваю глазами все сучки сосны с верхнего до нижнего – и ничего.

Небо заметно бледнеет, и темнота начинает разжиживаться предрассветной синевой. Неожиданно вдалеке грохает выстрел, и я испуганно вздрагиваю. Догадываюсь – Владимир Николаевич завершил скрадывание «своего» глухаря. А я всё высматриваю. Смещаюсь ещё чуть-чуть в сторону и вдруг вижу – вот он. На голом и толстом суку немного ниже вершины, распустив хвост веером, и слегка опустив к низу крылья, медленно расхаживает глухарь, вытянув шею к небу и, запрокинув голову с крючковатым клювом, изнемогает в экстазе. Из его подрагивающего горла с чуть заметной бородкой под клювом несётся беспрерывно:

– Тэк... тэк... тэк... чир-рш-ш-ш... чир-рш-ш-ш... чир-рш-ш-ш...

Я медленно поднимаю бескурковку. Силуэт глухаря чётко выделяется на посветлевшем небе, я тщательно прицеливаюсь. Раскат выстрела бьёт по перепонкам. Вижу, как глухарь подпрыгивает и неуклюже валится вниз, затем слышится глухой стук падения. Я, спотыкаясь, спешу к дереву, вблизи которого лежит тонким слоем ещё не растаявший снег, и ищу глазами предполагаемое место падения тяжёлой птицы. Но в сером полусумраке нигде не вижу распластавшегося глухаря. И не верю своим глазам. Где же он? Я ведь видел, как он падал?..

Начинаю ходить кругами вокруг сосны, близлежащих деревьев и кустов, даже оглядываю сучья над головой – не зацепилась ли битая птица за них. Глухарь как в воду канул.

Вскоре я нахожу на снегу лунку, куда упал глухарь, и перья вокруг неё. А самого таёжного петуха нет. Испарился...

– Эгей-гей! – слышится невдалеке голос Владимира Николаевича, – Максимыч, Вы где?!

– Я здесь, – тоскливо откликаюсь я.

Чавкает мокрая земля, и появляется Владимир Николаевич. Через плечо у него на бечевке висит привязанный за когтистые лапы здоровенный глухарь. С огромной завистью и чуть ли не со слезами смотрю на трофей Николаевича, и начинаю сбивчиво жаловаться:

– Понимаете, я видел, как он падал... Подбежал, а его нет...

– Подождите, подождите. Я что-то не совсем уловил. От вас, что сбежал подранок?

– Да.

Повесив добычу на сук ближайшей ели, Владимир Николаевич подключается к поискам сбежавшего глухаря.

Мы обшариваем все коряги, выворотни и кусты можжевельника в округе, но поиски ни к чему не приводят. Находим, правда, в густом ольховнике, что в метрах двадцати от сосны, ещё несколько пёрышек, и на этом всё.

Возвращаемся к злополучной сосне и, стоя под её сенью, тихо переговариваемся. Рассвело окончательно, но из-за пасмурной погоды здесь, внизу – ещё лёгкий полусумрак. Владимир Николаевич, чтобы подбодрить меня, пробует шутить:

– А я знаю, почему удрал ваш подранок.

– Почему?

– У вас нет поноски.

– Ка... какой поноски?

– У вас нет крепкой бечёвки, на которой носят добытую дичь. Я свою поноску завёл с первой охоты на глухарей во время токования. Я человек суеверный и без неё на ток не хожу, и с ней без добычи не возвращаюсь. Однажды забыл и... промахнулся.

И вдруг Владимир Николаевич приседает и сдавленно хрипит:

– Присядьте! Присядьте!

Я вижу, как на соседнюю сухостоину, всхлопнув крыльями, тяжело опускается глухарь. Откуда он взялся, я засечь не успел.

– Да, присядьте же!.. Улетит!

– Куда он улетит? – срываю я бескурковку с плеча. – Это какой-то смертник!

И стреляю на вскидку. Глухарь, не успев опомнится, грузно валится с вершины сухостоины и, подняв фонтан мокрого снега, падает чуть ли ни к нашим ногам.

– Ну, вот, с «полем» вас!

И я – взрослый мужик – чуть не прыгаю от радости. Мой глухарь по весу, конечно, уступает трофею Владимира Николаевича, но какое это имеет значение? Главное, с тока я возвращался не пустым.

Прошло несколько лет. Сегодня я уже не новичок в охоте на глухарей, особенно под их песню на току. На моём счету почти два десятка «бородачей»-великанов, добытых именно во время токования. Но я никогда не забуду то рассветное утро, которое встречал с Владимиром Николаевичем на «полигоне». Открою секрет: с того памятного дня в кармашке моего заветного рюкзака постоянно лежит «поноска» из капронового шнура. Без проверки – на месте ли она – на охоту я не выезжаю. И она у меня счастливая...

А тогда я своего подранка всё-таки на-

шёл. Два праздничных дня, в которые мы были заняты под завязку, остались позади, и я намекнул Владимиру Николаевичу: мол, неплохо было бы ещё раз наведаться на «полигон».

– Я бы с удовольствием, но у меня завтра очень рано разнарядка, – грустно улыбнулся Владимир Николаевич. – А вам поездку организую: «Семера» на ходу, и в полночь Петрович отвезёт вас до бывшей лесосеки, как и в прошлый раз.

Отпустив машину, я не пошёл в брошенную будку, а сразу же осторожно пробрался на опушку лесной полосы и затаился под одной из густых елок, устроившись на сухом лапнике.

Первый глухарь затоковал на стыке последних минут ночи с первыми секундами утра, когда ещё темно, хоть глаз коли, но уже не ночь, она отступает, сдаёт свои позиции приближающемуся рассвету. Заводила-токовик начал свою песню вначале робко, с большими паузами:

– Тэк...: тэк... – и замолчал, прислушиваясь, – тэк... тэк... – и вновь тишина.

И вот заводиле, начавшему песню, где-то у кромки болота, отвечает соперник уже ближе ко мне, затем ещё один слева, а вслед им – сразу два справа. И началось...

– Тэк... тэк... тэк... чир-рш-ш-ш... чир-рш-ш-ш... чир-рш-ш-ш... тэк... тэк... чир-рш-ш-ш...

Я сидел под елью и, оцепенев, слушал захлёбывающихся в экстазе петухов, не мог тронуться с места.

Светлело на востоке. И вновь, как в первый раз меня бил озноб и жутко бухало сердце, когда я делал шажки и прыжки к ближайшему токующему глухарю. На этот раз обошлось без подранка.

Ток я покидал с тяжёлой ношей за плечами и с первыми лучами солнца, брызнувшими из-за горизонта. Помимо воли ноги понесли к сосне, где я накануне упустил подранка. Покружил, уже стал выбираться к дороге, как увидел среди низкорослых кустов можжевельника перья и пух. Подошёл. Истерзанный глухарь, вернее его остатки, без слов дорисовали картину того утра. Куница по запаху крови нашла забившуюся под коряжину ослабевшую птицу, и без труда придушила её, после чего два дня пировала вдосталь свежатинкой за мой счёт...

Негодница, хоть бы «спасибо» сказала.

п. Североонеженск. 1985 год.

Встречи с медведем

(зарисовка)

Василию Николаевичу Бахтину под восемьдесят. Но на вид дедок еще, дай боже: энергичен, подвижен, сухопар, на здоровье почти не жалуется, видимо, сказывается страстное увлечение в прошлом охотой. Сегодня он, конечно, уже не тот ходок, ноги «поскрипывают», как он говорит смеясь. На рябчиков по ближайшим от дома таёжным тропкам и за грибами ещё бегает, а на дневные переходы уже всё – силёнок не хватает. Рыбалку, которую любит не меньше, чем охоту, не бросает, благо река Терсь, приток Томи, от дома буквально в двух шагах. Милое дело, посидеть с удочками на её берегу или при случае разбросать пару сетёшек и столько же перемётов в ближайших уловистых заводях.

Живёт он бобылём в собственном доме-заимке в трёх верстах от посёлка Осиновое Плёсо. Жену схоронил более десятка лет назад. Дочь Маринка замужем в Старом Осколе, ежегодно приезжает попроведовать старика и постоянно зовёт к себе.

Лет пять назад, поддавшись на уговоры, он согласился на переезд в Старый Оскол. Хорошо, что не продал заимку, поручил соседу присматривать за ней. Пожил две недели в городской квартире и чуть не пропал со скуки. Волком взвыл и, как ни умоляла дочь (плакала, стращала и на колени падала), всё равно настоял на своём – уехал к себе на хутор, на родную Терсь. Заявил любимой дочери:

- Не терзай ты мою душу. Не могу я в городе жить, не по мне это. Пока ноги носят, буду жить в своём доме, общаясь с природой. Там и помереть хочу. Если не сразу сковырнусь, обездвижу, тогда уж вези, куда хошь...

Так и живёт. В огороде, по дому сам управляется и пока не жалуется, что в тягость.

По его воспоминаниям об охоте и рыбалке можно написать толстенную книгу. И я, наведываясь к нему в гости, люблю слушать его рассказы о всевозможных случаях на той или иной охоте, чем-то запомнившихся на всю жизнь.

Как-то зашёл разговор о медведях. И смотрю – оживился он, видимо, что-то интересное вспомнил. Я тут же с вопросом, чтобы расшевелить воспоминания:

- Что приходилось, Николаич, с косолапым нос к носу встречаться?

- Приходилось и много раз.

- Расскажите.

- Первая встреча была, когда я в ремеслухе учился, по-моему в сорок втором это было. Нас пацанов отправили в Осинники на всё лето отдыхать. Жили на базе отдыха. Это вроде пионерского лагеря. И преподаватели с нами. Кормёжка была бедненькой - война. Вот нас, кто побойчее, отправляли в лес собирать ягоду всякую для киселя и компота, грибы для похлебки. Ходили обычно по пять-шесть человек.

Нашёл я хороший малинник, спелой ягоды много. Пацанов не зову, думаю, вперёд всех корзину наберу и буду на солнышке валяться, загорать, а они пусть собирают. Присел на корточки и собираю.

Вскоре слышу, кто-то припёрся, ломится – аж кусты трещат. «Ну, - думаю, - надыбали моё место. Надо предупредить, что я первый его нашёл и пусть они на чужой каравай рот не разевают». Поднимаюсь с корточек, а в трёх метрах – медведь. Лапами ветки малины со спелой ягодой в пучок собирает и – в пасть...

Не помню, как добежал до нашего лагеря. Потерял корзину, ботинки и ножик, которым грибы резал. Прилетел весь белый, глаза по кулаку, трясусь. Преподаватель долго добивался, чтобы я внятно рассказал, что стряслось.

А назавтра на нашу базу отдыха пришли военные в синих галифе, с кобурами на боку. Спрашивают у преподавателей и пацанов постарше: не видели, мол, медведей? «Видели, - отвечают, - вон наш пацан еле от одного убежал».

Оказалось это энкэвэдэшники. Искали сбежавших из лагеря заключенных, которых они почему-то «медведями» зовут. Кое-как разобрались. Они сходили со мной на тот малинник, нашли корзину, ботинки, а ножик так и завалился где-то среди кустов.

С того дня нас, пацанов за ягодой и грибами в лес не посылали.

Ещё один забавный случай был. Это уже когда я парнем был и вовсю за девками ухлестывал. Дружил я с одной девкой из деревни Мутное, что от нашего Осинового Плёса километрах в десяти, и частенько бегал туда на вечерки. Домой возвращался уже за полночь и, чтобы в темноте в какую-нибудь колдобину не врюхаться, подсвечивал себе дорогу берестой, которую, загодя надрав, держал в кармане вместе со спичками. Помню, середина осени была.

Бегу, значит, на вечёрки в Мутное. Сумерки сгущаются. Смотрю, впереди на дороге в вечерней синеве маячат три силуэта. Обрадовался – попутчики! Думаю: «Всё веселее идти вместе». Прибавляю шаг. А ветерок мне в лицо, лес шумит, окликнуть – не услышат.

И вот попутчики совсем близко. Пригляделся и обомлел: на дороге - медведица с двумя медвежатами. А медвежата уже большенькие в полмамаши. И троица останавливается, видно, учуяли меня. Поворачиваются. Я на землю пал. «Всё, – думаю, сейчас закусывать мною будут». И будто кто подсказал – береста же в кармане!.. Выхватил, давай зажигать. И чудо: быстро разгорелась. Медведица увидела огонь, рявкнула – и в тайгу. Медвежата – за ней. А я – назад домой. И больше в Мутное не ходил. Далековато, да и девка тамошняя что-то разонравилась.

Была ещё одна встреча, которая особенно запомнилась. Я уже семью завёл и по настоящему охотой увлёкся.

Однажды в начале зимы пошёл в тайгу рябчиков пострелять. Снегу ещё немного выпало – чуть выше щиколотки. Можно без лыж бродить. Хорошо в лесу. Чистенько, трава легла, идти не мешает, снегом присыпало, далеко видать, как на ладони.

Порядком от деревни ушагал. И вдруг привлек моё внимание огромный выворотень. Как шалаш стоит. Подхожу поближе, пригляделся: выворотень буреломом завален и, точно, как шалаш снегом присыпанный. А у самой земли, будто - лаз и слегка парит из него, ветки над ним заиндевели.

Мать честная, так это берлога. Я потихонечку задом, задом и бегом в деревню. Захожу к племяннику – здоровенный парняга и тоже заядлый охотник, частенько в тайгу вместе хаживали. Он дома. Я ему толкую: «Берлогу нашёл. Хочешь на медведя поохотиться?» «Конечно, хочу!» - и за ружье.

Пока до берлоги добирались, уговор заключили, чтобы никто ни при каких условиях не сдрейфил и подстраховывал друг друга. Один выстрелил, второй медведя на мушке держит, тот кинулся – стреляй, пока напарник перезаряжает.

Подкрались к берлоге, всё спокойно, медведь на месте. Ружья проверили. Племянник за дерево встал, берлогу на мушку взял.

Я зажёг факел и потихоньку, потихоньку – к берлоге. Кинул факел в отдушину и ружье наизготовку. Секунды не прошло, медведь, заревев жутким рёвом, огромной черной глыбой выметнулся из берлоги и кинулся на меня. Я, не целясь и зажмурившись, непроизвольно нажал на курки. От жути у меня всё онемело внутри. Медведь в двух метрах от меня, обмякнув, рухнул на снег.

Сколько прошло времени, я не помню, наверное много, а я всё стоял и стоял в оцепенении, тупо глядя на огромную тушу медведя. Потом медленно проверил ружье: в стволах – пустые гильзы. Значит стрелял дуплетом. Наклонился над медведем, потрогал – он был мертв. В районе груди парила сочившаяся кровь.

Вот тут меня обуяло дикое ликование, как дикаря, пляшущего у поверженного мамонта. Ору, зову племянника, а его и след простыл. Ружьё в страхе бросил и в деревню умчался. Вот тебе и уговор... Хорошо – моё ружье само, куда надо попало...

Пос. Осиновое Плёсо. 2006 год.

Владимир ЧЕРНОУСОВ

Родился 17 февраля 1954 г. По профессии инженер-строитель.

Поэзия – неотъемлемая часть моего сознания. Автор книги стихотворений «Разноцветье», издательство «Союз писателей» г. Новокузнецк, 2019г. Издавал стихи в сборниках: «Арина НН» г. Нижний Новгород, «Серебро слов» г. Коломна, журналах «Союз писателей» г. Новокузнецк, «Первая книга» г. Будапешт, «Бригантина» г. Абакан. В трудовой деятельности прошел путь от бригадира до начальника строительного комплекса.

Живу в г. Новокузнецке.

Легче с любовью мечтать

Верность

Он упал, лишился сил,
Поперек порога.
Видно, очень так спешил
На свиданье с Богом.
А над ним рвала с петель,
Бубном била в двери
Ведьмой стылая метель,
Лезла через щели.

Мимо ангел пролетал
И в метели слепо
Жизнь в душе не распознал,
Взял с собой нелепо.
За порог и был таков.
Долго выла сука
На прощание без слов
Не дождавшись друга.

А вокруг снега, снега
И одна дорога.
Кралась к дому без стыда
Молча безнадега.
А вокруг тайга, тайга.
Но на сердце пусто.
Проглядела все глаза
Сука в небо грустно.

Приносила другу дичь.
Грела тело телом.
Был недвижимым Кузьмич
В саване весь белом.
Сорок дней без сна одна
В ней надежда тлела.
Возле друга и она,
Как свеча сгорела.

Много любви не бывает

Много любви не бывает,
Часто ее не хватает.
Все расцветает под взглядом,
Если любовь с тобой рядом –

Шлепать ребенком по лужам,
Греть под полой цветы в стужу.
Быть Казановой, иль мужем,
Знать, что кому-то ты нужен.

Что наша жизнь? Это блиц!
Космос не знает границ.
Звездочкой ясной на Млечном Пути,
Время, любовь сохрани-

Легче с любовью мечтать.
Верить. В разлуке скучать.
И повторяться, беря за основу,
Нашим любимым заветных три слова.

Зимний рассвет

Солнца яичный желток
Вылит на сковороду неба.
Мерно светлеет восток,
Словно стрясая мрак склепа.

Мерзлым бельем на ветвях
Редкие листья калины,
И возлежат на скамьях
Снежные власть исполины.

Сонно туман полыньи
Цедят ленивые утки.
Искрами гаснут огни...
День возрождают маршрутки.

Залекабрилось

Ветер дует – не надуется,
Ночь темна – растемна.
Задекабрилось.
Завьюжилось.
Заступила во власть зима.

И напрасно печаль и слезы
Выдвигали в протест небеса.
Улетели за птицами грезы,
Опустели вокруг леса.

Одинокая судьба

Никто не помнит здесь меня,
Я гость никем не прошенный.
И зарастает у ручья
Вишневый сад заброшенный.

И потемневшая изба
Стоит на пыльной улице,
Как одинокая судьба,
На век отживший хмурится.

Пришла зеленая тоска,
Накрыла боль сердечная.
Далеки в небе облака
И молодость беспечная.

На этой улице встречал
Девчонку я с косичками.
Ни от кого я не скрывал
Симпатии к ней личные.

Дурманным запахом трава,
Дела, дела давнишние.
Судьба-злодейка развела.
Слова, слова здесь лишние.

Перевернутые города

Параллельные миры где нам не найти?
Может быть, лишь, в зеркале реки,
Даст надежду быстрая вода
Перевернутые встретить города.

Там по улицам гуляют облака,
И на крыши установлены дома,
Там в квартирах наших
стайками живет
Молчаливый, незатейливый народ.

Утверждениям ученым вопреки,
Притяжения есть точка у реки.
Параллельные в ней сходятся миры,
Одинаково в них светят фонари.

Как далекая и яркая звезда,
Перевернутые манят города.
Там в квартирах наших
маленький народ
Параллельно и загадочно живет.

Кузнецкая крепость

Кузнецкая крепость мне дорога с детства,
Пусть тысячи верст от ее стен до Бреста,
Пусть нет у нее высшей воинской славы –
Оплотом в Сибири была для державы.

Кузнецкая крепость-высокие стены,
Заложены в них русских воинов гены.
Она неприступна, она величава
От горных подножий, до купола храма.

Позвала меня на чашку чая

Позвала меня на чашку чая.
Улыбнулась мило так при этом.
Как ребенок, плен не замечая,
За тобой пошел в зенит я лета.

И вдвоем в пространстве тесном,
Мы текилу пивом запивали,
И сплетались тени наши вместе
На стене «нулевки» после в зале.

И любовный, пьяные из пьяниц,
Зова вечного разучивали танец.
Ты была прекрасней всех из Пятниц.
Ну, а, я-Паяц в руках твоих и Заяц.

Закатилось незаметно лето
За черту великого обмана,
Словно мелкая затертая монета,
Под обложку нового романа.

Я к тебе зашел на чашку чая.
Помню, пить хотелось мне не очень,
Но пленила сказочка о рае...
А ушел свободным только в осень.

Снежный плен

Давай начнем жить с чистого листа,
Забудем суету и наши ссоры.
Пусть будет жизнь наивна и чиста,
Как снежный плен и в поднебесье горы.

И станут музыкой высокие снега,
Ночным десантом облепив под крышу
Приют двоих и ляжет тишина
На плечи елей, запорошит лыжи.

Мы в светлый день совместно, неспеша
Войдем. Друг-друга наконец услышим,
Как стук сердец в преддверье рубежа,
И новый алгоритм лыжней запишем.

Юбилей клуба Ли ТЕРРА

Шел снег. Открытым город
Стал для непрошенной метели.
И аномально жуткий холод
Был завершением апреля.

Ругал по-русски таджик дворник
Чужую мать и этим грелся.
На аргумент довольно веский
Глядел усопший Достоевский.

Стыл небольшой, уютный дворик.
Старинный дом в снегах искрился.
Когда-то здесь прозаик-стоик
С любовью вновь соединился.

Добром не оскудела вера.
Ответом на каприз природы
Пришелся юбилей «Ли ТЕРРА»,
Соединивший нас на годы.

Новокузнецк накрыли тучи.
Но мы не ведали печали.
Нам хмурый день казался лучшим –
Мы чай в том доме попивали.

Чёрная рябина

Я черных ягод не сорву,
И любоваться не устану
Рябиной хрупкой на снегу.
Я на колени рядом встану.
Оставлю гнуться на ветру,
Донашивать тугие грозди
И терпких ягод не возьму
Из счастья женского ни горсти.

Ты утомленная глядишь,
По-женски, черная рябина,
И ни за что себя коришь,
Что народилась не красива.
Цветной и яркий мир вокруг,
Напрасны в нем печаль и слезы.
И ночь бывает светлой вдруг,
И сладок запах черной розы.

О бедной гитаре замолвлю я слово

Подумать только, как жестоко!
– Хозяин твой заснят на фото,
Толпой фанатов окружен,
Красив, и молод, и влюблен.

А, ты, «Спасатель Малибу»,
Хотя держала на плаву
Поток его словесной фальши
– Одна за кадром, как и раньше.

Твои аккорды отзвучали,
И ты скучаешь на рояле.
Он не ласкает больше стан.
Его оплата – твой обман.

Танцуй, Кузбасс

Выбирай пошире круг,
Начинай движенья с рук.
Не давай скучать ногам,
Оглянись по сторонам.

Наступил веселья час,
Поддержи родной Кузбасс.
Ялта, Сочи и Кавказ –
Это мега-супер класс.

Мы бывали там не раз,
Только круче наш Кузбасс.
Эй! Забудем про футбол,
Выйдем дружно на танцпол.

Вместе сильный-слабый пол
Отожжем «Рок-н-ролл».

Выходи рабочий класс –
Сталевар, шахтер, на пляс.
Выходи интеллигент –
Инженер, доцент, студент.

Отрывайтесь, бабка, дед,
Ведь Кузбассу триста лет.
Скажем громче-раз, два.
Регион наш сорок два.

Все запомнили. Отлично.
Повторяем все ритмично –
Отрывайтесь, бабка, дед,
Ведь Кузбассу ТРИСТА ЛЕТ.

Скажем снова-раз, два.
Регион наш СОРОК ДВА!

Светлана ТРЕТЬЯКОВА

Третьякова Светлана родилась в 1968г в селе Волчиха Алтайского края. Мать, учительница сельской школы, привила тягу к знаниям и стихам. Отец, лесничий, в прошлом фронтовик – кавалер ордена Красной звезды, передал дочери любовь к людям, природе, научил мастерить скворечники, сажать яблони, косить сено.

В 1990 году Светлана окончила Новокузнецкий педагогический институт, в 2002 году – СибГИУ. До недавнего времени работала в АО «ЕВРАЗ ЗСМК» контрольным мастером.

Просочилось сквозь пальцы время

Светлой памяти моих родителей посвящается

Студенческое

Говорят, три дня дадут, сокурсник?
Говорят, а что решат — не знаю!
Эх, да что я — институтский узник?
Всё равно, возьму и прогуляю!

Я билет последний куплю в кассе,
Брошу взгляд прощальный из вагона.
И под сплетни пассажирской массы
Я засну, а утром буду дома!

Жучка мой приезд ознаменует.
Выйдет мама босая встречать.
Славная обнимет, поцелует,
Не давая слово мне сказать!

«Мам, ты что? Я ж не с войны вернулась!
Мам, пойдем, а то простынешь тут».
Под моей рукою распахнулась
Дверь в тот дом, где вечно меня ждут.

Вот отец счастливый, но серьезный.
Радость встречи спрячет он в усах.
Постарается как можно грозно
Передать обиду на словах.

«Почему ты писем не писала?
Почему родителей забыла?»
В самый раз придет на помощь мама:
«Дочка, ешь, а то уже остыло!»

Я еду на запад!

Я еду на запад! Я еду домой!
Я еду в сугробы по пояс,
Где взлёт снегирей нарушает покой,
Сбивая морозную поросль.

Я еду на запад! Я еду домой!
Я еду в бескрайние степи!
Вдохнувши свободы, я стану собой!
Излечит от вялости ветер.

Я еду на запад! Я еду домой!
Я еду в беспечное детство.
Где дымных столбов поднимается строй
Дорогой в небесную вечность.

Студенты – листья

Поблекшим листьям посвящается

Студенты — листья, собранные в крону
Седого Вуза без особенных прикрас.
Не подчиняясь общему закону,
Спадают листья в пятилетье — раз.

Вот так и я, когда-то лист зеленый,
Любивший летний дождик и тепло,
Сорвался ввысь, ветрами окрыленный,
И плыл по небу гордо и легко.

Настало время листьям приземлиться.
Меня прибило к заводской трубе.
Не повезло в гербарии храниться,
Однако благодарен я судьбе.

Не расстилался я под сапогами,
Не гнил на свалке, как никчемный груз.
Пусть на заводе я поблек с годами,
Но за меня тебе не стыдно Древо-Вуз.

Скажите, поэты...

Скажите, поэты, вы пишите летом?
Я — нет. Я душой отдыхаю.
Пегаса уставшего бледного цвета
За красками в степь отпускаю.
Ступай, мой хороший, гуляй на просторе,
Купайся в жемчужной росе!
С ветрами могучими в скорости споря,
Стань всполохом ярким в грозе!
Запутанных в гриве молочных ромашек
И зелень травы принеси.
Напомни покос за деревнею нашей,
Колодец-журавль вблизи.
В колодце, всегда отражающем небо,
Пегас, зачерпни синевы.
В каком уголочке Вселенной ты б не был,
Палитру стихов обнови.
Скажите, поэты, вы пишите летом?
Я — нет. Я душой отдыхаю.
Пегаса уставшего бледного цвета
За красками в степь отпускаю.

Своему 50-летию посвящаю

Просочилось сквозь пальцы время.
Истекает полсотни лет.
В очевидное трудно верю,
И желания верить — нет.

Как-то быстро случилось это.
Я почти не была молодой.
Не согрелась коротким летом.
Может быть, повезёт зимой?

Поселюсь на краю деревни,
У развилки семи дорог,
Чтобы путник, шаги замедлив,
Разглядеть мои окна смог.

И по снегу, синему снегу,
Отразившему, россыпь звезд,
К моим окнам придёт, приедет
Гость, прошедший немало вёрст.

Чтоб согреться, сухих поленьев
С берестою подброшу в печь.
Чашка чая с лесным вареньем
Нам поможет наладить речь.

О себе, о судьбе, о детях,
Блок, Цветаева, Пастернак...
Мы поймем: нам не жить на свете
Друг без друга уже никак.

Та зима станет жарче лета
От горящих влюбленных глаз.
Той зимой на большой планете
Не найдется счастливей нас.

Зимнее

Время по сезонам продолжает бег.
Уезжала в ливень, приезжаю в снег.
Воробьи на ветках заменили листья.
В непогоду птицам луч июля снится.
И мой дом из детства в переулке стылом
Греет, как и прежде, птичью стаю дымом.
Я своё полено в эту печку брошу,
Может мне, как птице,
кто-нибудь поможет.
Если не поможет, что ж, не привыкать,
С инеем на крыльях буду лето ждать!

Исповедь шахтера-взрывника

Есть такой Григорич в Шушталепе.
Не скажу, что старый аксакал,
Но его седины треплет ветер.
Многое он в жизни повидал.
Был завален в шахте, чудом выжил.
Вынесли братки на белый свет.
Видимо, сильней и к Богу ближе,
Чем молитвы материнской, нет!
Если возразить, но наш Григорич
Свой пример особый приведет
Про молитву, что спасла от горя
Четверо мальцов в колбичный год.
Май в те дни одел Калтанчик Красный
В зелень от речушки до леска.
Только луг зеленый был опасен.
Землю вскрыть готовились тогда.
Двести двадцать тонн одной взрывчатки
Уложили в сетку пять на пять.
Длинный прогудели для порядка,
Снова — два гудка и стали ждать.
Запалили шнур. Пошли секунды.
Шестьдесят, чтоб спрятаться самим.
Боже правый! Будто ниоткуда
Выросли на поле пацаны!
Хлопчики в лесу бродили дальнем,
Рвали витаминную колбу,
А в гудке зловещем и протяжном
Вовсе и не чуяли беду.
Слишком поздно. Ничего не сделать.
Землю грызть осталось? Волком выть?
Взрывники губами цвета мела
Матерь Божью принялись молить.
Исступленно, искренне, с надрывом,
Будто дети на лугу — свои!
Истекли секунды. Нету взрыва.
Детский смех. Щебечут воробьи.
Матерь Божья! Не приснилось ж это?
Порох вышпурил, до места не дошел.
Объяснили, шнур бракован где-то.
Взрывники-то знали, что по чем!
Счастью не было конца и края.
Дома так напились! Боже мой!
Всех детей села, не пропуская,
Целовали, пачкая слезой.
Есть в молитве сила или нету?
Я не буду в Вашу душу лезть.
Тот, кто был на грани тьмы и света,
Сам себе признается, что есть!

Менталитет

Куда бы деть менталитет?
В селе на майский день рожденный,
Впитавший с молоком рассвет
И дальней церкви перезвоны.
Менталитет, чей первый шаг
Тепло дорожек самотканых
Познал! И был беззубо рад
Рукой дотронуться до мамы.
Менталитет, любивший в дождь
Кричать и прыгать в летних лужах.
В семь лет, понявший тяпки мощь,
Полол картошку сколько нужно.
Менталитет, на вид простой,
А всё ж учился на отлично,
Смешивший городских порой
Для слуха речью непривычной.
А может быть менталитет
Оставить как происхожденье?
Княжна поэзии? Нет-нет!
Я части лучшей отраженье!
Той части женщин на Руси,
Что избы от огня спасали,
Коней взбешенных под уздцы
Схватив, бесстрашно усмиряли.
Горжусь. Некрасовская — я,
От грубой пятки до макушки.
И сила кроется моя
В менталитете самом лучшем!

На душе моей – вечер

Я хочу пойти в церковь и просто поплакать.
Будут слёзы катиться, как воск от свечей.
На душе моей — вечер, промозглая слякоть.
Потеряла я веру в хороших людей.
Две слезы я оставлю у матери Божьей,
Прикасаясь к иконе больной головой.
Я не знала, что в жизни всё будет так сложно.
Дай мне силы не пасть и остаться собой.
Две слезы подарю я Блаженной Матроне.
Если вдруг что со мной, сохрани сыновей.
Пусть предательство с ложью
мальчишек не тронет.
Пусть по-прежнему верят в хороших людей.
Две слезы со свечою — на столик канонный.
Упокой, Боже, тех, кого нету в живых.
Сколько слез на распятье пролью —
не запомню,
Счастье вымолю всё ж для себя и родных!

Прощалось лето с Новокузнецком

Прощалось лето с Новокузнецком
В сандалях пыльных, панаме детской.
Оно в карманы упаковало
Не очень много, но и не мало!
Песочек с пляжа, речную свежесть,
Купальник яркий, загара нежность,
Шашлык на углях, арбуз неместный.
Прощалось лето с Новокузнецком.
Мне было горько, мне жалко стало,
Что лето отпуск упаковало,
Оставив шубу — еду для моли,
Простуду, кашель и хрипы в горле,
Мороз и ветер, снега по пояс.
Садилось лето в ближайший поезд
И обещало Новокузнецку
В году грядущем вернуться, честно!

Н.В. Лучкиной, посвящается

Дайте право на белый стих!

Мой учитель с Кузнецка Нового
И с Ильинки, что нет новей,
На поруки взял непутевого,
Непутевую взял, точней.
Возомнила себя поэтессой,
Даже рифмы стала искать,
Но размерность стиха с интересом
Разминулись у ней опять.
И решила она переделать,
Изменить, подогнать размер.
Стих, что был ослепительно белым,
Стал, как вечер осенний, сер.
Мой учитель с Кузнецка Нового,
Голос твой терпеливо тих.
В этом мире так много черного!
Дайте право на белый стих!

г. Новокузнецк.

Анатолий ГУЛЯЕВ

Анатолий Николаевич Гуляев родился в Прокопьевске (Усятах), там же прошли его детство и юность.

В 1969 году его направили в военное авиационно-техническое училище. Военный авиационный инженер полковник запаса ВВС. Литературным творчеством занимается с курсантской скамьи. Всё началось с писем, в которых были первые рифмы, первые стихи. Богатый армейский опыт прошедший через тексты технического и служебного характера перерос в литературно-художественные произведения.

С 1998 года, на протяжении 3-х лет, работал главным редактором городской газеты «Народовластие» Прокопьевска. С 2007 года редактор и издатель Литературно-художественной газеты Альманах «Усятская россыпь».

Авантюра команды «Ух!..» (или, Автопробег из Новокузнецка в Крым и обратно)

Старший мой брат – Юрий Николаевич Гуляев родился в 1940 году, почти ровно за год до начала Великой Отечественной войны. Моя старшая сестра – Зоя Николаевна Гулишевская (Гуляева) родилась в 1944 году, тоже можно сказать – за год до окончания Великой Отечественной войны. Я родился в 1951 году, если пользоваться той же «меркой» или даже ещё покруче завернуть её, то, можно сказать – в первый год шестого десятилетия двадцатого столетия второго тысячелетия от рождества Христова!

Без каких бы то ни было преувеличений скажу, что самое тяжёлое детство из нас, детей своих родителей, было у старшего брата. На его детство пришлись военные годы (когда он дорос до шести лет) и первое послевоенное десятилетие, когда ему исполнилось 16 лет. Поэтому с самого раннего детства ему уготовано было судьбой стать добытчиком всевозможных даров природы для своей родительской семьи.

С ранней весны и до поздней осени пешком он ходил из Усят со сверстниками за десятки километров в лес, тайгу и прочие дальние места нашего края: за колбой, пучками (борщевик обыкновенный), черёмухой, смородиной, кедровыми шишками и так далее... И это было ему не в тягость. То ли привык он к этому, то ли в его детском организме выработалась какая-то потребность и интерес к бродячей и вынужденно «туристической» жизни, не знаю! По мере взросления, походы его всё сильнее расширялись и удлинялись.

Когда Юрий поступил учиться в Прокопьевский горный техникум, после окончания школьной семилетки, то в студенческие каникулы со своим другом Володей Бычковым (усятским же парнем) они проехали на велосипедах весь Алтай, в том числе и Горный. Вначале добрались до Телецкого озера со стороны Чулышмана; затем – до Ташанты, до границы с Монголией, он доезжал в свои студенческие годы.

В шестидесятые годы прошлого столетия он учился в Ленинградском горном институте, и со своими друзьями, такими же студентами, как и он, прокатился на велосипеде из Ленинграда по всем горным кавказским перевалам...

Позднее, будучи уже женатым, Юрий регулярно устраивал семейные походы и на Телецкое озеро, и в Горный Алтай, и в Хакасию, в том числе и со сплавом по горным рекам...

Я впервые сходил с ним в поход за кедровыми шишками (за Прокопьевскую Новостройку), когда мне было лет десять/двенадцать от роду (то есть, где-то в 1962 – 1963 годах).

До сих пор помню тот наш поход! Во-первых, от того, что очень сильно устал. На обратном пути уже кое-как переставлял ноги и постоянно отставал от брата, шагавшего впереди меня, как лось лесной по тайге. Во-вторых, страшно мне было ночевать в глухой тайге у небольшого костерка, когда за каждым кустиком мерещились медведи, желавшие скушать меня. А мой брат сладко спал возле того же костерка негромко похрапывая...

Позднее, когда и я был уже женат и служил в армии, как-то летом, приехав одновременно в отпуск на свою малую родину, решили мы с братом сходить в поход со своими семействами (точнее – съездить) в Алтай, в место слияния реки Чумыш с Обью...

До Барнаула доехали на поезде. Далее – до острова Кукуй, на речном пароходе...

Этот поход оставил во мне и те первые впечатления, но были и другие! Интересным зрелищем были наблюдения за тем, как сливаются в одно русло две огромные массы воды. Водные воронки были такие огромные и мощные, что огромные деревья, плывшие как по одной, так и по другой реке, затягивало в них, как маленькие щепки, закручивало, ставило вертикально, затягивало в воронку и вновь выбрасывало на поверхность воды где-нибудь метров за двести... триста вниз по течению реки Обь.

Однако там было так много комаров... что, пожалуй, лишь это сильнее всего и осталось с годами в памяти.

Став пенсионерами, мы со старшим братом дважды ездили на моём стареньком «жигулёнке» по местам былых его велопробегов. Первый раз побывали на Телецком озере. Второй раз – проехали по Чуйскому тракту, преодолев Сёминский перевал, мимо населенного пункта Шебалино; поехали дальше мимо Онгудая, Кош-Агача, до Ташанты и до границы с Монголией...

Запомнилось, что выше посёлка Кош-Агач только выгоревшая под солнцем голая высокогорная монгольская степь, Да стаи коршунов по обочинам дороги, и больше любоваться было нечем. А в основном в Горном Алтае места очень красивые, правда – холодные, отчего окружаемой красотой можно любоваться только визуально.

В мае 2019 года решили мы с братом значительно расширить своё туристическое пространство, решили прокатиться на моей новой машине «Нива-Шевроле» в Крым. Где я прожил более двадцати лет во время моей военной службы. А, главное, очень уж нам захотелось проехать на машине по Крымскому мосту. Хотелось засвидетельствовать своим проездом по Крымскому мосту, что и мы там были...

Я после первой ночевки. Ещё в Сибири.

Подвязалась к нам и наша сестра, Зоя Николаевна, проживающая в Белово.

И вот 31 мая 2019 года, в 10 часов 40 минут по местному времени мы выехали из Новокузнецка в сторону Белова. Выехали из Новокузнецка поздновато, в пути решили дальше Белова в этот день не ездить, и первую ночь своего похода переночевать там.

Стартуя из Новокузнецка, я записал в свой «бортовой журнал» (в свою записную книжечку) показания спидометра нашего автомобиля, который показывал 19175 километров.

Изначально было решено, что управлять машиной всю дорогу буду только я, поэтому ежедневное время езды на машине решили ограничивать только моим физическим состоянием: сколько я смогу проехать за день, по стольку и будем ехать.

На момент нашей поездки старшему брату «натикало на часах» 79 лет от роду, сестре – 75 лет, а мне – самому младшему из них – 68. Оттого у меня ещё до начала нашей поездки сорвалось с языка название нашей автотуристической группы – «Команда – Ух!..» А всё задуманное и проводимое ею дело, уже позднее, назвал я про себя – авантюрой!

...Из Белова выехали мы на следующий день – 1-го июня, в восемь часов утра, втроём.

Бензина в бензобаке было маловато, то на первой же беловской бензозаправке заправились бензином – под пробку, как бывало делал я, когда летал бортовым

техником на военно-транспортных самолётах, когда летали на дальние перелёты (по тех описанию машины «Нива–Шевроле»: общая ёмкость бензобака 58 литров).

Проехав без проблем через Ленинск-Кузнецкий, по дорожным указателям взяли курс на Новосибирск.

Сразу надо сказать, что авто навигатор у нас был, но пользоваться им ни я, ни брат не умли. Поэтому решили ехать по старинке – по карте дорожного атласа.

До Новосибирска доехали без проблем, но проехать так же через город, у нас не получилось – заблудились и долго плутали по нему, поскольку никаких дорожных указателей, указывающих направление движения в сторону Толмачёво и Омска, в Новосибирске нет. Останавливались, спрашивали у горожан, как выехать нам из города в сторону Толмачёво, и вновь плутали... Потом, один знающий мужчина подсказал нам, что нужно выехать на «Московскую трассу» и двигаться по ней.

Такой дорожный указатель при въезде в город я видел, поэтому, развернувшись в обратную сторону, поехали обратно... Выехали на «Московскую трассу» и только тогда поехали в нужном направлении. Проехав город Обь (Толмачёво), доехали до Чулыма, отмахав от Белова 393 километра (19689 км. по спидометру). Решили остановиться на автостоянке недалеко от бензозаправки: заправили 41 литр бензина в бензобак, перекусили и поехали дальше. Проехали Барабинск, Карачи, Чаны.

...Из прежнего опыта, мы планировали ночевать в палатке, которую везли с собой вместе со всеми необходимыми дорожно-палаточными спальными принадлежностями... Пищу готовить планировали на газовом таганке, который так же везли с собой вместе со съестными полуфабрикатами.

Но вдоль автотрассы сейчас почти везде есть придорожные кафешки и «ночлежки», мы, увидев их на пути своего следования, решили, что кушать и ночевать будем в них. Остановились мы между Чанами и Татарском на ночлег на автостоянке «Земляная заимка». Хорошо поужинали (приблизительно, по 700 рублей на каждого) и устроились на ночлег (приблизительно по 1000 рублей с каждого).

Готов ехать дальше.

В первый день пути мы проехали 741 километр – израсходовав 85 литров бензина от Белово (в бензобак заправили 44 литра).

На следующее утро – 2-го июня мы, не спеша, поднялись с кроватей, позавтракали в местном кафе и отправились дальше.

Омск планировали объехать по объездной дороге, но, вновь не получилось – въехали в город. Не в пример Новосибирска, через Омск проехали без проблем, так как в городе везде дорожные указатели вдоль трассы указывают маршруты движения в любом направлении. Проехав через Омск (по совету бывавших в этих местах наших знакомых), повернули в сторону Тюмени.

На автостоянке в районе Тюкалинска, проехав 406 километров от места предыдущей стоянки, остановились: покушали, заправили 45 литров бензина и поехали дальше в сторону Тюмени.

Приблизительно на полпути от Омска до Тюмени – в Ишиме свернули с основной федеральной трассы на второстепенную (значительно худшую по качеству, но вполне приличную по сибирским

Сестра у «колодца».

меркам) в сторону Кургана.

Не доехав немного до Кургана, в его пригороде, проехав за день 959 километров (спидометр показывал 20996 км.), остановились на ночлег в придорожной гостинице «Петрович», где и поужинали. Стоимость ночёвки в этой гостинице была меньше, чем в прежнюю ночь, приблизительно по 600 рублей с человека, стоимость обеда была почти такой же, приблизительно по 600 рублей, с каждого.

3-го июня – так же не торопясь, поднялись, покушали, заправили машину бензином и поехали в сторону Челябинска.

Челябинск миновали по объездной дороге. Дома ещё я был предупреждён, что город этот большой и сложный (в дорожном плане), поэтому лучше в него не въезжать! Миновав Челябинск поехали в сторону Уфы.

Забегая вперёд, хочется сказать, что Уральская автодорога от Челябинска до Уфы, показалась мне самым сложным участком на нашем маршруте.

Сама по себе эта автотрасса очень сложная: частые повороты, перевалы, серпантины осложнялись ещё и тем, что дорога здесь узкая. Оттого трасса сильно загружена: на каждом подъёме и перевале выстраиваются длинные медленно движущиеся автомобильные очереди многометровых фур и остального автотранспорта, вынужденного так же медленно двигаться вместе со всеми.

Кроме этого, на этом участке пути настигла нас непогода: почти всю дорогу шёл дождь. К слову: сильный дождь накрывал нас, когда мы повернули от Ишима в сторону Кургана.

На ночлег остановились в районе населённого пункта «Аша», немного не доехав до Уфы. Спидометр показывал 21650 километров.

От места прежней ночёвки проехали мы за этот день своего путешествия всего лишь 654 километра.

После третьей ночёвки (от Белова) 4-го июня мы вначале отправились в сторону столицы Башкортостана, в Уфу. Миновали его по объездной дороге, продолжив движение в направлении города Самара.

На этом участке пути у нас создалась аварийная обстановка, теперь уже по остатку топлива. Ранее попадавшиеся по пути автозаправки я проехал без остановки, поскольку бензина в баке нашей машины было ещё много (более 1/3 бака, по объёму). Но когда стрелка остатка топлива начала подходить к последнему делению, мы въехали в Самарскую область, где две или три бензозаправки, попавшиеся на дороге, оказались закрытыми.

На топливомере включилась сигнализация аварийного остатка топлива. Включив внешнюю мигающую аварийную световую сигнализацию, я сбавил скорость движения автомобиля до 80-ти километров в час (самый экономичный режим работы двигателя моей машины). Поехал по дороге, еле плетясь, думая: «Сколько проедем так, столько и проедем! Там видно будет, что делать дальше».

Таким образом, до очередной автозаправки населённого пункта «Исаклы» мы дотянули. Проехали от места прежней заправки 654 километра. В топливный бак машины заправил 59,71 литра (по тех описанию машины, как было сказано выше, ёмкость топливного бака 58 литров), то есть, топливный бак – машины должен был быть давно уже пустым, выручила «заначечка» от заправки бензина под пробку.

Когда собирался я в это путешествие,

Пьем чай на свежем воздухе. Мы ещё в Сибири.

мой хороший знакомый сказал мне, что канистру с бензином теперь возить не нужно, поскольку автозаправки есть везде. И вот случилось такое, что даже 10-ти литровая канистрочка с бензином мне очень даже могла бы пригодиться, а её, как назло, у меня не было.

Заправил машину топливом, отъехал немного от автозаправки и остановился. Постоял с полчасика, чтобы отдышаться и успокоиться.

Двинулись дальше и, не доезжая до Самары, повернули на Тольятти, где переехали Волгу. Уже в пригороде Сызрани остановились на ночлег в гостинице «Причал», проехав за день 784 километра.

5-го июня, мы отправились в сторону Сызрани, по направлению к Саратову.

Сызрань небольшой старинный городок. Нам показалось, что там и плутать то не где. Тем не менее, мы, не то, чтобы вновь блуданули, а по незнанию местных дорожных тонкостей, поехали не по той дороге. Поехали мы по дорожным указателям, которые повели нас в Саратов не по правому (сызранскому) берегу Волги, а по левому.

Свою ошибку мы поняли, когда вновь начали въезжать на плотину, но было уже поздно. Поэтому вновь переехали Волгу и покатили в сторону Саратова по левому берегу реки, по старой дороге.

В Балаково заправили 54 литра бензина в топливный бак, перекусили, отдохнули. И отправились дальше, в направлении города Энгельс. Не доезжая до него, вновь переехали на правый берег Волги, и минуя Саратов, по объездной дороге двинулись, теперь уже по правому берегу Волги и по хорошей новой дороге, в сторону Волгограда.

По дороге заправили 50 литров бензина и проехав по окраинам Волгограда, повернули в направлении города Ростов на Дону.

Ехали здесь по платной трёхполосной автомагистралью Волгоград – Ростов. Стоимость проезда по ней для легковых автомобилей – 60 рублей, для грузовых в два раза больше. Пятый день путешествия подходил к концу, 764 километра этого дня были позади. А всего от Новокузнецка наш путь составил на этот день – 4023 километра. До Ростова оставалось немного...

До выезда на ростовскую дорогу нам редко где встречались посты и инспектора ГАИ. Тут же, этих ребят было много. И они почти сразу меня остановили. Красивые ребята, в казачьих кубаночках...

Оказалось, что я совершил сразу два нарушения правил дорожного движения: превысил ограниченную скорость движения по трасе при обгоне едущей впереди меня фуры и пересёк сплошную дорожную линию.

Нарушения мои, со слов остановивших меня инспекторов ГАИ, тянули на лишение меня прав управления автомобилем, на какой-то срок...

Я взмолился и говорю им: «Мужики, я из Кузбасса еду. Хочу проехать по Крымскому мосту. Мне 68 лет, а в машине везу восьмидесятилетнего старшего брата, и старшую сестру, которая чуть помоложе брата. Они тоже хотят по Крымскому мосту проехать на машине!

Один из инспекторов не поленился, сходил и посмотрел, кто едет в моей машине. Вернувшись, утвердительно кивнул головой товарищам...

– Ну, и желаньице у вас? – с удивлением ответил мне инспектор, держа руках мои права. – И за каким хреном захотелось вам из-за такой ерунды в такую даль переться? К тому же ещё и дороги не знаете. Да ещё в такое время! Мне на своей машине дальше своего района страшно выезжать! А они... и в такую даль!.. Ну, ладно, плати штраф 1000 рублей и поезжай дальше. Да поосторожнее, – сказал он как бы в назидание.

– Согласен, дальше буду ехать осторожнее! – ответил я и, заплатив штраф, двинулся дальше.

Но, буквально через несколько километров, меня вновь остановили, как выяснилось по тем же нарушениям... и с теми же помыслами...

В Горячем ключе. Фото на память перед отъездом с родственниками.

В Горячем ключе. Сестра с сыном и его женой.

Сестра в Горячем ключе.

Я вновь взмолился и сообщил уже и этим инспекторам цель и путь своей поездки и то, что меня только что останавливали за эти нарушения, и я заплатил штраф...

– Сколько, заплатил? – спросил инспектор.

– Тысячу рублей, – ответил я.

– Ну, ладно поезжай, – сказал и этот инспектор.

– Меня теперь до самого Крымского моста останавливать будут? – осмелев, уточнил я.

– Не будут! Поезжай! – недовольно ответил мне этот ростовский страж порядка на автомобильных дорогах.

И действительно, больше никто и нигде меня не останавливал, в том числе и на обратном пути.

Переночевали в районе населённого пункта «Пролетарка». Приблизительно просчитали оставшийся путь до города Горячий Ключ Краснодарского края. Куда мы планировали заехать на пару дней к двоюродной сестре по отцу, Завориной Валентине Ивановне и её сыну Анатолию Резовичу. Решили, что к концу следующего дня мы вполне можем туда добраться, если всё будет идти без сбоев, и не случится каких-то непредвиденных обстоятельств.

6-го июня мы продолжили наше путешествие. Миновали Ростов по окружной дороге и повернули в сторону Краснодара. Не доезжая до Краснодара, повернули теперь уже на Новороссийскую трассу, куда нам и требовалось.

В Адыгее заправили 50 литров бензина в топливный бак своей прожорливой машины, покушали и поехали дальше. К родственникам, в Горячий Ключ, приехали около 20-ти часов по их местному времени. Спидометр показывал 23996 километров, что означало, что от Новокузнецка мы отъехали на 4821 километр.

Характерной чертой или особенностью краснодарского Горячего Ключа, точнее его пригорода, где живут наши родственники, является то, что расположен он с северной стороны кавказского предгорья (то есть со стороны города Краснодара). Горы хорошо видны, причём кажется, что они находятся очень близко. Со двора дома нашей сестры хорошо видны пять сопок, про которые сложены легенды.

Анатолий Резович рассказывал эти легенды, но я их не запомнил, вероятно слушал своего рассказчика не внимательно. Второй горячеключевской особенностью является то, что вся его округа утопает в обильной зелени. В основном в многочисленные большие деревья (вероятно, дубы, ясени, грецкий орех), которые растут сплошняком не только вдоль автомобильной трассы, но и рядом с жилищами людей.

Не буду причислять к особенностям этой местности обилие вкусной и целебной минеральной горячеключевской воды, местных овощей и фруктов, поскольку для Краснодарского края это повсеместно характерно.

Мы были в начале июня, фактически в начале лета, когда местные фрукты ещё не поспели, но про обилие помидор, которыми угощали нас хозяева, я говорю уверенно. Причём настолько вкусны там помидоры, что наши сибирские, после тех, полнейшая безвкусица.

К проблемным вопросам, этого благоухающего на первый взгляд места, является отсутствие постоянной работы для людей, живущих там. В частности, при наличие жилой площади у Анатолия Резовича, дети его уехали в город, поскольку в родном краю найти приемлемую для себя работу не смогли. Сосед моих родственников в хорошем двухэтажном коттедже живёт один. Дети и внуки приезжают к нему только во время отпусков и школьных каникул. И так у многих...

Побыв в Горячем ключе следующий день, уже 8-го июня, поутру, часиков в десять, поехали мы дальше в знаменитую Лермонтовскую Тамань, где у нас также, живут две двоюродных сестры и брат, теперь уже по линии нашей мамы: Брагины: Валентина, Валерий и Татьяна – Макаровичи...

В Тамань решили ехать южным маршрутом. То есть, выехав из Горячего Ключа на Новороссийскую трассу, повернули

вправо, на юг, в сторону побережья Чёрного моря, населённого пункта Джубга. Доехав до которого, вновь повернули вправо, теперь уже в сторону Новороссийска. Поехали по автотрассе вдоль черноморского побережья, которая в своём большинстве идёт не по морскому побережью, а севернее – между гор. Миновали Геленджик, Новороссийск, Анапу, кружным путем поехали в сторону Тамани. В Тамань приехали к вечеру.

О Тамани говорить можно долго: главной и старой её достопримечательностью является Лермонтовское описание города в его одноимённом произведении. Главная достопримечательность и культурная составляющая сегодняшней Тамани – Лермонтовские места. В центре памятник Лермонтову М.Ю., возле которого обязательно фотографируются все приезжающие в Тамань. Не меньше интереса представляют и музейные хижины бывшей Тамани, в одной из которых временно проживал когда-то молодой военный М.Ю. Лермонтов, по пути следования в свою воинскую часть.

Основной производственной базой Тамани является рыболовецкое предприятие, что-то вроде рыболовецкого колхоза, или артели. У предприятия на побережье Таманского залива имеются свои причалы, к которым пришвартованы несколько небольших рыболовецких корабликов.

В Тамани с сестрой Валентиной и братом Валерием Брагиными.

У памятника М.Ю. Лермонтову.

Три брата во дворе дома.

С братом в музее М.Ю. Лермонтова.

На берегу Таманского залива.

Когда мы были в Тамани, погода стояла жаркая. Вода в Таманском заливе была тёплая. Местный пляж расположен в непосредственной близости от музея Лермонтова. Мы с братом не удержались и искупались, позагорали на таманском солнышке.

Вода в Таманском заливе солёная, но, как мне показалось, менее солёная, чем в Феодосийском заливе крымского Чёрного моря. Пляж в Тамани небольшой, соответствует величине самого городка. Растительность и фауна несравнимо скромнее, чем в Горячем Ключе, но приблизительно такая же, как и в Приморском (пригороде крымского города Феодосия).

Современной достопримечательностью Тамани является то, что именно отсюда начинается подъездная дорога к Крымскому мосту, который виден с пляжа визуально. В Тамани пробыли мы также, как и в Горячем Ключе, один день. И как положено, сходили сфотографировались около памятника Лермонтову, посетили его музей. Часов в одиннадцать следующего дня мы выехали в сторону долгожданного Крымского моста.

Чем ближе к мосту подъезжаешь, тем значительнее и величественнее он становится. Прежде всего, из-за своих размеров. Сооружение большое и впечатляющее: арки, пролёты, расчалки, толстенные троса, идеальные двух (или трёхрядные) полосы автомобильного движения, в оба направления, массивные и высокие ограничители безопасности с обеих сторон автодороги и многочисленные видеокамеры по всей длине моста, официально объявленными девятнадцатью километрами.

По счётчику спидометра моей машины километраж протяженности моста получился несколько больших размеров, вероятно от того, что я неправильно определил для себя его начало и окончание.

При движении по мосту особых любований высотой, стелящимся под тобой морем и прочими природными красотами не получается, поскольку высокие ограничители безопасности при движении сливаются в общую высокую стену. Оттого создается ощущение у едущих в автомобиле: словно едешь на машине по дну единого, большого, корыта или «полу тоннеля». Поскольку небо над собой видишь, а моря под собой не видишь.

Железнодорожный мост, во время нашего проезда по мосту ещё только строился, тем не менее виден был хорошо. Поскольку строился он в непосредственной близости от автомобильного моста (с южной стороны), но, на значительно большей высоте. Оттого, хорошо и видимый нами.

Никаких остановочных, смотровых и прочих обзорных площадок на мосту не предусмотрено, видимо из соображений мер безопасности и прочего... в этом плане.

Перед въездом и выездом с моста выставлены и оборудованы спецплощадки постов ГАИ, полиции и, видимо, пограничников, во всяком случае так запомнилось мне.

Когда мы ехали в Крым, присутствовавшие на постах служивые люди внимательно осмотрели нас при медленно движущемся перед ними большом автомобильном потоке. Пропустили на мост и в Крым без остановок. На крымском берегу нас тоже не останавливали.

В Феодосию, точнее, в Приморский приехали в районе 13 часов. То есть, часа через два после выезда из Тамани. Спидометр показал 24439 километров, следовательно, от Новокузнецка уехали мы на 5264 километра.

Крымский мост.

Фото взято из открытых источников.

Приморское.

В Феодосии ночевали пять ночей. На большее уломать моих компаньонов не получилось. В Крыму в прошлом году, было очень жарко. От жары мои старики изнывали. Их не устраивали ни купание в море, ни отдых на морском берегу, ни вечерние прогулки по Приморской набережной, ни пребывание в гостинице. Хотя гостиница по своему уровню была не плохая. Позднее я понял, что моим компаньонам, в основном, конечно, старшему брату интересен был не отдых на море, а сам процесс поездки. Увидеть своими глазами и ощутить знаменитое Сооружение XXI века – вот цель. А простой отдых брата угнетал, это ему было не интересно, в Питере у него и не такое есть! В дороге же он во все глаза, очень внимательно рассматривает всё, что проплывает мимо и со знанием дела комментирует. Рассказывает о составе земли, по которой мы едем: где почва глинистая, где песчаная, где карбонатная... Оттого и как растёт на этой почве растительность, где преобладают сосны и ели, а где берёзово-кленово-осиновые леса, как взаимодействуют и уживаются между собой лиственные породы деревьев и пихтовые. Где какой ландшафт, водораздел и так далее.

А уж когда ехали мы по территории Ростовской области, и мой старшой увидел шахтовые копры, тут началась его «соловьиная песня». О шахтах, геологии, горных породах, методах и особенностях добычи угля в разных регионах нашей необъятной страны, он может рассказывать бесконечно. При этом постоянно пальцем указывает то в одну, то в другую сторону.

– Если бы я постоянно смотрел туда, куда показывает твой палец, то мы давно уже лежали где-нибудь в кювете вверх колёсами, – сказал я ему.

– А ты не смотри. Ты на дорогу смотреть должен. Я это для сестры рассказываю и показываю, – невозмутимо ответил он.

Посмотрев в зеркало заднего вида, я увидел, что сестра спит, утомлённая дорогой, положив голову на подушку поверх пока ещё не использованных наших спальных принадлежностей.

– Как начал учить её со дня рождения, так до сих пор и учишь! – съязвил я.

– А как же, – многозначительно ответил брат, добавив для подтверждения правильности своих действий, – учиться можно и нужно в любом возрасте!

Думаю, предложи я ему поехать сразу из Крыма на Байкал, или во Владивосток – наверное, он согласился бы на это. А лежать на пляже в Феодосии, греясь на крымском солнышке, тем более лежать в гостинице, брату было не интересно и утомительно. Соответственно, это не устраивало и постоянно «обучаемую» им сестру.

Из Приморского выехали мы в субботу 15 июня в 10 часов по местному времени (то есть по Московскому времени), с показаниями спидометра 24536 километров. Перед въездом на Крымский мост со стороны Крыма нас вновь не останавливали.

А при выезде с моста на Таманской стороне остановили: спросили кто такие, куда путь держим, не везём ли чего запрещённого. Видеокамерой осмотрели днище машины, после чего разрешили дальнейшее движение.

Обратно мы решили ехать новым маршрутом: вначале до Темрюка, затем в сторону Краснодара. Но, не доезжая до Темрюка, на одной из полукольцевых развязок, из-за плохой разметки направлений движения на самой этой развязке, свернули не туда куда следовало.

Первым высказал предположение, что мы поехали не туда куда надо, брат.

– Почему? – уточнил я.

– А солнце не оттуда светит! – многозначительно пояснил он.

– Ладно, доедем до первого дорожного указателя, а там видно будет! – сообщил своё решение я, как водила. Но, до первого дорожного указателя мы проехали ещё немало километров. Когда подъехали к указателю, поняли, что, вместо Краснодара едем в Ейск!

Остановились, посмотрели по карте, и решили назад не возвращаться, а ехать сразу на Ростов. Что, в общем-то, было ещё лучше для нас. Единственное, что беспокоило меня так это то, что придётся ехать не по центральной трассе, а петлять по полевым и второстепенным дорогам.

Ехали мы параллельно побережью Азовского моря, вдыхая в себя запах морской воды, перемешанный с запахом старого перепрелого камыша. Дороги, по которым мы ехали, оказались не такими уж и плохими. По обеим сторонам росли высоченные деревья, почти как в Горячем Ключе, оттого изнуряющей жары теперь не чувствовалось. А главное, в субботний день на этих дорогах почти не было автотранспорта.

В Славянске-на-Кубани остановились, перекусили, заправили 45 литров бензина и двинулись дальше.

Проехали через станицу Бриньковскую, родину знаменитого лётчика-испытателя Героя Советского Союза Бахчиванджи Григория Яковлевича. В станице имеется свой авиационный музей под открытым небом. К удивлению, увидел там бывший свой самолёт Ил-14, его когда-то бывшая моя воинская часть, по указанию сверху, передала в музей станицы. Но остановиться около этого авиационного музея не получилось, о чём теперь жалею.

Миновали Тимашевск, станицы Каневскую, Новоминскую, Староминскую и Кущевскую, после которой выехали на основную (потерянную нами) центральную Московскую трассу.

Погода была жаркой, в дороге дважды останавливались на отдых и перекус, поскольку перед выездом из Феодосии не позавтракали. По объездной дороге миновали Ростов и перед сворotком с Московской трассы в сторону Волгограда, в районе станицы Синявской, остановились на ночлег, проехав за первый день обратного пути 742 километра. На следующий день, 16 июня поехали по платной дороге Волго-Донского перешейка, к Цимлянскому водохранилищу.

В Цимлянске остановились на обед и дозаправку. К этому времени небо над нами нахмурилось, а при подъезде к Волгограду начался сильный ливень, с грозой и ветром. Значительно сбавив скорость, мы продолжили движение, при самой большой скорости работы щёток стеклоочистителей. Однако, медленно движущиеся впереди машины плохо просматривались.

При сильном дожде мы въехали в пригород Волгограда. Медленно двигались по дорожным указателям в колонне еле ползущего по улицам города автотранспорта.

Помня прежние ошибки, двигаясь к повороту на Саратов, внимательно следили за указателями не на Саратов, а на промежуточный пункт – город Камышин.

Миновав Камышин, значительно не доехав до Саратова, остановились на ночлег. Преодолели за второй день обратного пути всего лишь 482 километра (с учётом ливня, который нам сильно помешал и, как потом выяснилось, наделал много аварий в Волгограде). 17-го июня отправились мы после ночевки вдоль правого берега Волги в сторону Саратова. Обошли Саратов по объездной дороге, помня свою прежнюю ошибку, свернули на промежуточный пункт, на город Вольск. Дальше были – Сызрань, Тольятти, Самара.

803 километра прошли мы в этот день. На ночёвку остановились в Самарской области.

18-го июня все шло как обычно: позавтракали, топливо заправлять в бак не стали (поскольку остаток топлива был ещё большой – более половины бака) и отправились в сторону Уфы. Оттуда двинулись на Челябинск, сделав остановку для того, чтобы пообедать и заправить машину.

На этот раз миновать Челябинск по объездной дороге не удалось: проехали где-то нужный поворот и «заскочили» в город. После этого очень внимательно начали следить всей командой за дорожными указателями, показывающими путь следования по Челябинску в сторону города Курган.

В итоге, через устрашавший нас Челябинск вновь проехали и в этот раз без остановок и проблем, правильно повернули и выехали на Курганскую трассу.

На ближайшей автозаправке, после выезда из Челябинска, передохнули: покушали, заправили в бензобак 55 литров бензина и двинулись дальше. Миновали Курган, Ишим, к вечеру достигли пригорода Омска.

Надо было искать гостиницу для ночевки Первая гостиница (4-х или 5-ти этажная) оказалась переполненной и для нас подходящего номера не нашлось. Поехали дальше. На ночлег устроились уже поздно ночью, потому как долго ещё ехали до очередной гостиницы. Наконец, получили номер, хоть и на цокольном этаже, но вполне приличный. Измотанные передрягами перекусили в местном кафе и легли спать.

Утром следующего дня, как ни странно, компаньоны мои поднялись рано, с намерением к концу дня доехать до Белова. Я засомневался... Тем не менее: поднялись, собрались, покушали, заправили 57,8 литра бензина в топливный бак машины (вновь на грани «фола») и, покатили в сторону Барабинска и Новосибирска. ...В пригород Новосибирска въехали, когда уже начало темнеть. На этот раз мы вырулили на новую объездную дорогу: Новосибирск – Томск – Кемерово.

Не заезжая в Новосибирск, без проблем проскочили по мосту через Обь. После этого я сообщил своим компаньонам, что дальше не поедем, скоро будет темно, нужно устраиваться на ночлег.

Но, как оказалось, с ночлежками на трассе в районе Новосибирска (и далее в нашу сторону) не так просто, как прежде. Кафешки есть, а ночлежек нет. Так мы и ехали в ночи: во все глаза осматривали обочины дороги и подъезжали ко всем зданиям, что напоминали нам требуемое. Добрались до станции Болотная Новосибирской области. Это уже недалеко от кузбасского города Юрга. Нам сказали, что гостиница в Болотном есть!

Заехав в Болотное, несколько часов искали в небольшом спящем городке эту

Придорожный быт.

гостиницу. Пока один добрый человек не сжалился над нами и, следуя на своей машине, «довёл» нас до этой небольшой гостиницы, мимо которой мы несколько раз проезжали.

Несмотря на то, что гостиницу всё же мы нашли, попасть в неё нам долго не удавалось. Время было позднее, и вход в гостиницу был закрыт.

Кое-как дозвонились до администратора дежурившего в гостинице , спавшую в дежурке из-за отсутствия в гостинице жильцов.

Там и переночевали. Утром, решив, что бензина до Белова нам хватит (в крайнем случае, по дороге заправимся), – покушав в придорожной кафешке, двинулись в дальнейший и окончательный путь. Обогнув Юргу, поехали по новой трассе в сторону Кемерова. В дороге стало понятно, что бензина до Белова нам, вероятно, не хватит. Начал высматривать бензозаправку. Но её всё не было и не было...

По этой причине сворачивать с дороги в сторону города Ленинск-Кузнецкого не стал, поехал в Кемерово до первой заправки. Доехав, заправил в бак 54 литра бензина (как всегда, под пробку, следовательно, топлива литров пять в баке ещё оставалось, и до Ленинск-Кузнецкого бензина, нам, возможно, и хватило бы).

Перекусили немного на стоянке пригородной кемеровской автозаправки и, развернувшись в обратную сторону, поехали в сторону поворота на Ленинск-Кузнецкий. Доехал до поворота, свернул в свою сторону и только тогда вздохнул с облегчением: можно было сказать, что домой вернулись мы благополучно.

В Белово, к дому, от которого началось наше совместное путешествие, мы подъехали часиков в пятнадцать. Алёша, внук сестры нас уже встречал. Он регулярно звонил своей бабушке по телефону, потому был в курсе наших приключений. Выгрузили из машины сестру и ее вещи. Зашли в квартиру сестры, попили чаю, немного отдохнули и отправились, к конечной точке нашего пути – в город Новокузнецк.

По прибытию в Новокузнецк спидометр показывал 29697 километров пробега машины. Следовательно, обратная дорога получилась равной 5164 километрам, приблизительно на 100 километров короче дороги в Крым.

Дорога туда и обратно составила 10425 километров. За этот пробег бензина было заправлено в бензобак машины 1087 литров, стоимость которого составила, приблизительно 49333 рублей; приблизительно 31200 рублей мы уплатили за всё время нашего проживания в гостиницах; приблизительно 36000 рублей ушло у нас на питание за время нашего путешествия.

Таким образом, общая сумма израсходованных денег составила 116533 рубля, приблизительно по 38837 рублей на каждого. Много это или мало, каждый судит по-своему. Конечно, слетать в Симферополь туда и обратно на самолёте, этих денег хватило бы. Может быть хватило бы и на скромненькое проживание там.

Но, всех положительных и отрицательных эмоций, которые пришлось нам пережить в этом путешествии, в самолёте или поезде не узнаешь. Кроме того, насколько опасно было наше путешествие полноценно понял я совсем недавно – седьмого февраля 2020 года, когда выезжая из двора своего дома, попал в ДТП: выезжая на главную дорогу столкнулся с едущей по этой дороге другой автомашиной. Как получилось так, что я не заметил этой помехи, я понять до сих пор не могу. А три года тому назад, когда я «стоял» перед выездом на главную дорогу, пропуская движущуюся по главной дороге машину, в меня въехала третья машина. Водитель которой «не увидел» меня, стоявшего на перекрёстке...

Прямо чертовщина какая-то!

Поэтому, переваривая и осознавая случившееся со мной теперь, мне страшно подумать: чтобы я стал делать, если бы такое случилось со мной, когда я находился на удалении 3-х или 4-х тысяч километров от своего дома, имея на руках своих стариков?

Поэтому – прокатились мы хорошо; но главное хорошо, это то хорошо, что хорошо и удачно закончилось наше путешествие. Тем не менее, наверное, никогда больше я не решусь уже на подобный шаг.

Фото автора.

г. Новокузнецк.

«На второй заход топлива бы не хватало...»

Бычков Владимир Михайлович родился 2 августа 1949 года в Усятах.

В 1956 году пошёл учиться в 1-й класс усятской начальной школы № 43.

В 1959 году в составе семьи своих родителей переехал на жительство в город Киселёвск, где родителям выделили государственную трех комнатную квартиру со всеми удобствами.

В 1966 году, после окончания средней школы города Киселёвска, по собственному желанию Бычков Владимир Михайлович был направлен Киселёвским горвоенкоматом для поступления на учёбу в Оренбургское высшее военное авиационное училище лётчиков.

Приехав в Оренбург, узнав, что училище готовит лётчиков для тяжёлой и бомбардировочной авиации, он отказался от поступления на учёбу, поскольку мечтал стать лётчиком-истребителем. Забрав документы в приёмной комиссии, вернулся в Киселёвск, где получил встрёпку в горвоенкомате, направившим его в Оренбург. Ему пообещали, что больше никогда в жизни он не получит направления на учёбу в военное училище.

Неусомнившись в истинности сказанных слов и обещаний в Киселёвском горвоенкомате, Владимир Михайлович выписался из родительской квартиры, собрал все свои документы и уехал в Ульяновск к деду Захару, отцу своей матери.

Прописавшись в Ульяновске, устроился работать на местный деревообрабатывающий комбинат, где и проработал свой первый трудовой год.

В июле 1967 года вновь был направлен Ульяновским горвоенкоматом для поступления на учёбу в Армавирское высшее военное авиационное училище лётчиков истребительной авиации Противовоздушной обороны Советского Союза. Владимир Михайлович поступил учиться в высшее военное лётное училище и успешно окончил его в октябре 1971 года, в воинском звании лейтенант.

По окончанию учёбы в высшем военном лётном училище, Владимир Михайлович для продолжения дальнейшей военной службы был направлен в Туркестанский военный округ, в отдельную Воздушную Армию авиации ПВО Советского Союза, штаб которой находился в столице Узбекистана – городе Ташкенте. В нескольких лётных воинских частях Воздушной Армии прошёл служебный путь в качестве лётчика и старшего лётчика до заместителя командира авиаэскадрильи по лётной работе. Летал на самолётах истребителях МиГ-15, МиГ-17, МиГ-19 и МиГ-23.

Судьба, словно в отместку за давнее нежелание Владимира Михайловича учиться на лётчика тяжёлых самолётов, всё же заставила его летать на тяжёлых военно-транспортных самолётах.

Справка:

Бычков Михаил Павлович родился в Усятах в 1928 году, в Красной Армии не служил. Свою трудовую жизнь начал рано, работал на железной дороге путейцем.

Женился в 1948 году на Валентине Захаровне - сельской труженице, приехавшей в Сибирь по распределению после окончания сельскохозяйственного техникума в волжском городе Ульяновске. В 1949 году у Бычковых Михаила Павловича и Валентины Захаровны родился первенец, сын – Бычков Владимир Михайлович; а в 1951 году родился и второй сын – Бычков Виктор Михайлович.

А случилось это так... Дослужившись до военного звания капитана и должности заместителя командира авиаэскадрильи по лётной работе, добился Владимир Михайлович разрешения поступить на учёбу в академию ПВО страны на лётный факультет. Будучи уже зачисленным на учёбу, он приехал в Ташкент для прохождения медицинской комиссии в окружном военном госпитале. Группа молодых военных лётчиков, также зачисленных на учёбу в военную академию, проживала в гостинице. И после медицинской комиссии Владимир Михайлович возвращался в гостиницу пешком. По дороге он увидел, как мужчина (узбек) ударил несколько раз кулаком русскую женщину. Как положено военному человеку, Владимир Михайлович заступился за женщину, и тут же получил удар ножом в грудь. Ранение оказалось серьезным.

Истекающего кровью капитана Бычкова доставили в тот же самый Окружной госпиталь, откуда он возвращался.

Экстренная операция... удаление части лёгкого... длительная реабилитация и естественно, отстранение от летной работы по состоянию здоровья.

Лётчик капитан Бычков Владимир Михайлович несколько лет после получения бытового ножевого ранения не занимался любимым лётным делом. Не говоря уже о том, что учёба в военной академии выражаясь простонародным языком: «пролетела над ним, как фанера над Парижем».

Преступнику же избиение женщины на суде даже и не вспомнили, а за причинение тяжких телесных повреждений военному лётчику, капитану Советской Армии, осудили на пять лет колонии общего режима. Сам Владимир Михайлович на суде не присутствовал. Не до суда было. По слухам же: осуждённый, якобы, подал апелляцию. Поэтому срок преступнику наверняка скостили или же, вообще переосудили на условное отбывание наказания.

Владимир Михайлович после госпиталя выполнял нелётную работу, от полученного ранения, как ему казалось излечился полностью. Но военные врачи «ЦНИАГа» (Центрального научно-исследовательского военного авиационного госпиталя), в котором капитану Бычкову пришлось несколько раз лежать на обследовании, решили иначе. Диагноз прозвучал как приговор: «В мирное время к лётной работе негоден!»

И всё же капитан Бычков (на то он и БЫЧКОВ) добился отмены этого диагноза и приговора. Он получил-таки разрешение летать! Но... только на военно-транспортных самолётах и вертолётах. Так и попал капитан Бычков Владимир Михайлович в военно-транспортную авиацию. Где ему, военному лётчику первого класса, военному лётчику-истребителю вновь пришлось осваивать лётное дело почти с нулевых позиций и доводить его до уровня высококлассного лётчика, командира военно-транспортных самолётов Ан-12 и Ан-26, затем и командира отдельной авиационной военно-транспортной эскадрильи (отдельной воинской части), обеспечивающей выполнение боевых задач частей ПВО страны. В этой должности Бычкову В.М. пришлось послужить в Новосибирске, Норильске, Ставрополе.

С этой должности подполковник Бычков Владимир Михайлович в 1994 году ушёл на пенсию, прослужив в военной авиации ПВО страны немногим менее тридцати лет. Иногда встречаемся мы с ним в компании родственников и общих знакомых. Случается слышать от него воспоминания о прошлой лётной работе и о частых его сновидениях:

Капитан Бычков В.М. в кабине МиГ-19 перед очередным полетом.

«Как-то лечу я на самолёте Ан-26 из Норильска в Тикси, с промежуточной посадкой на острове Среднем. Не раз летал туда, всегда всё было в полном порядке.

А тут не летит мой самолёт по небу, а ползёт... Плетёмся, как пьяные по скользкой дороге. Ветер встречный, как стена, стоит перед нами и не пускает вперёд. Высоту меняли несколько раз. Везде одинаково...

– Ну, всё! – думаю. - Тут мы и ляжем, когда керосин закончится в топливных баках самолёта. И никто нас тут, в бескрайней снежной пустыне, не найдёт! На сотни километров во все стороны ни одной живой души. Я-то, ладно! У меня работа такая. А пассажиры за что жизней своих лишатся? - вспоминая свой давний арктический перелёт, блестя глазами, рассказывает Владимир Михайлович. – И всё же дотянули мы до своего аэродрома, посадку выполнил я сходу! На второй заход топлива бы не хватало...»

Сын и дочь Владимира Михайловича живут со своими семьями в Ставрополе. И он, пока не наскучит, живёт там же. Как наскучит, приезжает на свою малую родину – в кузбасский город Киселёвск, в доставшуюся ему по наследству родительскую квартиру, и накатывает сибирские километры на лыжной трассе, проложенной им недалеко от дома.

Капитан Бычков В.М. (в центре) после выполнения очередного полета.

К нему всегда обращались люди

Федякин Борис Павлович, редко надевает свой парадный костюм с боевыми наградами. Разве что на какое-нибудь торжество. Но в День Победы - нельзя не надеть парадный костюм с наградами, которые он получил в дни великих испытаний Советского народа на фронтах Великой Отечественной войны. Ровно 23 года назад встретил он Победу над врагом в Берлине. А сегодня, в будние дни, он мирный труженик Прокопьевского Мелькомбината.

«Сельская новь» 09.05.1968 г.

Воспоминание Елены Борисовны об отце - Федякине Борисе Павловиче

...Отец родился в Мордовии, оттуда в мае 1942 года он ушёл на фронт. Вначале, он учился в «учебке», потом в звании сержант был отправлен на фронт командиром орудия артиллерийской батареи. Это я поняла по наградным листам. С войны он пришёл в 1946 году. Я не знаю как он был направлен в Прокопьевск. Но когда отец познакомился с мамой, он работал начальником Прокопьевской военной комендатуры.

В Прокопьевск отец приехал первым из своих родственников. Все его сёстры, брат и дядя приехали в Прокопьевск потому, что их всех позвал отец.

После окончания Великой Отечественной войны, отец работал начальником Прокопьевской военной комендатуры. Потом был назначен председателем Усятского сельсовета (фотография, где отец сидит за столом, сделана как раз в то время).

Когда колхоз закрыли, Борис Павлович работал директором столовой, и последнее место на хлебозаводе или мелькомбинате, что-то по военной подготовке.

Сколько помню, к нему всегда обращались люди с какими-то вопросами. Наверное, потому что отец их умел решать.

Когда отец работал председателем Усятского сельсовета, я не раз бывала в его кабинете (по тем меркам он мне казался большим), бывало, спала на его огромном диване. От того времени у меня в памяти остались настольные часы, которые стояли на его столе. А вот когда он вступил в партию, я не знаю, но он был – ярым коммунистом и патриотом своей страны.

Отца точно полгорода знали, очень много людей у нас было в день его похорон, совершенно не знакомых.

Елена Борисовна Регузова (Федякина) – 16.02.2020 года.

Федякин Б.П. в годы службы (второй слева).

Подвиг продолжается...

В пригородном посёлке Усяты, на улице с редким названием Алмазная, живёт человек необычной судьбы Иван Егорович Шабалин. В его трудовой книжке две записи: До 1937 года, около 5-ти лет, работал он лесорубом в Керлегешском, как он тогда назывался, леспромхозе. А после этого на Прокопьевском комбинате хлебопродуктов (в прошлом «Союзмука»).

На Комбинате хлебопродуктовработать он начал ещё до войны, вначале работал грузчиком, после войны и до сего дня - весовщиком сортовой мельницы...

Подавал зерно с элеватора в сортовую мельницу для размола.

В распоряжении Ивана Егоровича были ковшовые десятитонные весы. Согласно приказу лаборатории, он отвешивал зерно определённой влажности, стекловидности, размера, установленного содержания клейковины, в соответствующем пропорциональном соотношении. За сутки, через его весы проходит помольными партиями до 400 тонн зерна.

Таких людей как Иван Егорович немного, не каждый способен на такое постоянство в своих привязанностях и делах.

Пришел Иван Егорович с Великой Отечественной войны инвалидом, можно сказать, с одной рукой, вторая рука у него была, но не рабочая. Иван Егорович не искал более лёгкой работы и судьбы, чем та, которую выбрал ранее. Вот уже 10 лет минуло, как он имеет право на заслуженный отдых, но по-прежнему в строю. Трудится добросовестно, с любовью к своему делу.

Шесть хирургических операций перенёс Иван Егорович уже в послевоенные годы. С редким мужеством и стойкостью он перенёс все жизненные невзгоды. Руководители комбината хлебопродуктов отмечают его ценнейшее качество – надёжность, как человека и как труженика.

Таким Иван Егорович Шабалин был и в предвоенные, и в военные годы, на фронте. Вернувшись после службы в армии в январе 1941 года, в июле он вновь надел на себя солдатское обмундирование. Вначале его отправили на Восток охранять нашу Дальневосточную границу, но в конце 1941 года в составе Сибирской дальневосточной дивизии он сражался уже под Москвой.

На фронте Иван Егорович Шабалин являлся сапёром 1-й инженерно-технической сапёрной бригады, участвовавшей в боях на многих направлениях и фронтах. В службе сапёров мало романтизма, поэтому интересных рассказов о них не рассказывают и песен не поют, но без них не проходила ни одна военная операция: «Нас обычно придавали танковым полкам, - вспоминает Иван Егорович, - на башнях танков сапёры «шли» вперёд. Наше оружие – миноискатели, противотанковые ружья, пулемёты, автоматы и, конечно, топоры и лопаты. Разминировали минные поля, строили переправы. Лёгкая боевая техника могла пройти с пехотой по бездорожью, при форсировании рек - по понтонам. Ну а тяжёлая боевая техника – танки, артиллерия, без помощи сапёров через водную преграду пробраться не могли».

«Ударная-штурмовая» так называли сапёрную бригаду, в которой воевал Иван Егорович. В бой её ввели под Смоленском. Гнали фашистов до Орши и Витебска.

Весной 1944-го года окружили немцев в районе Бобруйска, затем вышли на границу с Польшей.

Здесь, при проводке танков через минные поля, Иван Егорович отличился особо. До этого он был награжден медалью «За боевые заслуги». За разминирование минных полей в Польше его представили к ордену Красная Звезда.

«Сапёры-мастера на все руки, – рассказывал Иван Егорович. – Люди мы были, конечно, военные, но строить переправы – дело, требующее навыков мирного строителя, сноровки, умения. У нас как было? Привозят сапёрам стройматериалы. Каждый занят чем-то своим. Одни сваи забивают, вторые настил делают, третьи скобы забивают... Глядишь – мостик готов!»

Времени в таких случаях, как всегда, было в обрез. Войска рвались вперёд. Под огнём противника, бившего из орудий самого разного калибра, под бомбёжкой – спокойно, без суеты и паники сапёры наводили каждую переправу, не считаясь с потерями».

Последняя переправа, которую довелось сооружать в войну Ивану Егоровичу, была через Вислу. Река полноводная, шириной в несколько сотен метров. Немцы взорвали все мосты через эту реку. А войска наши идут и идут.

За считанные дни сапёры справились со сложной инженерной задачей. Боевая награда: орден «Отечественной войны» 2-й степени – за эту военную операцию и воинский подвиг, «нашла» Ивана Егоровича в 1952 году.

За Вислой его тяжело ранило осколком снаряда в правое плечо. После лечения в военном госпитале города Москвы, его признали негодным к дальнейшей военной службе и отправили в родные места – в Сибирь, в родной Кузбасс.

Почётом и уважением окружён Иван Егорович Шабалин на Прокопьевском комбинате хлебопродуктов. Не обходят вниманием его в великий праздник – День Победы. В этот светлый свой день фронтовик надевает парадный костюм с боевыми и мирными наградами, которые сверкают на груди. Награды расположены на его костюме рядом друг с другом, будто говорят: подвиг продолжается...

Ветров В.

«Сельская новь» 9.05.1981 г.

Александр КРЕМНЁВ

Родился 4 апреля 1941 года. После окончания школы поступил в техникум, продолжил образование в Кемеровском пединституте на заочном отделении, после его окончания Александр Максимович преподавал в школе, в Горном техникуме города Осинники. Затем перешёл на шахту «Алардинская», где работал в лаве, горным мастером на участке вентиляции. В дальнейшем – работа на шахте «Капитальная».

С 1958 года А.М. Кремнёв начал активно участвовать в литературной группе Осинников, являлся членом поэтического клуба «Кедр». Творчество А.М. Кремнёва представлено в двух выпусках сборника «Давайте познакомимся…», изданных Центральной городской библиотекой Осинников.

Его стихи регулярно печатались в осинниковской газете «Время и жизнь». Александр Максимович выступал в теле и радиопередачах. В городской газете «За уголь» его стихотворения публиковались подборками, занимавшими целые газетные полосы. В 2011 году он выпустил сборник стихов «Цветы запоздалые». В 2014 году стал победителем областного конкурса. Принимал участие во многих поэтических и бардовских фестивалях. Писал тексты для песен. В его творчестве нашли отражение верность шахтёрскому братству, удивительный мир природы и красота родной земли.

Цветы таёжные

(Поэма в сокращённом варианте)

Люблю весенние капризы,
Капель, звенящую с карнизов.
Парит в полях пряная прель.
В дворах улыбчивый апрель
Своими шутками с подвохом
Открыл весеннюю эпоху,
Рожденье девицы отметил…

С горы бежит таёжный ветер,
Лицо дыханьем согревает,
За плечи крепко обнимает,
Сквозь ноздри голову пьянит,
В тайгу зеленую манит.

Я весь в его упругих лапах,
Ловлю тайги чудесный запах…
Внутри тревога и волненье –
Нет сил бороться с искушеньем.
Обутые в резину ноги
Спешат по утренней дороге:
Идут, болтая меж собой…
Вдали под серою горой
Реки взъяренной слышен вой.

Вблизи – ужасная картина:
Несутся волны, рты разинув,
Слюной кипящею плюют
И вату белой пены рвут…

Увы, в такое время года
Болеет бешенством природа.
Порою летней наш Калтанчик
Послушен, словно мамин мальчик.
Гуляет в бережках покатых,
Как кот, урчит на перекатах…
Его неспешная вода
Насквозь прозрачна, как слюда.
И детские мои года
Среди камней, среди корней,
Текли когда-то вместе с ней.

Ушли! Обратно нет пути.
Нам в воды детства не войти!
Звень перекатов гимн играет,
Другое детство зазывает…

Но я здесь снова всей душой,
Я снова – парень молодой…
Желанья те же и запросы,
Душе поэта нет износа.
Я снова в мире том, когда
Его зеркальная вода
Верхушки леса отражает,
И облаков в ней дымка тает…
Забыть всё это – нету сил,
Ведь, я налимов в нём ловил…

Сынок, приветливый и милый
Тайги суровой, горделивой,
Он тыщи лет при ней живёт.
Её границы стережёт.
Весной – дела иного плана:
Гора – царевна Несмеяна
Над речкой плачет и ревёт,
В неё ручьями слёзы льёт.

Забыты лютые морозы.
Осинки, бледные берёзы,
Подняв белёсые ресницы,
По стойке «смирно», словно спицы,
Вдоль взгорья стройные стоят,
Молчат (в строю не говорят).

Один волнующий вопрос:
Для переправы нужен мост!
В руках верёвка и топор
Вели недолгий разговор…
Два крупных дерева срубили,
Вершинами соединили.

Желаю доброго пути
И птицу счастья всем найти!

Гляди: Барбоска – умный пёс
Легко осилил этот мост.
От радости победно лает,
На левый берег приглашает…

Горбом гордится переправа…
Прощай, невзрачный берег правый!
Идём мы – взрослые и дети.
Вперёд повёл дружины эти
Через родной таёжный край
Всегда серьёзный Николай.
Мужик по виду молодой,
С давно седою головой.
Он – часть тайги, её краса.
Любые птичьи голоса,
Как музыкант на слух он знает.
Как мать все беды понимает.

Сказал негромко Николай:
«Зашевелился птичий край!
Вон там, за дальнею пихтой,
Свистящий голос молодой.
«Фьють-фьють» там иволга поёт,
Самец так самочку зовёт…
Хотите поглядеть на чудо:
Я самочкой чуток побуду!
А вы смотрите и молчите,
Чур, раньше время не спугните…»
Он губы трубочкой сложил:
«Фьють-фьютти», – легкий свист поплыл,
Студёный воздух оглашая,
В таёжной дали затихая…

Вновь первый голос – ближе чуть
И вопросительно: «Фьють-фьють».
А Николай ему: «Фьють-фьютти».
«Фьють-фьють», – опять,
Ответ: «Фьють-фьютти…»
И в голой кроне, наконец,
Явился страждущий самец…
Ему с улыбкой Николай:
«Ты фальшь от яви отличай!
Ты, слава Богу, не птенец,
А без пяти минут отец.
Твоей Марфуты нету тут,
Зазря менял лесной маршрут…»
Самец всех сверху оглядел
И недовольный улетел…
В пути заснеженный овраг –
Для пешеходов злейший враг.
Вода, как внутренняя вена,
Под слоем снега неизменно,
Как кровь напорная, бежит,
Как пульс, и бьётся, и дрожит.
Не дай Господь, там провалиться,
В холодных струях очутиться!
Опасность вычислили с ходу,
Мы сделали петлю обхода.
Подъём вздыбился в небо круто –
Молчат Иринка и Анюта.
Наверх мы по снегу идём,
Тропу мы торим, тропу бьём!

Весны вдыхая ароматы,
Идут упорные ребята.
Не слышно детских трелей звонких.
Молчат смешливые девчонки,
Лишь шумно воздух выдыхают,
На щёчках яблочки пылают…

Как море волнами играет,
Тайга вершинами качает.
Господь взирает с небосвода
Как дышат легкие народа.
Тайга – источник кислорода,
Ликует щедрая природа…

Мы пользуемся им беспечно,
А он – хранитель жизни вечно!
Не видеть это невозможно,
Хозяева земли таёжной.
Тайга стоит в могучих кедрах,
Не перечесть богатства в недрах,
Мы знать должны их наизусть,
В них наша радость, наша грусть…

Наш дом родной и наша Русь!
И за неё всегда в ответе
Мы: и наследники, и дети…
Мы и снаружи, и во чреве,
Мы – хвоя на зелёном древе!
Пускай метельно кружит время,

Пусть множится людское племя,
Мы разных наций земляки,
Один народ – сибиряки!
И никому нас не сломать,
Тайга для всех Святая Мать!

Конец пришёл подъёмной ниве,
Мы – на вершине, мы – на гриве.
Запас последних сил иссяк,
Встречаем старенький маяк.
Пришла пора остановиться,
Перекурить, остыть, забыться…
Всё в прошлом – муки и страданья,
Привал! Сидим до обсыханья.

Потом часа, возможно, три
Придётся гривой нам пройти,
Добраться чтоб до южных склонов,
Где на проталинках зелёных
Едва-едва сошли снега –
Растут подснежники, колба.

Колба – продукт тайги особый,
Как золото высокой пробы!
Любой сибирский гражданин
Вкушал таёжный витамин:
Колба, картошка, сервелат,
Яйцо, сметанка – люкс салат!
Кваском разбавь его немножко,
В тарелке – знатная окрошка!
Ну, а яичницу с колбой
Оценит и гурман любой…
Полезны взрослым всем и детям
Доступные травинки эти.
Внизу болотная полоска.
И тут взъерошенный Барбоска
Стал желтых бабочек гонять –
На курью слепоту рычать.

В народе так зовут цветы
Особой, яркой желтизны.
Бытует даже мнение –
Их яркость портит зрение.
А их пьянящий аромат
На мозг влияет, говорят…
Возможно, пёс вдохнул дурман
И хулиганит, будто пьян.
Наверно глюк в него вошёл –
Врага незримого нашёл…
Все приболотные кусты
Облаял аж до хрипоты…
«Молчи, Барбоска окаянный,
Кыш от болота на поляну,
Отстань от каверзных цветов –
Гоняй своих бурундуков!»

И нас – детей от топи гнали,
А старики предупреждали:
«Шуметь опасно у болот,
Там нечисть всякая живёт…»
На Анке – серая ветровка,
Девичий стан обтянут ловко,
Трико ей ноги облегает,
Овальчик в бёдрах выделяет.
Играет глянец на сапожках,
Ну, а блестящие серёжки
Под серым капюшоном скрыты –
Защита от энцефалита.
(Клещи, сливаясь с кроной,
Сидят в хвое зелёной.
Молчат в зелёном гуле
И жертвы караулят).

Толпится вкруг девичьих ног
Из одуванчиков венок.

Лицо ей солнца луч ласкает,
В глазёнках зайчиков гоняет…
Я увидал кусочек сказки,
Живой цветок – Анютки глазки…
Вдруг от полян беззвучный рык –
Цвет Горной Шории – кандык.
Раскрыв сиреневую пасть,
Как будто бы зевает всласть.
Кивает желтыми усами,
Гордится гладкими листами,
Цветов таёжных повелитель,
Он – коренной сибирский житель.

Его не зря в седую старь
Любовно называли – Царь.
Не трона царь – поляны… Всё же,
Достоин – он по-царски сложен.

г. Осинники.

Евгения ШКАЕВА

Шкаева Евгения Васильевна родилась 21.09.1954 г. в пос. Мундыбаш Кемеровской обл. Окончила Сибирский металлургический институт по специальности «Ковка и штамповка». Работала на Юргинском машзаводе в кузнечно-прессовом цехе технологом. Была комсоргом цеха. Под влиянием встреч с поэтами в молодежном клубе «Дискуссия» начала писать свои первые стихи. Началом своей творческой биографии Евгения Васильевна считает 1994 год.

Большую помощь в творчестве ей оказала поэтесса Тамара Погребняк из города Осинники. Вскоре Евгения Васильевна пришла в клуб любителей поэзии «Кедр» при Осинниковской городской библиотеке.

За двадцать шесть лет творческой деятельности выпущены более десяти сборников стихов. Евгения Васильевна участница многих поэтических фестивалей и конкурсов. Тематика стихов разнообразна: любовная лирика, стихи о природе, пародии на собратьев по перу, духовные стихи и т.д. Творческий стаж – 26 лет.

Мечтает выпустить книгу стихов на духовную тему «Словом неугомонная…»

России милой тихая краса

Бессмертный полк

Слова Е. Шкаевой
Песенная обработка текста
Н. Миронова

1.Весенний ветерок колышет флаг,
Повсюду обновление в природе.
Почетный караул, чеканя шаг,
К мемориалу скорбному подходит.

Припев:
В гранит вошла война,
Но помним имена.
Портреты павших вынесли живые.
Сомкнувшись снова в ряд,
Они средь нас стоят
Бессмертные защитники России.

2.Победный и для них гремит салют,
Под мирным небом радуются дети.
Солдаты той войны в строю идут –
Бессмертный полк шагает по планете.

Припев:
Как много лет назад
Бросают грозный взгляд
На тех, кто посягает на державу.
Коварный знает враг,
Что не пройти никак,
Бессмертный полк …
Бессмертный он по праву.

Ускоряется время

Ускоряется время...
Значит, надо успеть.
Голос совести слышать
И душой не черстветь.
Из писания строчка
Вспоминается вновь:
«Коль придёт беззаконье –
Охладеет любовь».

Ускоряется время...
Суета, маета.
Нам, как тяжкое бремя –
Любовь, доброта.
Сребролюбье, гордыня,
Зависть в наших глазах.
И живём, как в пустыне,
Мы в больших городах.
А лукавых «пророков»
Всё сильней голоса.
Гнёзда тяжких пороков –
Души и телеса.

В храм забыли дорогу,
Всё зайти не с руки.
Грех признать перед Богом...
Расплодились грехи?
Нет в душе покаянья.
Плача горького нет.
Нам за всё воздаянье –
Пришествие бед.
В суете начинанья
Тщетно ищем ответ.
Почему на раскаянье
Времени нет?

«На потом» отложенная жизнь

В труде я хлеб насущный добывала,
Всё время говоря себе: «Держись!»
То мужика, то деток ублажала,
Мечтала: «Мне полегче будет жизнь».
На пенсии звёзд с неба не хватала,
Но мысли вольные гнала скорее прочь!
И денежкой я детям помогала.
А кто ещё сумел бы им помочь?
Ни золота, ни шуб я не носила:
По сути, мне они и не нужны.

В достатке небольшом всю жизнь прожила,
Но так, по сути, жили пол страны.
Хотела путешествовать по свету,
По совести всегда пыталась жить,
Но воспитанья строгие запреты
Велели «на потом» всё отложить.
Итог: четвёрка мужиков из «Ритуала»
Скомандовали коротко: «Взялись»...
Печально с неба мне рукой махала
Всё «на потом» отложенная жизнь.

Метель памяти

Ах, как в тот год бушевали метели:
Февраль по окна заносила дома.
Я помню руки, что меня ласкали...
И растворялась в счастье я сама.

Высоких чувств пленительная нежность
Кружилась в такт метелям за окном.
Но злых разлук глухая неизбежность
Змеей холодной заползала в дом.

Пропал без вести милый мой на фронте.
На память о себе оставил шаль.
Ни слуха, ни письма, ни похоронки...
Лишь в сердце вечная живет печаль.

От фотографии я взгляд не отрываю,
Что в рамочке на письменном столе.
И с тихой нежностью,
любимый, вспоминаю
Тебя в метельном давнем феврале.

* * *

Все дальше тот год сорок пятый,
Победа, что кровью далась.
И в вечность уходят солдаты,
Что с ворогом бились за нас.

Так мало их нынче осталось,
Кто вынес войну на плечах.
Им надо-то самую малость:
Любовь и вниманье внучат.

Чтоб жить без скорбей и печали,
Чтоб дети работать могли,
Чтоб вдовы в ночи не кричали,
А правнуки – радость несли.
Чтоб горько сквозь жизни обломки
Нам вновь не шагать по золе.
Мы, тех ветеранов потомки,
В ответе за мир на земле.

Моей России тихая краса

На свете есть пленительные страны,
Где бирюзою отливает даль:
Дубаи роскошь, Лондона туманы,
Швейцарии цветная панорама.

Чудес немало в этом бренном мире.
Но ни за что не променяю я:
Гаваны пляжи или жизнь в Каире
На то, чем дышит Родина моя.

Рязанские берёзовые ситцы
И северные строгие пейзажи,
Мне за границей часто будут сниться,
В туристском записном ажиотаже.
И пусть прельщают тех, кто помоложе
Заморские восторги – чудеса.
Для сердца моего всего дороже
России милой тихая краса.

О картинах художника Кинкейда

Не отраженье выкрутасов Фрейда,
Не ангелов пленительный полёт,
Волшебный мир художника Кинкейда
Пред нами на картинах предстаёт.
Вечерний город в отблесках зари
Окутан весь полупрозрачной дымкой.
И зажигают дружно фонари
Заботливые эльфы – невидимки.
Мосты, деревья, замки и цветы,
Плющом увиты старые колонны,
Пейзаж необычайной красоты
И человек, в прекрасное влюблённый.
Как хочется в картину ту войти.
И окунуться в мир волшебный этот.
Неспешно по дорогам там пройти,
Пленяясь необычностью сюжетов.

Цвета и оттенки

Погнавшись за лукавою химерою,
Куда придём, покуда неизвестно.
И книгу «Пятьдесят оттенков серого»
Шедевром объявляют повсеместно.
С пришествием предательства негласного
Мы угасанье веры допустили.
И вот все пятьдесят оттенков красного
Бедою обернулись для России.
Под карканье кладбищенского ворона
От взрывов раскололась тишина.
И снова пятьдесят оттенков чёрного
Нам принесла проклятая война.
Бунтует «незалэтна Украина»
И «нацики» кричат: «Казаков к стенке!»
Отравлена враньём твоя «людына»,
Везде «жовто-блакитные» оттенки.
У веры нет окраски и оттенка,
И правда у Христа всего одна.
Ушёл бесславно батько Порошенко,
На Украине вновь идёт война.
Ведь мы не раз такое проходили,
Что брат на брата меч свой поднимал.
Нас беды ничему не научили.
И каждый правду лишь свою искал.

Всё повторится

Вновь сентябрь подкрался незаметно.
Дни – короче, ночи – всё длинней.
Тянет зябким холодом рассветным
С опустевших, убранных полей.

Алым цветом вспыхнули рябины,
В солнечных лучах, как жар горят.
Осень отмечает осенины,
Примеряет золотой наряд.

Тихой грустью наполняет душу
Тоненький синичкин голосок.
И, закон природы не нарушив,
Вновь на землю падает листок.

Чередой придёт зима седая,
Погрузив деревья в долгий сон.
А весной, природу пробуждая,
Запоёт капели перезвон.

Благодатный огонь

Господь не оставляет нас покуда
Мы молимся, завет его храня.
Нам, грешным, посылает это чудо:
Схожденье благодатного огня.
Чтоб мы его в своих сердцах хранили,
Оставив распри, злобу и раздор.
Стези свои огнём тем осветили,
Поправши осужденье и укор.
Душой и сердцем чтоб стремились к свету,
С молитвой покаянной на устах.
И берегли от войн свою планету,
Любовь и мир… В Его глазах.

Мой город

К 60-летию города Калтан

Авторы: Рыбаков Николай
Шкаева Евгения

1. По меркам людским ты еще молодой,
Но славою доброй овеян.
В масштабах страны – городок небольшой,
Но в жизни счастливой уверен.

Припев:
Где бы я ни бывал, по тебе тосковал,
Ты в сердце моём остаешься.
Мой город Калтан,
Что судьбою мне дан,
Ты Родиной малой зовешься.

2.Уже не по дням ты растешь в высоту,
И радуешь чудо садами,
Здесь люди заметную всю красоту
Создали своими руками.

Припев:
3. Мы чувствуем сердцем
твой ритм трудовой,
Живи, процветай в этом мире,
Калтан, мы душою сроднились с тобой,
Жемчужина юга Сибири!

Припев.

г. Осинники.

Вячеслав ЕЛАТОВ

От автора

Начну с заключительной части статьи. Может показаться натяжкой, что «Кузбасскую сагу» я ставлю в один ряд с самыми громкими произведениями последних лет. А я мог бы сказать и больше того: пенталогия Павлова не только вписывается в этот ряд; она продолжает его, преодолевая тенденцию уходить и застревать в прошлом. Исторического прошлого и у Сергея Павлова хватает. Но эта ретроспектива не заслоняет у него настоящий день. Не умаляя значения сочинений на историческую тему, напомню, что именно такого рода произведения всегда вызывали и будут вызывать повышенный интерес у современников. Именно этим объясняется то нетерпение, с каким мы ждём заключительный роман «Саги». Впечатлением от уже написанного и предвкушением очередной встречи с писателем и продиктована заключительная часть моего отклика. «Земля Кузнецкая» автора из провинции была в своё время оценена по достоинству. Поживём – увидим...

Затрону и вопрос об отношении автора критической работы к автору художественного произведения. В тексте статьи я позволил себе привлечь к этому внимание читателя вопросом: "Ну и что?" Что, мол, из того, что мы не всегда будем согласны с ним? Как, например, тот неординарный читатель, который счёл Льва Толстого "зеркалом русской революции". Подготовленный читатель отличает замысел писателя от его художественной реализации. Вспомним впечатление Герцена от тургеневских «Отцов и детей»: хотел-де посечь сына, а выпорол отцов. Вспомним, другой пример, Добролюбова, который, откликаясь на роман Тургенева «Накануне», в самом начале предупредил читателя: он будет говорить не о том, что хотел сказать писатель, а о том, что сказалось им в романе.

Исследователю, разумеется, не помешает знать о мировоззрении художника. Но это не решает всего дела. Это лишь одна из составляющих картины, которая предстаёт перед читателем. Да не только, ещё пример, перед читателем или критиком: по недоразумению к лучщим мы безоглядно относим переводы авторизованные, то есть одобренные автором... Выслушав автора, не следует, однако, слепо ограничивать себя его мнением.

Меня Сергей Павлов увлёк своей «Кузбасской сагой». Я в числе его благодарных читателей. Снимаю шляпу... Но моя позиция при этом не во всём совпадает с его позицией. Это отнюдь не умаляет в моих глазах его художественного таланта. Тем более, что в осмыслении того самого недавнего прошлого, которое пока не удаётся оторвать от настоящего, он оказывается прозорливее многих из нас, пишущих и читающих.

Вячеслав Елатов. г. Прокопьевск.

Окончание следует

Контекст для новинки

Лицом к лицу
Лица не увидать.
Большое видится на расстоянье.
Есенин.
Письмо к женщине

Скоро, уже совсем скоро мы будем иметь возможность лицезреть в полном объёме то большое художественнре полотно, над созданием которого не один год неутомимо трудится автор «Кузбасской саги» Сергей Павлов. Эпиграф из Есенина можно понимать и в буквальном смысле: картина Иванова «Явление Христа народу», например, лучше воспринимается на определённом удалении. Но поэт имел в виду временной промежуток между современностью и наступающим нам на пятки прошлым. Литературоведы в этом случае пользуются безотказным инструментом анализа под названием "контекст".

Автор настоящих строк любит, вслед за Юрием Трифоновым, повторяться.[1] Мне и раньше доводилось отвлекать внимание читателя пассажами о чудодейственных возможностях такого ракурса: "В полной мере воспользовавшись такими ключами к пониманию содержания романа, как название и эпиграф, обратимся теперь к тому магическому средству для проникновения в святая святых любого литературного произведения, которое то принимает форму сказочного заклинания "Сезам, откройся!", то прячется под непонятным для непосвящённых литературоведческим термином "контекст".[2] Или вот ещё, столь же назойливо наставительное: "Доводя до логического заключения принцип создания литературного контекста, на основе которого только и возможен "конструктивный", как мы сегодня выражаемся, разговор о поэте, привожу в подтверждение вышеобозначенного суждения стихотворение Велимира Хлебникова < ... >".[3]

На публикации очередных книг «Саги» откликались и специалисты, и рядовые читатели. Но мы не ошибёмся, если для начала поинтересуемся, в каком контексте представляет себе своё сочинение сам автор. Об этом нас информировал, например, в «Беловском вестнике» П.Попов.[4] Семь лет назад, работая уже над третьей и четвёртой книгами, Сергей Павлов рассказал читателю и о том, как рождался замысел, и о том, на какие литературные образцы он изначально ориентировался. Творчество названных в интервью Достоевского и Шишкова, Шолохова и Анатолия Иванова – таков, по его мнению, в самых общих чертах литературный контекст для его многотомного труда. Интересно в этом плане и намерение писателя завершить своё сказание о Земле Кузнецкой на счастливой ноте: именно так, победой добра над злом, заканчиваются народные сказки.

Процесс создания такого всеобъемлющего полотна растягивается на долгие годы. Владимир Фоменко, например, работал над своим романом «Память земли» добрых два десятка лет. Немало требуется времени и читателю, чтобы быть готовым к восприятию лучших образцов словесного творчества. Это происходит в процессе накопления контекста для полноценного прочтения литературной новинки. Говорят, что мы стали меньше читать. Это пройдёт, как проходит любое недомогание. Пройдёт, если не в первом, инфицированном постсоветском поколении, то в следующих за ним непременно.

Роман Сергея Павлова ещё в работе – пишется заключительная его часть. И мы не станем путаться у него под ногами со своими предположениями относительно содержания пятого тома задуманной им пенталогии. Мы знаем, как раздражали, например, Мариэтту Шагинян такого рода читательские догадки: в пику особенно ретивым подсказчикам она даже круто меняла развитие действия в публикуемом по мере написания романе «Месс-Менд». Говорим только об уже написанном и опубликованном в свете обозначенного в подзаголовке инструмента литературоведческого анализа.

Не могли обойти исторический роман своим вниманием, конечно же, специалисты по отечественной истории. Однозначно положительную оценку мы находим, например, у профессора М.Е. Сорокина.[5] С одной стороны, он высказался в качестве историка и краеведа: "Как историк, я не нашёл у него тех "швов", которые порой торчат наружу у некоторых писателей-беллетристов. Видно, что автор серьёзно и глубоко поработал с историческим материалом < ... >". С другой стороны, у него даже в названии послесловия отразилось удовлетворение мастерством писателя (помнится, как Горький в юности, завороженный магией художественного слова, на свет разглядывал печатный текст): "Роман читается легко. Каждая новая страница манит к себе, и порой трудно остановиться: вот, думаешь, ещё страничку, другую прочту, и на сегодня хватит. А вместо этого читаешь и вторую, и третью, и четвёртую...".

Через три года после Сорокина в том же формате послесловия нашему вниманию был предложен отзыв его коллеги, доктора исторических наук Гвоздковой Л.И., на третью книгу пенталогии.[6] Оценка и на этот раз была положительной: во-первых, повествование исторически достоверно; а во-вторых, автору удалось рассказать о событиях того времени компактно и художественно интересно. Но при этом её собственное представление о советском прошлом и выводы, которыми она делится с читателем, не раз и не два вызывали у меня вопросы и недоумение. Начну с того, в чём я, специализировавшийся в своё время на кафедре русской советской литературы, в определённой степени разбираюсь. В настоящих заметках постараюсь компактно, только на самых ярких примерах из произведений только самых известных писателей новейшего периода нашей литературы восстановить по ходу дела искажённый автором послесловия этот контекст для новинок постсоветской литературы.[7] Это во-первых. А сейчас остановлю внимание читателя на частностях.

Чураясь внедряемой у нас сегодня превратно понятой "междисциплинарности", когда специалисты занимаются заведомо не своим делом, – боже упаси от такого невежества! – я не стану сам вторгаться в сферу компетенции Гвоздковой как историка и уступаю место людям сведущим. Дело в том , что не все коллеги разделяют её суждения об "окаянном времени" народовластия в России. Сошлюсь на недавнюю монографию К.В.Скоркина, опубликованную за три года до отзыва Гвоздковой.[8]

Она в своём отзыве пишет: "А времена, о которых идёт речь в третьей книге С.Павлова, поистине ОКАЯННЫЕ: революция, гражданская война, коллективизация < ... >".

Скоркин: "Это память о своих предках. Именно они более 90 лет назад создали в России новую и очень дерзкую цивилизацию, которую мы не сумели сохранить".

О событиях в Крыму, связанных с разгромом и бегством врангелевцев, сегодня у нас, по Скоркину, в ходу небылицы. В его монографии мы находим данные и о количестве штыков и сабель у потерпевших поражение, и числе эмигрировавших и оставшихся в России белогвардейцев, и о судах и расправах... Автор исторического исследования утверждает: "Сегодняшние историки тиражируют миф о расстрелах пленных офицеров". При этом он пишет, что в ЧК вообще не было "расстрельных команд", а большевистский ЦК РКП(б) никогда вопросами красного террора не занимался. Приводит он и приказ Врангеля 1920 года за номером 3052: "Приказываю безжалостно расстреливать всех комиссаров и других активных коммунистов, захваченных во время сражения". Это во-вторых.

Теперь об упоминании у Гвоздковой в связи с названием третьей книги Павлова бунинских «Окаянных дней», которые он написал, пережив личную трагедию: в Крыму писатель потерял тогда сына... Сохранилось свидетельство известного советского писателя Константина Симонова, которому в 1946 году Бунин сказал следующее: "22 июня 1941 года я, написавший всё, что писал до этого, в том числе «Окаянные дни», я по отношению к России и к тем, кто нынче правит ею, навсегда вложил шпагу в ножны".[9] Это в-третьих.

Ну и, наконец, о затронутом Гвоздковой вопросе коллективизации. В сти-

лизованных под очерк рассказах Валентина Овечкина «Районные будни», это будет уже в-четвёртых, говорит управляющий госбанком Щукин, то есть специалист в вопросах экономики и финансов (мы тут, разумеется, имеем дело с вымышленным персонажем, но без содержательных бесед с прототипами у писателя-реалиста Овечкина явно не обошлось): альтернативы колхозам не было. "Хоть и Советская власть, хоть и землю дали бедноте – не избежишь эксплуатации человека человеком. Дай всем кредит на обзаведение, на тягло, инвентарь, всё равно кто-то изловчится, быстрее встанет на ноги, а кому-то не повезёт, либо маломощная семья, болезни, дети, через три года — новые кулаки и новые батраки. Никогда бы мы не изжили классовую борьбу в деревне, если бы не колхозы".

Выслушав специалистов по отечественной истории, мы, естественно, обращаемся в сторону знатоков из литературного цеха. Отвлекаясь от более детальной периодизации внутри столетий, можно говорить о контексте новой литературы, новейшей и с иголочки современной. В первом случае мы будем ссылаться на XVIII – XIX века, во втором – на период советской литературы, а из постсоветской – выбирать наиболее близкие по времени и звучанию с нашей новинкой публикации. Например, для находящейся в стадии завершения «Кузбасской саги» таким "с иголочки" современным контекстом могут быть романы Леонида Юзефовича и Гузели Яхиной.

Профессор Кемеровского университета Л.А.Ходанен рассматривает «Сагу» в контексте региональной литературы, ориентируясь, естественно, на новейшую и современную литературу. Упоминанием выше о произведениях Юзефовича и Яхиной после выхода в свет уже четырёх из пяти задуманных автором романов я счёл теперь возможным вывести разговор о кузбасской новинке на уровень того общенационального движения отечественной словесности, о котором наш литературовед говорит в самом начале своего послесловия к первой книге.[10] Это вполне оправдано и тем, имена каких кузбасских романистов она при этом напоминает нам: с произведениями Г.Молостнова, А.Волошина и Г.Немченко был в своё время хорошо знаком наш массовый всесоюзный читатель.

Этот отзыв доктора филологических наук был тоже положительным. Ходанен обратила наше внимание на наметившийся ещё у Молостнова интерес к изображению прошлого, отметив при этом, что "художественная история наших предков, первых поселенцев, аборигенов [Земли Кузнецкой. – В.Е.] ещё не написана", но уже создаётся на наших глазах – Сергеем Павловым. Читается произведение с увлечением; профессор объясняет это, с одной стороны, большой подготовительной работой по накоплению материала и ясной жизненной позицией автора, а с другой – его художественной зрелостью, что проявляется и в прочной сюжетной основе романа, и в отчётливо сформированном стиле: "Авторская позиция спокойна, без излишней эмоциональности и мудрствований < ... >, только изредка < ... > проглянет внимательный и вдумчивый повествователь или историк, напоминающий вехи общероссийских событий". Вот так, ещё на старте, после первой книги пенталогии, один из наших ведущих литературоведов даёт высокую оценку начинанию, завершения которого мы теперь, беря пример с автора, спокойно и без излишних опережающих события мудрствований ожидаем: "Это произведение – настоящее большое эпическое полотно, с многоголосым языком, с объёмной картиной мира сибирской деревни, жизнь которой представлена в течение целого века".

А после второй книги доцент кафедры журналистики и литературы XX века И.В. Ащеулова уже оглядывается на классические образцы новой отечественной литературы, где жизнь простого человека вписывается в большую историю страны: "большая история начинается с погружения в мир малой истории: семьи, дома, улицы, села, города ".[11]

На богатый опыт классики нового времени можно оглядываться по самому разному поводу. Можно, кстати, задержать внимание на том, как идейное содержание произведений влекло за собой изменение первоначального замысла и нередко оборачивалось композиционной незавершённостью. Мы, например, не знаем пока, как закончит свою пенталогию Сергей Павлов. Знаем только, что у него с самого начала был план относительно хронологических рамок и количества частей. Ну и что? У Пушкина тоже был такой же чёткий первоначальный замысел романа в стихах. И эпопея «Война и мир» поначалу представлялась Толстому как роман о возвращающихся из ссылки декабристах... Предположим, что автору нашей новинки удастся в точности осуществить свой замысел. Ну и что? Это отнюдь не означает, что и мы с вами, уважаемый читатель, непременно согласимся с автором в том, что в его «Саге» поставлена именно точка, а не... многоточие.

Дело в том, что в отечественной классике "золотого века" есть произведения, которые в принципе не могли быть композиционно завершены. На это обратил внимание читателя Белинский на примере того же «Евгения Онегина»: "Что сталось с Онегиным потом? < ... > Не знаем, да и на что нам знать это, когда мы знаем, что силы этой богатой натуры остались без приложения, жизнь без смысла, а роман без конца? "

Пушкин, чтоб хоть как-то свести концы с концами, переставил заключительные главы, а настоящий финал вообще раздёргал по строчкам, так что мы только после вмешательства специалистов-текстологов, восстановивших весь дошедший до нас в отрывках и обрывках пушкинский текст, смогли понять, куда поэт разворачивал своего Онегина и почему именно он, а не Татьяна Ларина (Достоевский не располагал теми сведениями о романе, которые доступны нам сегодня), представлен на титульном листе... И Толстой в «Войне и мире» только намекнул, что и его герои смотрят в сторону Сенатской площади... А Гоголь? Он только замахнулся на второй том «Мёртвых душ»... А Достоевский? Тот только думал о воскрешении Раскольникова, который загубил свою душу, утратив способность перед лицом бесчеловечности оставаться человеком... И Тургенев – только-то и успел, что познакомить нас с нигилистом, как тут же свёл его в могилу, уступив слово для заключения Писареву: умереть так, как Базаров, – это уже подвиг...

Только, только, только, только... Не случайно одна из статей Добролюбова получила в своё время столь злободневное название: «Когда же придёт настоящий день?» Вероятность такого читательского вопроса после предстоящего знакомства с пятой книгой павловской «Саги» не исключена. Поспеть "за бегущим днём" (так, напомню, назвал свой роман о школьном учителе советский писатель Тендряков) даже классикам новой литературы – например, Тургеневу в романе «Рудин» – удавалось лишь в эпилоге. Сходным образом, кстати, решила проблему и Яхина в своём втором романе... Поживём – увидим, какой развязкой одарит нас Сергей Павлов. Может статься, что финалом его творения и будет тот конец, который, по присловью, – всему делу венец. В этом случае мы будем иметь дело с художественным решением в контексте новейшей литературы XX века. Поживём – увидим...

На многогранный контекст отечественной и мировой литературы нас попытался было вывести в своём критическом обзоре прозы в журнале «Огни Кузбасса» за минувший год Евгений Чириков. К сожалению, конспективный формат анализа то тут, то там вызывал вопросы и возражение. Откликаясь, например, на повесть Евгении Борисовой «Изменю вашу жизнь», критик со знанием дела отсылает читателя к опыту зарубежной литературы.[12] Что бы ему таким же образом не прочесть рассматриваемую здесь же повесть Ирины Тюниной «Сказка по слогам»! Например, в контексте гоголевской «Шинели» или романа «Идиот» Достоевского? В этом случае идейное содержание произведения, конечно же, не сводилось бы к тому, что герой или героиня добиваются успеха в каллиграфии или бисероплетении; а сюжет повести или романа, так же очевидно, не воспринимался бы, на радость фрейдистам, как история болезни слабоумного пациента... Аналогичные перекосы имели место и в отзыве о романе Сергея Павлова при голословных отсылках к контексту современной литературы, будь то скрытые от читателя "образцы" или притянутые сюда за уши "романы о шпионах". Такое впечатление, что мы, увлекаясь порой в своём критическом запале, помним лишь о "неистовстве" Белинского[13], забывая при этом оглянуться на предшествующие периоды отечественной литературы, освящённые именем великого критика. Например...

Нет, например, ничего удивительного в том, что многие постсоветские новинки прочитываются сегодня в контексте новейшей, то есть литературы советского периода, советской и антисоветской: эта литература ещё на памяти у читателя старшего поколения. Одни темы – как, например, упоминаемая Людмилой Ходанен тема созидательного труда – воспринимаются сегодня по контрасту; другие – как, например, тема "холодной войны" – получают развитие. О чём мы могли бы в этой связи и с оглядкой на «Кузбасскую сагу» сегодня вспомнить? О том, например, как с повестями Аркадия Гайдара дети "открывали глаза" (как Зулейха в романе у Яхиной) на то, чем занимались и что представляли собой иные, как, например, в «Судьбе барабанщика» или в «Военной тайне», дяди и тёти... (Взрослым пелену с глаз на эту проблему не уставал сбрасывать Владислав Кочетов.)

У Галины Николаевой в романе «Битва в пути» оказался за решёткой окле-ветанный отец Тины Карамыш. "Какой войной, – бьётся дочь над вопросом после получения известия о его смерти, – отнят отец? Есть ли смерть страшнее, чем его смерть? Отдать душу партии, быть казнённым врагами партии, прикрывшимися именем партии!..".

С активными участниками развязанной белой гвардией "холодной войны" знакомит нас в романе «В круге первом» Александр Солженицын. Среди заключённых в "шарашке" ярко выписан образ Сологдина, который напоминает своим единомышленникам, что они живут "под закрытым забралом", то есть спрятав своё истинное лицо и сохраняя при этом воинствующий запал. Рядом с ним Хоробров, демонстративно устраивающий на Октябрьскую годовщину и Первое мая какие-нибудь постирушки. Тут и профессор математики Челнов, который приподнял забрало ещё в 1932-ом. И идеолог буржуазной элиты Герасимович, на дух не переносящий, подобно щедринскому дикому барину, мужицкий "ослиный скоп": "А что такое демократия? [Он имел в виду социалистическую, а не буржуазную демократию. – В.Е.] Угождение грубому большинству. Угождение большинству означает равнение на посредственность, равнение на низший уровень. <...> Сто или тысяча остолопов своим голосованием указывают путь светлой голове!"

А среди второстепенных характеров первостепенным по своему тлетворному влиянию вырисовывается образ дяди изменившего Родине Иннокентия Володина: несмотря на свою образованность, Авенир не смог-таки заставить себя работать ни учителем (о чём мечтал у Юзефовича Пепеляев), ни даже библиотекарем: ведь тогда ему сплошь и рядом пришлось бы менять свои плюсы на минусы и наоборот: хорошие, по его мнению, книги ругать, а плохие — хвалить. Уйдя в глубокую внутреннюю эмиграцию, он разворачивал свою критику рабочего класса на бытовом уровне, капля за каплей отравляя сознание своему племяннику.

В трилогии Юрия Германа тема "холодной войны" проходит через всю заключительную её часть, роман «Я отвечаю за всё». Тут и распоясавшиеся (не чета несчастному Егорке из четвёртой книги Сергея Павлова) доносчики, и сцены заточения, и образ центрального героя, бывшего журналиста, а ныне полковника МГБ Штуба. Острая конфликтная ситуация складывается уже в

самом начале повествования. Валя Ладыжникова, которая работала со Штубом до войны в областной газете «Унчанский рабочий», рассказывает ему, что покойный доктор Постников, честнейший человек, считается изменником и негодяем. Арестована и преданная делу партии Аглая Петровна. А в конце романа — как у Шолохова Давыдов, у Антонова Плотников — гибнет в невидимой для посторонних схватке с белой гвардией и сам Штуб. Ю.Герман хорошо знал, о чём он писал. Не понаслышке, не из теле- и радиопередач знал он и прототипов своих героев. Не лишним было бы обратиться к его жизненному и творческому опыту и нашим потенциальным рецензентам «Кузбасской саги».

На пленуме ЦК ВКП(б) в феврале — марте 1937-го года Сталин резко критиковал работу НКВД: опоздали в пресечении деятельности антисоветского подполья “по крайней мере на четыре года”; имелось в виду убийство Кирова в 1934 году; он ставил задачу отделить в органах безопасности “овец от козлищ”. И Штуба мобилизовали в МВД после январского 1938-го года пленума ЦК ВКП(б). В первую же неделю своей деятельности в Унчанске он выпустил на волю шестнадцать оклеветанных жертв антисоветского террора, и среди них своего бывшего редактора, старого большевика Мартемьянова, который сидел как шпион трёх держав, а каких именно — он и сам не помнил. Кроме того, Штуб наказал следователя, на клеветника-доносчика завёл дело. Но не тут-то было! Следователя отозвали в Москву его более высокого положения единомышленники и повысили в должности. Потом вызвали в Москву и самого Штуба. “Какие-то расплывчатые, вязкие, но недрёманные силы, – пишет Ю.Герман, – остановили его деятельность в Унчанске, не позволили ему делать то дело, ради которого он перестал быть журналистом, газетчиком, редактором”.

О катастрофических последствиях деятельности затаившихся врагов рассказывает Штубу в Москве комиссар Ястребов: “Побиты наши замечательные кадры, Август, побиты товарищи, ещё Дзержинским выращенные, побиты кривдой, побиты недоверием — тут понять невозможно что к чему”. А Штуб, в свою очередь, давая задание сотруднику МГБ Сергею Колокольцеву разобраться с делом Аглаи Петровны, объясняет: “Несправедливости — тоже наше дело, чтобы их ликвидировать и виновников дискредитации Советской власти покарать. Потому что каждая история с невинно осуждённым кладёт пятно на нашу власть”.

Гулаг у Ю.Германа представлен и с позиции заключённых, и с позиции охраняющих, как у Довлатова в «Зоне», но в своём понимании происходящего эти писатели далеко разошлись. Вот как, например, изображена Инна Матвеевна Горбанюк, которая позже будет управлять кадрами в областном здравоохранении. В гулаге она отвечала за лечебную работу. Она “привыкла сидеть развалясь, когда старый доктор или даже профессор, но заключённый, стоял перед ней по стойке смирно. <...> Привыкла отказывать в любых медикаментах, даже таких, какие были на складе”. Это она позже будет собирать в Унчанске компромат на врачей.

А вот как переживала своё заключение Аглая Петровна. Больше всего она устала от расспросов, кто она и за что сидит. Иногда её сочувственно выслушивали, а потом начинали злорадствовать: “вот-де коммунистка, а сидит наравне со своими заклятыми врагами и никогда не выйдет”. Да, она сидела с немецкими врачихами-специалистками по стерилизации евреев и с уголовницами. И тут, в заключении, она уяснила простую истину: в органы пробрались враги Советской власти. Они пробрались в те самые органы диктатуры, где когда-то работал её покойный Гриша, первый чекист Унчанска. Это они стряпают дутые дела и штампуют чудовищные приговоры ни в чём не повинным людям. И она говорит следователю: “Если желаете — запишите: мы, заключённые вами коммунисты, даже здесь, верим,что наша Советская власть ко всем этим злодеяниям отношения не имеет”.

Исследуя тему политических репрессий, Ю.Герман показывает, что у идейных врагов Советской власти всегда на подхвате оказывались люди из группы риска, безыдейные, аполитичные.. Сначала рентгенолог Катенька Закадычная адресовала свои доносы на врачей прямо в органы. Но после того, как капитан Колокольцев строго выговорил ей за её клеветнические заявления, она стала снабжать своими “докладными записками” Инну Матвеевну Горбанюк, теперь уже заведующую отделом кадров управления облздрава, и та наставляла её: “Вот об этом вы мне всё подробненько, очень подробненько напишите. <...> Что один сказал, что другой ему ответил, весь разговор, слово за словом”. О том, какой размах обрела деятельность закадычных, хорошо знал адмирал Степанов. Словно нарочно, вспоминал он, перед войной истреблялись люди на флотах — от Амурской военной флотилии до Балтийского флота. Жертвами доносов стали сотни, если не тысячи военачальников. Его самого тоже должны были арестовать, но спас случай. А потом всё-таки нашли и расстреляли доносчика, который оклеветал целые группы военных моряков.По количеству душераздирающих, трагических событий и сломанных судеб роман Ю.Германа не уступает ни роману А.Солженицына «В круге первом», ни “синопсису” В.Аксёнова «Московская сага»:

“В ноябре 1937 года, под праздник, явились три человека и арестовали и отца, и мать Вагаршака. Они арестовали этих двух самых лучших людей и расстреляли. Мы остались вдвоём с моим мальчиком. Его исключили из института, меня из партии. Я не отмежевалась, он тоже. Меня выгнали с работы. Мальчик пошёл в грузчики. <...> Я хотела, чтобы он был коммунистом, как его отец. Я знала и знаю, Володя [Устименко, сквозной герой трилогии. – В.Е.], какие бы беды на нас ни обрушились, – мы коммунисты и коммунистами умрём. Я была дружна с прекрасными людьми, и они все были коммунистами. <...> Мы ошибались и не понимали, мы путали и не знали, кого винить, но я не могла, чтобы мой мальчик возненавидел то, ради чего и чем жили его отец и мать, ради чего погиб на царской каторге его дед”.

Жертвами беспощадной “холодной войны” можно считать и тех замороченных следователей, которые искренне верили, что если человек арестован и обвинён, значит он и есть враг народа. Выразительно выписан, например, образ майора Ожогина. После допроса Аглаи Петровны, которая назвала его врагом народа, скрывающимся за погонами советского офицера, его трясло от обиды и возмущения. Вошедшие сержанты увидели, что он плачет: “Одна слеза текла по его бледной щеке, и, стуча зубами о край стакана, разливая воду, он говорил:

– Никаких нервов не хватит. Понимаешь – “враг народа”, так и режет. Это я-то враг народа. У меня и контузии, и ранения, я на мине подорванный, я...”.

Откуда ему было знать, что по возвращении с фронта ему ещё не раз доведётся подрываться на минах, которые неутомимо закладывали затаившиеся ”под забралом” враги!

В романе Василия Белова «Кануны» мы читаем о том, к чему приводили левацкие перегибы троцкистов в деревне. В главных командирах Шибанихи — председателем сельсовета и одновременно председателем ТОЗа — накануне коллективизации оказался Колька Микулин, по-деревенски Микулёнок, который за самогоном к бабке Тане может сбегать и сам, а вот беготню по деревням с целью установления налога передоверил такому же, как он сам, “активисту” Игнахе Сопронову. Если Микулёнок и его дружок Петька Гирин, по прозвищу Штырь, – просто шалопаи, которые то тут, то там всплывают на мутной волне политического раздрая и прилипают к властным рычагам, то Сопронов стоит того, чтобы к нему присмотреться повнимательнее, потому что “кануны”, по названию романа, – это кануны не только коллективизации, но и массовых политических доносов, и к этому гнусному делу, по свидетельству В.Белова, приложил руку выходец из трудового крестьянства. Не успели коммунисты освободить его от обязанностей секретаря ячейки, как он тут же садится строчить донос в уездный комитет партии: “довожу до сведения о контрреволюции в Ольховском ВИКе и всей нашей волости, как во-первых о председателе Лузине и протчих членах ячейки”. А после того как секретарь укома Ерохин вообще отобрал у Игнахи партбилет, он пишет анонимки и на Петьку Гирина, и на односельчан стариков, которые выпороли его шкодливого братца Сёмку, и на бывшего помещика Прозорова, вступившегося за трудолюбивого крестьянина Павла Рогова... И вот такого прохиндея Микулёнок поставил прдседателем сельской установочной комиссии по налогу. Пришло, пишет Белов, его, Игнахино время: “Он ничего не прощал людям, он видел в них только врагов...”.

Как такое могло произойти? Кто замутил воду до такой степени, что время коллективизации и первых советских пятилеток спустя десятилетия нам всё ещё преподносится как однозначно “окаянное”? Писатель не оставляет нас без ответа. Секретарь Вологодского губкома Иван Михайлович Шумилов был потомственным речником из Великого Устюга. Это был коммунист с дореволюционным партийным стажем. Он ещё в 1905 году возглавил выступление рабочих против самодержавия. И вот теперь, читаем в романе Белова, он впервые задумался о непонятных решениях, которые принимались наверху. Например, закоренелого троцкиста-перегибщика заведующего губпланом Михаила Бека дважды исключали из партии, а приехавшая контрольная комиссия его вновь восстановила – “ и он снова шумит в Вологде и мутит воду, где только может”. А мы с вами ломаем голову над поведением Микулёнка и Сопронова и клянём во всех грехах большевиков! Дорвавшись до власти, Игнаха облагает непомерным налогом односельчан. В Шибанихе началась суматоха. “Шутка сказать, – возмущается Павел Рогов, – двести рублей! За рожь закупочная цена нету и двух рублей, выходит, надо продать больше ста пудов ржи, чтобы заплатить один только налог. А её и всего обмолотится не больше шестидесяти. На всё: и на кормёжку, и на семена, и на продажу”.

Почему же так распоясался Сопронов? Да потому, читаем в «Канунах», что такие перекосы поощрялись кем-то наверху: “Иван Михайлович невольно сопоставлял всё это с общей тенденцией, с общей атмосферой тех директив, которые поступали из центра за последнее время. Тенденция же была явно с уклоном влево. Постоянно подчёркивается важность работы с беднотой, требования дифференцированного отношения к крестьянству становятся всё радикальней”. Таким образом, Белов рассказал об острой внутрипартийной борьбе, на фоне которой разворачивались события местного значения в отдалённой северной деревушке накануне коллективизации. Более того, он сделал попытку сказать о Сталине то, в чём даже сегодня мы не всегда отдаём себе отчёт: именно Сталин вместе с политбюро ЦК противостоял левацким перегибам троцкистов, в результате которых у руководства сельских советов и партийных ячеек оказывались микулёнки, штыри и сопроновы.[14] (Алёна Ивановна, судя по заключительной части четвёртой книги «Саги», об этом, конечно же, понятия не имела. Хотя и общалась с бригадой шахтёров, в которой до ухода на фронт работал Никита...)

Другим примером разработки темы “холодной войны” в новейшей литературе является повесть Сергея Антонова «Овраги». В деревне Сядемка готовится антисоветский мятеж. Тут есть и свои половцевы с лятьевскими, которым противостоит “тысячник” Платонов. Есть и свой островнов по имени Пётр Алёхин. В отличие от шолоховского романа, положение в Сядемке усугубляется тем, что статья Сталина «Головокружение от успехов» ещё не дошла до этой глухомани, и враги пользуются этим. Алёхин, например, продолжает подогревать недовольство односельчан,

раскулачивая середняков, а укрывшиеся за спиной таких, как он, "активистов" заговорщики продолжают морочить мужиков. "Мы здесь не для того, – говорят они, – чтобы свергать власть рабочих и крестьян, а для того, чтобы вырвать крестьянство из сталинского крепостного права... привести в жизнь золотые слова товарища Ленина: "Пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь". Не все, однако, присутствующие на этом тайном собрании верят елейным речам подстрекателей. "Начинается с вольного труда, – думает Макун, слушая заезжего агитатора, – а кончается кровушкой". И кровушки в Сядемке, действительно, хватает: убивают первого председателя колхоза Шевырдяева, расправляются с Макуном, во время проводимого Алёхиным "раскулачивания" — этот "активист" на самом деле является отделенным командиром боевиков у заговорщиков — кончает жизнь самоубийством жена Чугуева, а вечером того же дня, накануне антисоветского выступления, сын председателя Митя находит в дверях записку с угрозой отцу: "Уматывай отсюда, рыжая сука, не то останется твой щенок круглым сиротой".

Мальчик остался-таки сиротой. О судьбе Мити Платонова — сквозного персонажа из небольшой трилогии Антонова «Царский двугривенный», «Овраги» и «Васька» – и чугуевской дочери, комсомольцах 1930-х, вспоминаешь, читая у Яхиной о расставании Зулейхи с сыном. Случайная перекличка имён напомнила ещё об одном "Ваське", беспризорнике-приблудыше из второго романа Яхиной «Дети мои», будущем Василии Васильевиче Волгине, преподававшем после пединститута в школе немецкий язык... Так, в один ряд выстраиваются осиротевшие, но не брошенные на произвол судьбы сын "тысячника" Платонова, дочь по навету раскулаченных Чугуевых, усыновлённый Вихровым мальчик из «Русского леса» Леонова, беспризорник из второго романа Яхиной и – усыновлённый Иваном Игнатовым сын Зулейхи из её громкой дебютной новинки... Контуры такого контекста новейшей и современнй литературы подсказывает память при чтении о судьбе юного Егора Кузнецова в четвёртой книге «Кузбасской саги»... Что ж, и такого слова, как бы трагично оно ни прозвучало, из песни, как говорится, не выкинешь: случалось, очевидно, и такое...

Трагична судьба и раскулаченного в результате вражеских провокаций середняка Тихомирова (вижу, вижу, что затягиваю своё сочинение в ущерб упомянутой Гвоздковой "компактности", но как иначе устранить допущенной ею перекос в представлении читателю литературы советского периода?). Работая на железной дороге, он первым из сядемцев узнаёт о сталинской статье. Оказывается, открывается ему, его раскулачили вопреки установке из центра "огулом не раскулачивать". Оказывается, он никакой не кулак, а самый безгрешный середняк. И он, нарушив подписку о невыезде, возвращается в Сядемку в самый разгар антисоветского мятежа — и его снова арестовывают, теперь уже за нарушение подписки (Алёне Ивановне, как и сядемцам, простительно было не знать об этом...)

Мы могли бы усомниться в достоверности того, о чём рассказали нам советские писатели. Но после Солженицына и Войновича как не обратить внимание на то, что на январском 1938-го года пленуме ЦК ВКП(б) говорили о необходимости разоблачать "искусно замаскированного врага, старающегося замаскировать свою враждебность и сохраниться в партии"? Не будь «Чонкина», разве стали бы мы сегодня верить призывам Сталина не допустить, чтобы враги "путём проведения мер репрессий смогли перебить наши большевистские кадры", а также на его призывы разоблачать "карьеристов – коммунистов, стремящихся отличиться на репрессиях"?

Здесь будет кстати открыть на одной из заключительных страниц второй роман Яхиной, где она вплотную подводит читателя к теме "холодной войны". Там речь как раз идёт о чистке парт-, сов- и хозаппарата от внутренних и внешних врагов, а также от тех бывших соратников, кто выдохся и был уже готов пополнить собой ряды перерожденцев. "Никто – ни сам вождь, ни Ежов – не отдавал распоряжения, – читаем в романе «Дети мои», – о переходе к "альбомному" принципу в немецкой операции: система сделала это сама, в порядке инициативы снизу. Это беспокоило вождя. Как и маниакальная ретивость, развившаяся в последние месяцы на местах: выписанные лимиты на чистку по национальной линии постоянно превышались, местные НКВД жадно требовали их увеличения; самовольно расширяли перечень подлежащих проверке контингентов; фальсифицировали документы, заключая под стражу и выдавая за националистов другие контингенты (трудпоселенцев и бывших зека); самостийно, безо всяких приказов сверху, начали две национальные операции, изначально не предусмотренные в генплане: финскую в Ленобласти и Карелии и румынскую на Украине... ". И далее Гузель Яхина ставит вопросы, предлагая, как в популярных сегодня тестах, варианты ответов: "Что это было? Кадровый застой и массовое оглупление, оборачивающее служебное рвение в ложь и самодурство? Грызня за власть на местах незаметно расшатавшая систему снизу и чреватая выходом из-под контроля?"

Над «Чонкиным» Войнович начал работать спустя всего пять лет после того, как Солженицын завершил работу над романом «В круге первом». Первая книга романа была опубликована за рубежом в 1975-ом, вторая — в 1979-ом. Признаюсь, что читать третью часть «Чонкина» я уже не стал. Поэтому предлагаю читателю то, что вычитал сообразно интересующему нас предмету из второй.

Здесь писатель познакомил нас с Игорем Максимовичем Запятаевым. И вот что последний поведал о себе Чонкину, а заодно и читателю. Родился и вырос он в Петербурге, в не очень знатной, но вполне состоятельной дворянской семье. В белогвардейской армии Врангеля воевал против красных в чине подпоручика. Когда те бежали за границу, он остался, чтобы продолжать борьбу с Советской властью (Таких оставшихся, по Скоркину, было четыре тысячи). Добрался до Москвы и выдал там себя за рабочего человека. Подрывную работу начал с того, что оклеветал известного большевика, героя Гражданской войны; того арестовали. Воодушевлённый успешным началом, стал строчить доносы на активных большевиков, командиров Красной Армии, талантливых учёных, писателей, художников, артистов и партийных работников.

"Я знаю, – разоткровенничался Запятаев, – я не один. Таких, как я, – вторит он герою Солженицына, – много. Они везде. Днём и ночью, все вместе и каждый по отдельности, они делают своё дело, и они непобедимы, потому что никто из них никогда, ни при каких обстоятельствах не должен раскрываться".

Своеобразным мостиком к разговору о контексте постсоветской литературы мне представляется рассказ Михаила Бутова «Известь», который был опубликован в журнале «Новый мир» в первой половине 1990-х. В отличие от Запятаева, его герои, сражаясь на фронтах с красными, не держат камня за пазухой и на "окаянные дни" они смотрят иначе, чем тогдашний Бунин: прапорщика Константинова приводит в смятение мысль о своей виновности и возможном разрыве с родными братьями, оставшимися в советской Москве: "Я боюсь не беспомощности. Но бесполезности, понимаете? <...> Мы же никому не нужны. Откуда я знаю, что мои братья не отвернутся от меня просто за то, что я был здесь и делал, что делал?" Таким, кстати, в чём-то похожим на прапорщика Константинова, воссоздан в документальном романе «Зимняя дорога» образ "мужицкого генерала" Пепеляева.

В заключительной части этого романа Юзефович рассказывает о гибели и белого генерала, и преследовавшего его по зимней дороге красного командира. Как это понимать? Если со Стродом после Солженицына с Войновичем вопросов не возникает, то как объяснить расправу над Пепеляевым? Чем он-то был неугоден запятаевым? Ну, хотел, в отличие от дяди Авенира, стать школьным учителем, чтобы избавиться от гнетущего чувства своей бесполезности, непригодности к новой жизни у себя на Родине... А что ещё, что влекло бы за собой такую жестокую кару со стороны его бывших соратников? Месть и зависть, как у Шукшина в финале его «Калины красной»? Захар Прилепин, например, полагает, что не только Строд, но и Пепеляев был человеком левых убеждений.[15] Откроем ещё раз соответствующие страницы книги-контекста для «Кубасской саги» Павлова. Левые убеждения не были случайностью: его дед по отцу, сообщает нам Юзефович, происходил из "солдатских детей", а мать была купеческой дочерью. То есть дворянином белогвардейский генерал-лейтенант был новоиспечённым.

Не случайным было и прозвище "мужицкого генерала", как презрительно отзывались о нём потенциальные запятаевы: служа под началом Колчака, он предложил тому объявить, что в случае их победы земля в России будет принадлежать без всякого выкупа тем, кто на ней трудится. Будучи потомственным военным (его отец дослужился до генерал-майора), он требовал, чтобы семьям призванных в армию выплачивались деньги, за убитых назначали пенсии, а по ранению – пособия. Пепеляев также требовал устранить ценз при производстве солдат в офицеры. Ну, а о том, что он записывал в своём дневнике, могли знать запятаевы, в поте лица "сотрудничавшие" в органах госбезопасности:

"Я не партийный, даже не знаю, правый или левый. Я хочу добра и счастья народу. < ... > Я ненавижу рутину, бюрократизм, крепостничество, помещиков и людей, примазавшихся к революции, либералов. Ненавижу штабы, генштабы, ревкомы. < ... > Не люблю буржуев. Какого политустройства хочу? Не знаю... ".

В не менее громко прозвучавшем вслед за книгой Юзефовича романе Яхиной исходным идеологическим трамплином мог быть тот же замшелый стереотип о том, как революции, мол, пожирают своих детей. Но если бы дело только этим и ограничилось, то при всёх литературных достоинствах (не случайно отрывки из второго её романа были использованы для Тотального диктанта) такое тиражирование сомнительной идеи вряд ли было бы отнесено к оригинальным решениям этой серьёзной проблемы. Автор «Зулейхи», если не втискивать этот замечательный дебют в прокрустово ложе так называемых "женских романов" (вряд ли кто решится на такой фокус, например, с горьковской «Матерью»!), сумела-таки выйти за рамки либерального толка лекал. Она не ограничилась выразительным эпизодом расправы над героями Гражданской войны в послевоенной Казани и в далёком сибирском спецпоселении. Крестный путь Ивана Игнатова шаг за шагом открывает нам глаза на непримиримую "холодную гражданскую", которую предвидел и к которой призывал несчастный Пепеляев, когда терпел поражения на фронтах "горячей" под натиском Красной Армии.

«Зулейха» открывает нам глаза не только на результаты закулисной деятельности запятаевых, закадычных и прочих авениров. Финал у неё прочитывается иначе, чем у Юзефовича: с одной стороны, мы видим исполнителей вывернутых наизнанку политических репрессий, а с другой – открывавшуюся перспективу жизни в Стране Советов для усыновлённого героем Гражданской войны юноши, сына Зулейхи. А это уже шаг вперёд – к оптимистическому контексту нашей новейшей литературы.

Итак, контекст новейшееей и современной литературы помогает нам найти ответ на вопрос, над которым у Галины Николаевой ломала голову Тина Карамыш: в один ряд с её оклеветанным отцом встают такие жертвы "холодной войны", как сотрудник НКВД Кузнецов из «Кузбасской саги», Строд из «Зимней дороги» и Иван Игнатов со своим боевым товарищем из «Зулейхи». У Павло-

ва все злоключения семьи Кузнецовых фокусируются вокруг образа "подлеца" Кутько. Отдавая дань заезженному стереотипу, автор «Саги», однако, выходит за рамки этого штампа, эпизодически представляя читателю образы – в принципе не приемлемый для либеральных литераторов ракурс! – п о л о ж и т е л ь н ы х энкавэдэшников: на таких он, например, дважды выводит Никиту Кузнезцова, от такого же вполне порядочного стража порядка выслушивает нескрываемое неодобрение Кутько: "Вы всегда, Богданов, думаете о людях только плохо? Наверное, за это вы и пострадали в своё время, а никаких выводов для себя не сделали". Тут уж Павлов выводит читателя на тему милосердия, прозвучавшую в новейшей литературе в таких, например произведениях, как повести «Испытательный срок» и «Жестокость» Павла Нилина или экранизированная с участием Высоцкого и Конкина «Эра милосердия» Вайнеров, не говоря о том, что это была одна из магистральных тем в советской литературе.

Я долго ломал голову над образом "подлеца" Кутько. Стал методом исключения отсекать не соответствующие ему аналогии: шалопаем, подобным Микулёнку и Штырю, он не был, но вот донос на Кузнецова, как Сапронов, написал... Ни карьеристом, как непосредственный начальник Игнатова Зиновий из «Зулейхи» или Ассикритов из романа Владимира Дудинцева «Белые одежды», ни вообще перевёртышем из материальных соображений он тоже не был, но вот Кузнецовых маниакально преследовал... Троцкистом-перегибщиком Кутько тоже не был, а тем, что рубил "контру" с плеча, он напомнил мне шолоховского Нагульнова; но рядом с тем были сдерживающие его "р-р-революционные" порывы Давыдов с Размётновым, а у Кутько – не повезло! – в близком окружении такого не просматривается... Не найдя для этого образа соответствующего контекста в новейшей, я обратился к литературе нового периода... В компаньоны "подлецу" Чичикову он явно не подходил, а вот с образом Раскольникова у них нечто общее просматривалось... Ну, конечно! Та же порочная идея, которая извратила все их представления о справедливости: ах, мол, вы так, сволочи! Ну. так я вам покажу!..

У Достоевского о восстанавлении погибшего человека говорится в пяти из шести частей «Преступления и наказания». Мало того, он собирался продолжить рассказ о воскрешении своего героя, чтобы и самые из нас, читателей, недогадливые поняли наконец, что и перед лицом бесчеловечности надо оставаться людьми! С Кутько такого просветления, к сожалению, не произошло... Даже Сони Мармеладовой рядом не оказалось...Что ж, бывает... На то и писатели, чтоб напоминать нам об этом.

:У Скоркина в названной выше монографии есть относящаяся к нашему разговору о Кутько информация. Во-первых, он со знанием дела констатирует, что "советские органы НКВД и ВЧК – это государственные органы власти, а не преступные шайки криминального мира. < ... > Это была грубая, несовершенная, малокультурная и жестокая власть. < ... > Она была искренней, честной и справедливой ". Во-вторых, он напоминает нам, что и в современном обществе "нередко встречаются люди бесчестные, циничные, жестокие и даже с патологическими наклонностями". И далее: "Неизбежно на гребне революционной волны в органы власти попадали и негодные, преступные элементы. В органах ЧК такого "брака" было очень мало". Но было. Слова из песни не выкинешь...

Мы не знаем, о чём пишет сегодня автор «Кузбасской саги». Но нам известен в общих чертах контекст отечественной литературы для этого впечатляющего художественного полотна. Это не тот случай, когда раму для будущей картины не готовят загодя: четыре пятых её содержания нам уже представлено. Людмила Ходанен, повторюсь, уже после первой книги предсказала: "В развитии литературы Кузбасса роман должен занять достойное место". После четвёртой части осмелюсь предположить, что не менее достойное место этому сказанию о Земле Кузнецкой уготовано и в общенациональном движении нашей изящной словесности.

Поживём – увидим...

18 июня 2019 г.
г. Прокопьевск

[1] Я цитирую Трифонова в статье «Востребованная классика». – Еженедельник «Литературная Россия», 2015, № 44.

[2] В.Елатов. Писатель о войне. – Кемерово, еженедельник «Земляки». 2004.

[3] В.Елатов. На урок к Маяковскому. – Журнал «Огни Кузбасса», 2018, № 5.

[4] Попов П. Сага о Кузбассе. – Беловский вестник, 2012, 23 марта.

5 Сорокин М.Е. Когда страницы манят к себе. – Павлов С.М. Кузбасская сага.Книга 2. Пленники Маньчжурии. – Кемерово, Кузбассвузиздат, 2011. Стр. 465 – 468.

[6] Гвоздкова Л.И. Трагедия семьи – трагедия народа. – Павлов С.М. Кузбасская сага. Кн. 3. Хроника окаянного времени. Кемерово, Кузбассвузиздат. 2014. Стр. 473 – 477.

[7] Из послесловия Гвоздковой: "В художественных произведениях XX века крестьянин-середняк, коим в данном романе является Георгий Кузнецов, как правило, представал перед читателем как человек, тяготеющий к частной собственности больше, чем к традиционным нравственным ценностям отцов и дедов, ради которой он мог пойти даже на преступление. Близким же большевистской идеологии оставался крестьянин-бедняк. Именно на таких образах воспитывалась советская молодёжь ".

[8] Скоркин К.В. На страже завоеваний Революции. История НКВД – ВЧК – ГПУ РСФСР. 1917 – 1923. Монография. Москва, ВивидАрт, 2011.

[9] Цитируется по: Станислав Куняев. "Вставай, страна огромная...". Великая поэзия великой войны. – Журнал «Наш современник», 2015, № 11..

[10] Ходанен Л.А. Мир входящему... (О новом романе Сергея Павлова.) – Павлов С.М. Кузбасская сага. Книга 1. – Кемерово, Кузбассвузиздат, 2008. Стр. 481 – 483.

[11] Ащеулова И.В. Отсылает к классическим образцам русской литратуры. (О романе С.Павлова «Пленники Маньчжурии». Кузбасская сага. Книга 2. – Журнал «Огни Кузбасса», 2012, № 2.

[12] Евгений Чириков. Триумф и трагедия лауреатов. – «Огни Кузбасса», 2019, № 2.

[13] 5 июня 2019 года учреждена премия в области литературной критики «Неистовый Виссарион».

[14] См. ссылку 7.

[15] Свободная Пресса. Ежедневное общественно-политическое интернет-издание. Шеф-редактор Захар Прилепин. 21 октября 2016.

Цикл «История N-ого человека»

Алый цвет

Алая, давно прочтённая книга,
Но хрупкий бокал, белая роза,
Сердце, вспышка, одна сотая мига,
Температура плавления, боязнь мороза.

Пламя и ветер, спирали новый виток,
Вперёд и вверх, но крылья из воска,
Асфальт и след мелового наброска,
Пропасть надежды, но веры прыжок.

Полёт, падение, приземление,
На коленях, на безнадёжное дно,
Сгоревший цветок, разбитое стекло,
Капает таявший воск, углей тление,
Раскрыты глаза, но слепого прозрение...

Взгляд

Линзы в асфальт и бьётся хрусталь,
В обломках - отражение дальних огней,
Механический стук, надёжная сталь.
Серый взгляд кем-то разбитых фонарей...

Взгляд вверх, и видно уж новую цель,
Безнадёжное дно - точка нового взлёта,
Будние дни - ограничений тоннель,
Сломавший свои крылья ломает полёты.

Крик: невозможно! Бескрылый полёт,
Восторг, вера в себя полна чудесами,
Нет крыльев, и воск не расплавит пламя,
Но остыл и горечью сладок скептика мёд.

***

Воспоминания - письма из прошлого,
Черно-белая плёнка, немое кино.
Словно кошмар, ничего хорошего,
Прыжок в распахнутое настежь окно,

В сгоревшие снимки, стены системы,
В тусклое небо многоэтажных домов,
В гордое счастье, не преклоняя колено,
Закрыта алая дверь, разочарованье - засов.

Прекрасный закат, усмешка, отрицание,
Живому сердцу - холодный расчёт,
За настоящее - прошлому счёт!
Неизбежность, принятие, ожидание...

Второе дыхание

Молчание звёзд в перестрелке огней,
Холод и тьма тет-а-тет здесь, с тобою,
Погибший амур, алый цвет «белых» ночей,
Песня порванных струн под бледной луною.

Жестокая рана и слепо-видящие глаза,
Злая ирония - чья-то шутка снова былью.
Манящий свист ветра и снова гроза,
Серое небо в окно беззвёздною пылью.

Виктор БАБАРЫКИН

ученик 10 класса
МБ НОУ «Лицей № 11»
г. Новокузнецка.

Тихо тлеет фитиль, взрывное молчание,
Шаг с крыши, но сзади за плечи две руки.
Пустые легкие перед глазами алые круги,
Выстрел картечью в упор и второе дыхание!

Новое Время

Взгляд вниз, и незаметна подмена!
Влюблённый без сердца с серенадой,
Забыта классика, ничтожны перемены,
Амур с винтовкой, голубь с гранатой!

Большой брат, конечно, следит за тобой,
Свобода - иллюзия, влюблённость - капкан,
Жизнь - вечная погоня за падающей звездой,
Чёрное в белое. Новая мода - старый канкан.

Промчался ураган с горящего горизонта.
Сорваны крыши, вырваны с корнем деревья,
Разорван белоснежный фюзеляж самолёта,
От птиц перелётных остались
прощальные перья...

Новый Путь

В мимолётном миге момента мгновения
Ослепительна белого света белизна,
Иллюзия обмана в зеркал отражении -
Алые линзы в посеревшие чьи-то глаза.

Алый в чёрный, часы, череп и алая роза,
Тёмное небо, сверкают бриллианты,
Влюблённых сокровища - скептиков грёзы!
Внизу пыль, да тусклый блеск аксельбантов.

На пыльных пейзажах кирпичные склепы,
Взгляд вниз, взгляд вверх новые звезды
Бесплодны молитвы - опустевшее небо,
Что делать?
Верить в себя,
держаться за воздух!

Взгляд на свои глаза

«Объективное
понимание реальности невозможно»
Агностицизм.

Серые стены, злые тени - калейдоскоп.
Серое небо на голову кирпичом и злобой,
Сквозь пальцы непрозрачный поток,
В никуда то каплей, то огромной рекой.

«Правильный взгляд» лживого глаза,
Несогласие, доводы, выводы, споры,
Нигилизм в скептицизм, «так нельзя»,
Сомнение, философия скептика, ссоры,

Неправда в проекциях, ошибки системы,
Нейтралитет мира, но мы ходим строем.
Не в мире, но в наших умах серые стены,
Ломая судьбы, ломая жизни, их строим.

Нина СТРУЦ

Весенние каникулы

Весна в Сибири с ветерком,
Но с солнечными бликами.
Покрылись улицы ледком,
И начались каникулы!

Сказала бабушка:
«Весной - зачем зевать от скуки?
Что ж собирайтесь! Вы со мной,
В кино идете, внуки!»

Нам разве дома усидеть?
На улице – проталинки!
Хотите фильмы посмотреть?
Возьмем и самых маленьких!

Летал по классу ветерок,
А главное – все вместе мы!
И улыбнулся педагог:
«Хотите в путешествие?»

Зимой все били, как один,
Послушны и внимательны.
Центр мы сегодня посетим,
Торгово – развлекательный.

Здесь развлечений – целый парк!
Занятные игрушки.
И есть контактный зоопарк
В нем – добрые зверушки.

Куда не глянь – сплошной соблазн:
Конфеты, шоколадки.
И разбегаются глаза:
Вот детские площадки.

Смех, увлечение, игра!
Беда вошла незримо:
Развеселилась детвора,
Но вдруг запахло дымом.

Ребят сомненья не берут,
Ни страх, и не усталость,
Откуда дыму взяться тут?
Нам, верно, показалось!

И незачем пугаться нам –
Ведь здание проверено?
Но дым летел по этажам,
Нахально и уверенно.

Уже не дым ползет, а чад,
Пространство заполняет,
Хватает бабушка внучат:
Куда бежать – не знает.
Тревожен взгляд из-под очков:
Еще в спасенье веря,
Учитель звал учеников,
Но ... заперты все двери!

Да что на помощь не идет
Пожарная бригада?
Никто нас, видно, не спасет,
Из огненного ада!

Да, помощи все нет, как нет,
Напрасны ожидания!
Вот так и наступил момент,
Последнего дыхания.
И легкие заполнил дым:
Сквозь ужас умирания
Сумели передать родным,
Прощальные послания.

«Смертельным был поход в кино
Нам в мире не остаться,
Теперь мы можем лишь одно:
С друзьями попрощаться.

Не думали о смерти мы,
Мечтали и дружили,
И заклинаем вас из тьмы:
Нас помните! Мы жили!

Апрель настанет не для нас,
Нам не увидеть мая,
Как горек он – последний час!
Прощайте! Умираем!»

У центра сложен монумент.
Идут теледебаты,
Главу склоняет президент,
Все ищут виноватых.

Кто и кого приговорит,
А кто остался в вечности?
По ком там колокол звонит?
По детям человеческим.

Заметки огородного чучела, написанные на капустном листе

Яблоня

Весна за непогоду не в ответе,
Но яблоню шальной ломает ветер,
Не пощадив белеющих цветов.
А веточка бела и безмятежна,
Не ведает, что гибель неизбежна,
И яблоня уже не даст плодов.

Слива

Весной шипы и сплетни ядовиты:
«Южанки не бывают плодовиты!»
- Так сорняки поспешны на суды:
Твердят: «не ждите вы плодов от сливы:
Красотки своенравны и спесивы»!
Но слива осенью дала плоды!

Тыква

Не жду подарков я от крестной - феи,
На бал поехать без нее сумею:
Возьму я тыкву – вот моя карета!
Но улыбнулась тыква из-за колышка
И говорит ехидно: «Ты – не Золушка,
Не жди веселья на исходе лета».

Кочан капусты

Куда стремиться кочану капусты?
Весь путь его - от грядки до закуски.
Но непокорна юная рассада:
Упорно не желает завиваться

Она мечтает до небес добраться:
Все ввысь растет – хозяйке на досаду.
Стремилась зелень к солнышку и свету,
Но коротко в Сибири нашей лето.

Монолог прадедушки Мороза

Нарядные витрины светят ярко,
Но холода идут – напрасны жалобы,
Вы не дождетесь от зимы подарков:
Прадедушка мороз в Сибирь пожаловал.

Нахмурил брови грозно и сурово -
Мол, заняты все суетой докучной ...
Задумался старик и молвил слово:
«Живете бесполезно вы и скучно!

Мир погружу я в хаос и потемки,
В воротники упрятали вы рожи?
Сибиряков негодные потомки,
На славных предков вовсе не похожи.
Вам только по мобильникам названивать!
Забыли вы предания старинные.
И вы сибиряки? Одно название!
В морозы выживают только сильные.

Вы – северяне «комнатной породы».
В своих домах развесили вы блестки.
Вы - горожане - пасынки природы.
Ну, кто придумал сказку о Морозке?

Как вы живете и чему вы верите?
Мороз помиловал сиротку жалкую?
Девченка глупая спаслась от смерти,
И возвратилась из лесу с подарками?

В мой лес не суйтесь! Мигом заморожу:
Судьба сирот предрешена заранее:
Счастливого финала быть не может,
Природе незнакомо сострадание.

А счастья ждать – нелепая ошибка!»
В библиотеке распахнулись двери:
Девчушка вышла с книжкой и с улыбкой:
Она еще в добро и в сказки верит.

Взглянула на осинки и березки,
И весело затопала по лестнице,
Понравилась ей сказка о Морозке:
Мороз ведь наградил ее ровесницу.

Осень загостилась

В Сибири нынче осень загостилась,
Тепло и свет дарованы, как милость.

Привычным золотом берез оделись ветки,
На синем фоне – алые ранетки.

И размышления о вечном навевая,
Царит над миром синева густая.

Не осень, а сплошная благодать.
Зачем она? Чтоб урожай собрать?

Иль от порога отчего жилища,
Найти тропинку к старому кладбищу.

Прибрать до снега бедные могилы,
Пока есть время, и хватает силы.

И размышлять на брошенном погосте:
«Друзья! Вы дома, я пришла к вам в гости».

Иль не тревожить призраков родных,
Пока не поздно – думать о живых.

А может, под осенним небом звездным,
Подумать о душе – пока не поздно?

Сон о дожде

Дождь не пришел, он лишь приснился:
Гуляли тучи высоко.
Илья – пророк на колеснице,
Промчался слишком далеко.

Запахло в воздухе озоном,
Во сне, как будто наяву,
Хлестали струи по газонам,
Вонзались весело в траву.

Столб пыли мчится вдоль оврага,
(Овраг крапивою зарос),
И удивленная дворняга
По ветру держит влажный нос.

С черемухи упала ветка,
Цветущих лилий не щадя,
И по двору бежит соседка,
Белье спасая от дождя.

Но дождь не шел – он только снился
Над городом – июньский зной,
Гром в темном небе заблудился,
Гроза промчалась стороной.

Бурундук

Тайга теряла свой нарядный глянец;
Рассвет белел туманом у реки;
И лето, как веселый новобранец,
Догуливало вольные деньки.

Да, теплых дней прошло уже немало:
В лесах снуют бурундуки и белки.
Пока зима зверушек не застала,
Припасы делает народец мелкий.

Запасы собраны до половины,
Но ждут бурундука заботы новые.
Все есть: грибы, смородина, малина.
Орешки на зиму нужны кедровые.

Отправился на дело спозаранку,
Едва поднялся утренний туман.
Он разыскал заветную полянку,
Где кедр стоял – таежный великан.
Но высота зверушку не пугает.
Он знает – там орехи поспевают.

Как шелестят осины и березки!
И парашютом хвостик на ветру.
В траве мелькнули черные полоски;
Вот коготки впиваются в кору.

Прилипла к шерстке желтая смола,
Едва достиг он кедра половины,
И колит лапки хвойная игла,
Еще скачек! И вот она – вершина.

Досталось «на орехи», но с трудом,
Но не страшны теперь морозы, вьюги.
Ждет сытая зима, и полный дом,
И теплый бок молоденькой подруги.

Довольный, он к норе спешит, под куст.
И тут же замирает на бегу:
Он слышит птичий крик, и веток хруст.
Понятно: человек зашел в тайгу.

Да, человек! Голодный шел и злой,
Нес перегар, и резкий запах дыма.
Да кто он был? Среди своих - изгой.
Недобрый гость! Скорей прошел бы мимо!

Но отыскал бродяга кладовые,
Грибы и шишки запихал в карманы
(Что за беда - свои или чужие?)
А у зверушки рухнули все планы.

Что чувствовал несчастный бурундук?
И как свое добро он защищал?
То молнией носился он вокруг,
Метался по ветвям... То верещал.
Не каждому дано снести обиду,
Но разве зверь способен к суициду?

А смерть приходит буднично и просто,
Хотя без боли все же не бывает;
Зверь отыскал сучок - большой и острый
На нем кровавой тушкой повисает.
В бурьяне кровь бурундука алела
И равнодушная тайга шумела.

Но не дошел до города бродяга,
И вынесла тайга свой приговор:
Смерть поджидала около оврага –
Медведь был и судья, и прокурор.
Что ж не дала природа адвоката? -
Не человек – судьбина виновата!

Его судьба лихая порешила–
Бродяге ударяла кровь в виски,
Он чувствовал, как разрывалась жила,
Как плоть терзали острые клыки.

Так дожил до последнего он часа.
Кровь из аорты алым бьет фонтаном,
(Что люди для медведей? Просто мясо),
Белели кости из открытой раны.
И воронья над ним кружилась стая,
Вот такова цепочка пищевая.
Молчит тайга. Сказать осталось малость:
Бурундучат тайга не досчиталась.
Подумайте, кого вам больше жаль.
Но где тайга, там ни к чему мораль.

Литературное объединение ЛиТерра большое!

Нам пять лет!

Пять лет назад в январе состоялось первое занятие литературного объединения ЛиТерра. За прошедшие годы мы прошли долгий плодотворный путь. Первые занятия посещало 3 человека, известные в городе литераторы.

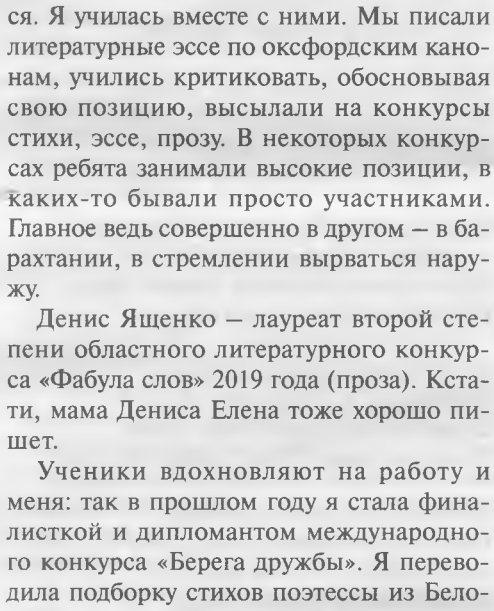
Дальше все пошло по другому сценарию, прибывала свежая кровь, и ручеек ее разрастался. В ЛиТерру вливались талантливые авторы, желающие заявить о себе.

Произошло так, что я стала вести юношескую студию, которой дали имя «Я-автор». Студия полностью посвятила своё время литературной учебе. Школьники, которые приходили, уносили с собой целый багаж знаний об основах литературного мастерства (во всяком случае хочется думать, что я оказалась полезной). Мне приходилось самой постоянно развиваться. Я училась вместе с ними. Мы писали литературные эссе по оксфордским канонам, учились критиковать, обосновывая свою позицию, высылали на конкурсы стихи, эссе, прозу. В некоторых конкурсах ребята занимали высокие позиции, в каких-то бывали просто участниками. Главное ведь совершенно в другом – в барахтании, в стремлении вырваться наружу.

Денис Ященко – лауреат второй степени областного литературного конкурса «Фабула слов» 2019 года (проза). Кстати, мама Дениса Елена тоже хорошо пишет.

Ученики вдохновляют на работу и меня: так в прошлом году я стала финалисткой и дипломантом международного конкурса «Берега дружбы». Я переводила подборку стихов поэтессы из Белоруссии Алины Павловской, а она – мою. Она лауреат, я – дипломант. Мои переводы вошли в сборники белорусской поэзии, в них же помещены переводы на белорусский язык Алины Павловской моих стихов.

Работа над переводами творческая, интересная. Честно говоря, вначале работала над переводом смыслово. А, как оказалось, надо было подходить с другой стороны. Фонетически. Пришлось переслушать кучу песен, пересмотреть переводы (даже не с белорусского), натренировать ухо, попытаться самой перевести хотя бы одну песню на тот же английский. И только потом приступать к переводам. Это дало мне хорошую встряску и...новый виток в развитии. Постоянно забываешь чистить этих чертей – сбивки ритма, повторяющиеся слова, слова-паразиты и т.д.



Часто бывает так: пишу стихи когда есть время и настроение. Периодически работаю над тем, что есть. Порою стих претерпевает столько изменений, что меняет прежнюю форму. Суть остается, и это важно. Ко всем своим работам подхожу с «тяжелым молотком» критики.

Порой кажется, что критически мыслить я начала с самого детства, а ведь так не у каждого, этому нужно учиться. Мы с ребятами учились, я им четко обосновала такой подход применительно к творчеству самого себя. Вредит? Не спорю... Тонны бумаг изведут, мучаться будут и плеваться... но, всё в пользу. Критику конструктивную будут слышать, а вопли крикунов от критики им станут понятны и неинтересны.

Я всегда защищаю своё право на творчество! Приходится настаивать, дорабатывать, чтобы взяли в печать, пристраивать стихи, статьи, прозу. Случается отказываться от нежелательной публикации, в которой редактор, выразив своё субъективное мировоззрение, позволил себе вмешаться в смысл текста. Было и такое: взяли статью, подписали едкие замечания с ухмылочками, мол, кто она вообще-то, и выложили в свободном доступе. Пришлось писать владельцу сайта свое большое «ню».

Я порою думаю, глядя на тех, кому не нравятся мои работы, что им просто не повезло со мной, а мне не повезло с ними. Какой-то коллапс получается. Ну, да ладно, не будем о грустном, как говорится, Остапа все ещё несёт.

А в ЛиТерру стали приходить люди яркие, талантливые – это говорит о многом. Такому стечению благоприятных обстоятельств поспособствовали два проекта, которые стартовали в первый литературный год (2015-2016), один носит название «Поэтическая битва», второй «Конкурс одного стихотворения».

Считаю, что они себя оправдали, и даже больше: стали необходимы в культурном сообществе любимого всем сердцем города. Самое время подумать и написать под них грант, но это будет совсем другая история...

Оба проекта, да и объединение не случилось бы без людей, которые поддержали начинание. В первую очередь без библиотекарей и хороших авторов, поэтов, писателей: Артема Нигматзяна, Виктора Бабарыкина, Владимира Черноусова, Надежды Малофеевой, Риммы Чудновой, Дамира Ибрагимова, Дмитрия Семенова, Нины Струц... Этот список можно продолжать и продолжать.

Литерровцев, так я их называю, отличает чувство прекрасного, искренность и творческая собранность. Они все увлекающиеся люди. Мальчишки помимо литературного творчества занимаются спортом, посещают актерские курсы, женщины – путешествуют, мужчины ведут активную жизнь – кто-то строит дачу, кто-то осваивает новую профессию. Каждый из них вдохновляет на подвиги и не только творческие.

Приглашаю и вас, дорогие читатели, познакомиться с творчеством литерровцев.

Елена Острых,
руководитель литературного объединения ЛиТерра.

Артём Нигматзян

ученик 8 класса
МБОУ ООШ №103

***

Никто не нужен мне сейчас.
Я лишь просто хочу погрустить.
С треском сломалась судьба.
Сижу я на лавке один.

Смотрю на большие дома,
Смотрю на силуэты машин,
Забыв про всё и про всех.
Молча погружаясь в свой мир,

Брожу по городу ночью
Среди ярко жёлтых огней,
Собирая жизнь по кусочкам,
Вспенивая ненужных людей.

Осознав, что жизнь быстротечна
И многого я не успел.
Понимая, что в бесконечность
Погружаться я не хотел.

В чем смысл бесконечно мечтать
О новой жизни, о новых целях,
Зная, что время умирать
Будет ближе чем бы хотелось.

Владимир ШАРОВ

Окончил Военный институт Иностранных языков. Полковник запаса. Член СП России. Участник Первого всеармейского совещания военных писателей 2008 года. Член ЛИТО имени Дмитрия Кедрина, г. Мытищи. Работает в МЧС.

Товарищ офицер

Век фарисеев, лицемеров –
Готовых всё и вся продать.
Вдруг «господами» офицеров
Все почему-то стали звать.

Возникнет вмиг в мозгу картина:
Балы, красотки, менуэт...
Но за душой у «господина»
Усадьбы, иль поместья нет!

Да, что усадьба? Угол съёмный –
Предел мечтания подчас.
Жизнь на излом, достаток скромный
Как тень сопровождают нас.

А «господа» – будь зной иль стужа:
В окопе, в поле, на броне
По зову сердца честно служат,
Присягу дав своей стране.

А за спиною ширь России:
Просторы рек, лесов, полей...
И предки нам бы не простили
Измену Родине своей!

Ведь не единожды бывало,
Когда в свинцовые года
Ты, Мать-Россия, называла
Нас – СЫНОВЬЯ! Не – ГОСПОДА!

Я для солдат был старшим братом,
Отцом – с поправкой на года,
Но «господином» для солдата,
Поверьте, не был никогда!

И пусть поёт певец с эстрады,
Нас величая: «господа...»
Я – воин старого уклада,
Не соглашусь с ним никогда!

Мне это слово не по нраву,
Как фальшь изысканных манер.
Всегда я буду – по УСТАВУ –
Для вас, товарищ офицер!

13.02.2020 г.

Николай МИРОНОВ

Родился 1 января 1962 года в пос. Сарбала Кемеровской области. Вместе с родителями переехал в посёлок Малиновку. Там Николай окончил школу. Заочно учился на историческом факультете Томского университета.

С 1980 по 1982 г.г. – служба в Вооружённых силах СССР, затем учеба в Горно-строительном техникуме Междуреченска.

Работал на разрезе «Осинниковский». Перешёл на шахту «Алардинская» электрослесарем подземным, где работает по сей день.

Литературным творчеством занимается с 2009 года. Регулярно печатается в городской газете и в коллективных сборниках, выпускаемых клубом «Кедр».

Николай Александрович Миронов – член союза Кузбасских писателей, является руководителем поэтического клуба «Кедр» г. Осинники.

Участник поэтических, бардовских фестивалей.

Выпустил две книги стихов, прозы, песен: «Рассвет» и «Здесь, под звёздной россыпью».

Вынужденный жить

Вот говорят: экстрасенсы, предсказатели – явление удивительное!

Это связывают только с людьми. Однако в нашем повествовании постараемся вас убедить, что сверхъестественными способностями обладают все живые существа.

Сейчас стали применять животных для прогнозирования результатов футбольных матчей или иных состязаний. А в нашем заброшенном сибирском селении произошёл такой удивительный случай, что его можно было бы, при соответствующей рекламе, поставить в ранг выдающихся событий нашей эпохи. И, уверяю вас, это совсем не сказка, а отражение того, что может случиться с живым существом, если оно оказалось в экстремальных условиях выживания.

Часть первая

Тётка Пелагея после непродолжительных пенсионных накоплений приобрела себе месячного поросёнка. Однако боровок оказался необычным, так как рос в основном в длину, и усиленное питание не оказало должного воздействия на габариты подростка.

Сравнение с собакой-таксой приходило невольно на ум при виде этого создания. К этому недостатку приплюсовался и другой – необычайная прыгучесть поросёнка. Что на него находило – непонятно, но он мог часами заниматься прыжками, пытаясь, пока безуспешно, преодолеть перегородку загона.

Это настораживало хозяйку. «Неугомонный, как спортсмен», – размышляла тётка Пелагея. «Андрей Бубка», – почему-то вспомнила она знаменитого прыгуна. Однако тренерская перспектива была ей явно не по душе.

Когда неугомонный кабанчик смог взять желаемую высоту и вырвался на волю, тётка Пелагея и сосед Иван два часа гоняли его по огороду, прежде чем смогли заарканить и водворить на законное место.

Дальнейшая участь поросёнка была решена в форме закола. Для этой цели тётка пригласила деревенских калымщиков: двадцатитрёхлетнего невысокого паренька татарской наружности Фёдора, и его друга Александра – высокого, от природы физически крепкого парня.

После работы, под вечер, они пришли на закольное мероприятие. Фёдор взял нож и смело шагнул навстречу будущей «свеженине». Однако животное, почувствовавшее намерения вошедших, проявило прыть и буквально сбило с ног оторопевшего закольщика.

Через считанные секунды «жаркое» уже носилось по огороду в поисках спасительного отверстия в ограде. Удача явно была на стороне смелого порося. Через пару минут он с радостным повизгиванием мчался по деревенской улице. Однако парни после некоторого замешательства сообразили перекрыть улицу с двух сторон, чем принудили животное изменить уличное бегство на огородное.

Щуплая фигура Фёдора порывисто пересекала границы соседних огородов. Его остервенелый вид с ножом в руке нашёл кульминацию в столкновении с влюблённой парочкой в самый неподходящий для них момент. Обремененные семейными узами, они как раз находились в момент их преодоления, и появление зловещей фигуры с ножом в руке каждый истолковал по-своему.

Замешательство было недолгим: через считанные секунды мужская фигура в одних трусах замелькала среди огородов, возглавляя кавалькаду закольщиков. Фёдор на некоторое время залюбовался женской фигурой, которая, оправившись от шока, стала медленно одеваться, испытывая наслаждение от восторженных взоров парня, однако приоритетное направление взяло верх, и Фёдор с удвоенной силой пустился в погоню.

«Казанова» вскоре выпал из обоймы преследователей, так как поросёнок изменил огородному ландшафту и попытался вырваться на уличный простор. Фёдор был на подходе и готовился нанести смертельный удар ножом.

Заслышав шум, из дома вышел хозяин. Им оказался местный председатель колхоза, который лоб в лоб столкнулся с разъярённым от погони Фёдором. Нож в руке незнакомого лица явно нерусской национальности сразу натолкнул председателя на нехорошее предчувствие. Повод для этого существовал. Уже которую неделю его обхаживали собственники (кавказской национальности) частной автобазы, которые пытались втюхать колхозу свою машинную «рухлядь», естественно, одарив председателя почти новым уазиком «Фермер» и некоторой суммой денег.

Вот эта недоговорённая сумма и послужила тормозом в таком «шкурном» деле: председателю хотелось сорвать с них побольше, а те не соглашались с завышенными требованиями колхозного руководителя. Торг шёл долго и, откровенно говоря, вносил уже некоторую враждебность в отношения сторон.

Увидав бегущего на него человека с ножом в руке, председатель, движимый инстинктом самосохранения, рванул сразу к участковому, живущему через дом, продемонстрировав при этом свои спринтерские качества. Когда новоиспечённый бегун чистосердечно поведал суть якобы совершённого покушения, попросив защиты от повторного нападения, участковый мгновенно понял, что угрожает родному колхозу (его жена и сын работали там).

Состоявшееся на следующий день колхозное собрание отстранило коррумпированного руководителя и тем самым спасло предприятие от неминуемого краха...

Но вернёмся к незабываемой погоне.

После «огородного» бега с препятствиями поросёнок вырвался на простор окраинных улиц и через некоторое время сумел подбежать к лесному массиву. Минутой позже заросли калинника скрыли его от преследователей.

На этом динамическая погоня сменилась визуальной. Ещё минуту Фёдор наблюдал колыхающиеся кусты, затем все колебания потревоженной ядовито-зелёной листвы слились с дыханием лесной гущи. Погоня завершилась.

На следующий день участковый, решив накосить травы кроликам, неожиданно наткнулся на поросёнка.

Умный и пытливый взгляд животного удивил милиционера. Поросёнок не убегал, а, наоборот, подошёл к нему и направился за ним следом, словно преданная собака. Удивление участкового переросло в уважение к этой мужественной скотинке.

Проследовав до дома участкового, поросёнок мирно зашёл в загон в стайке и стал терпеливо ожидать своей участи.

Подобное поведение животного, после того как оно послужило причиной раскрытия афёры председателя, заставило участкового по-другому взглянуть на это «чудо».

Участковый ещё раз взглянул в глаза так покорно доверившемуся ему небывалого «спринтера», и какая-то глубокая тоска резанула его сердце: взгляд этой поросячьей «таксы» словно подталкивал его к чему-то. «Отдать тётке Пелагее деньги за него», – мелькнула мысль.

Он ещё раз взглянул на поросёнка – тот, как показалось, телепатически одобрял это решение. Во всяком случае, в глазах животного он прочёл такую глубину чувств, что оторопел на несколько минут. «Ерунда какая-то», – вслух сказал участковый, но что-то засело в его сознаниие основательно.

Взяв деньги, он направился к тётке Пелагее. Спросив, сколько она хочет за поросёнка, если он его поймает и возьмёт себе, услышал мизерную сумму.

«Лучше синица в руках, чем журавль в небе, – про себя рассуждала хозяйка беглеца, смотря с недоумением на участкового. – За людьми, видать, не набегался, вот теперь решил погоняться за животным».

Вздохнув, она хотела ещё скинуть сумму, но, увидав деньги в руках милиционера, почему-то передумала...

Придя домой, участковый почувствовал облегчение, будто выполнил своеобразный долг.

«Надо же, он приносит мне своеобразную удачу», – рассуждал участковый, пока ещё не зная, что приобрёл не просто поросёнка, а золотую кладезь удач, что совершённый им благородный жест сторицей окупится в дальнейшем.

Но это было впереди...

Ночью, когда все жители села мирно спали, группа злоумышленников обрезала алюминиевые провода со столбов, подающих электроэнергию в данное село. С помощью нехитрых приспособлений «металлисты» за пару часов «оголили» несколько пролётов и удачно скрылись. Куш из нескольких мотков провода исчез в неизвестном направлении...

Утро участкового началось именно с этого происшествия. Пытаясь включить освещение, он несколько раз щёлкал автоматом. Вскоре убедился в отсутствии

напряжения в сети.

Так как в селе не было отделения милиции, то около его дома уже выстроился недовольный народ, который, хоть и сбивчиво, но кратко изложил суть дела.

Минут через двадцать участковый был на месте происшествия: хвосты обрезанных проводов сиротливо свисали со столбов. Покрутившись на месте преступления, участковый выяснил, что провода увезли на мотоцикле с коляской. «Значит, местные, – однозначно решил участковый. За такими объёмами наживы не поедут из соседних сёл»...

По прибытии домой он решил накормить своё подворное хозяйство. Переступив порог обиталища животных, он был удивлён поведением новоприобретённого поросёнка. Тот, не обращая внимания на еду, прошёл мимо него к выходу, подошёл к калитке и, слегка привстав, открыл на ней щеколду. Калитка на смазанных петлях легко отворилась, и простор улиц поманил любопытного животного. Он пошёл по ним спокойным, размеренным шагом.

Участковый неторопливо проследовал за поросёнком: любопытство от его поведения перерастало в своеобразный восторг. Так участковый шёл за поросёнком как подчинённый за своим начальником – след в след, как по минному полю.

Со стороны это шествие было забавным – представитель власти не догонял животное, а шёл в фарватере его следования. Встречный народ долгим взглядом провожал странный эскорт, а придурковатый Толя, пережив трагедию со своей резиновой подружкой, решил присоединиться к этой процессии, придав всему этому некоторую пикантность.

«Главнокомандующий» неожиданно резко свернул в проулок, прошёл мимо нескольких домов и остановился у дома на отшибе, где была своеобразная деревенская «рюмочная».

Поросёнок остановился у калитки и своим пятачком ткнул её – та подалась, и животное вошло, не раздумывая.

Подойдя к заброшенной стайке, он остановился, своим выжидательным видом приглашая участкового следовать за ним, что тот незамедлительно и сделал, освещая себе путь в темноте зажигалкой. В бликах света что-то заблестело. Участковый приподнял дерюжку и увидел рулоны алюминиевых проводов. Всё стало ясно!

Это были обрезанные провода с сельских столбов.

Хозяин усадьбы не торопился выходить, чуя последствия, поэтому участковый шагнул в дом, оставив у порога дома поросёнка и придурковатого Толю.

Установив всех фигурантов дела и составив протокол, участковый заставил их перенести провода к себе домой, позвонил в отделение милиции, чтобы прислали машину за задержанными. Второе раскрытое дело тянуло на новую звезду – на погоны лейтенанта.

Однако вернёмся к главному персонажу.

Получив доппаёк, животное день вело себя спокойно. Но вот вечером оно стало решительно требовать выхода на прогулку по селу. Участковому пришлось уступить настойчивости животного. Ещё не смерклось, поэтому жители села могли наблюдать уже повторяющуюся картину: впереди шёл поросёнок, за ним след в след шествовал участковый.

На этот раз маршрут был не такой продолжительный. Поросёнок подошёл к дому на соседней улице и остановился, как вкопанный.

Участковый решительно зашёл в избу: самогонный аппарат как раз выдавал последние порции спиртного. Оформление бумаг прошло быстро, самогонный аппарат был изъят и доставлен к дому участкового. Когда хозяин-самогонщик нёс аппарат, он недобро поглядывал на поросёнка. Слух о его телепатических способностях уже гулял по селу...

Ночь выдалась неспокойная – произошла попытка проникновения в стайку участкового. Однако дворовая собака отпугнула злоумышленников. Сообразив, что к чему, участковый усилил запоры к «дорогому» животному.

Слух о розыскных способностях поросёнка шагнул по соседним сёлам. Спустя некоторое время из соседнего села приехал коллега и пригласил на раскрытие кражи из магазина...

Пригласил участкового со своим питомцем.

Наш участковый, дав поросёнку имя Филимон, уже успел получить звание старшего лейтенанта, держал его на особом довольствии, что вполне было оправданно. На приглашение он откликнулся живо, так как оно было подкреплено мешком крупы для поросёнка.

На этот раз «детектив» долго кружил по соседнему селу, и когда уже участковые были в отчаянии, решительно направился к одному из домов и остановился около него как вкопанный. Дальнейшие следственные мероприятия подтвердили правильность действий Филимона.

Слава о нём перешагнула границы района.

На необычное животное приезжало посмотреть областное начальство. Раз в виде эксперимента привлекли Филимона к раскрытию кражи из ювелирного магазина. К великой гордости участкового, он справился со сложным заданием. Как прижался пятачком к ногам одной из сотрудниц, так и оттащили его от неё только после полного её признания в совершенной краже...

Шли годы. Наш участковый был уже капитаном, не одна награда украшала его грудь, и всё это в основном благодаря Филимону.

Наступили тяжёлые времена в стране, капитализм стал рьяно вторгаться в нашу жизнь. Всё смешалось: воры часто оказывались около руля государственного управления, убийцы вторгались в законодательную сферу.

Как-то раз участковый с Филимоном были приглашены на раскрытие преступления в город. После долгих розыскных работ Филимон обозначающе остановился у ног одного из представителей администрации, но выставить чиновнику обвинение никто не решился. Затем дело было благополучно замято и спрятано под сукно.

Подобное стало принимать повсеместный характер. Все понимали, что у всякой аферы имелись покровители, но создавали видимость непонимания. Карающие органы стали разбираться: кого можно наказать, а кого лучше не трогать, а вину лучше свалить на кого-нибудь попроще. Жизнь стала приспособленческой.

Однако Филимон оказался непримиримым.

В следующий раз, когда произошло громкое убийство, Филимон опять провёл блестящее расследование. На сей раз он «определил» подозреваемым второго человека в администрации: долго они смотрели друг другу в глаза.

Филимон не хотел уходить и ждал дальнейших решений. Когда охрана чиновника попыталась выставить Филимона, он одного из них укусил.

На этом карьера участкового и его подопечного завершилась. Участковый был отправлен на пенсию, а приехавшие ветеринары объявили, что в район проник свиной грипп, забрали Филимона и увезли в неизвестном направлении.

Когда участковый посмотрел в глаза уходящему животному, они ни о чём не просили, а только лишь сожалеюще смотрели в последний раз на своего товарища, как бы говоря: «Я-то остался верен себе, а ты как будешь жить в этом мире?».

Этот взгляд остался в душе участкового на всю жизнь как воспоминание о том светлом, что когда-то было в его жизни.

Часть вторая

Филимон бежал...

Бежал легко и непринуждённо.

Просторы улиц манили своей широтой и безлюдностью. Свежий ночной воздух пьянил ароматом, и в этот момент Филимон стал осознавать свою необходимость для более значимой жизни – для чего-то, что сделало бы эту жизнь лучше и чище.

Он так ясно ощутил это, что бег его стал каким-то воздушным и лёгким – иногда казалось, что он парит на крыльях над этой дорогой. Миг счастья захватил его и питал энергией в ночном полёте. Уверенность в завтрашнем дне всё больше вдохновляла и толкала куда-то в неведомое.

Филимон всецело отдался этому зову к новой жизни.

...Когда его забрала от участкового так называемая «комиссия», Филимон интуитивно осознал фальшь придуманного кем-то настоящего. Чутьё его никогда не подводило. Ему даже не надо было глядеть на эти насквозь пропитанные ложью рожи, а хватило по интонации голосов определить, какой душонкой обладают все эти типы.

Решение пришло как всегда неожиданно и вовремя.

Эти деятели заехали в деревню к своим родственникам, а последующее совместное распитие спиртных напитков оказало затормаживающее действие на всех участников попойки. В конце концов, любители зелёного змия начали хаотично передвигаться вдоль ограды, неожиданно натыкаясь на «выросшие внезапно» препятствия.

Одним из таких препятствий оказался Филимон, после чего он был помещён в пустующую стайку.

Дождавшись, когда гулянка подошла к логическому концу и только сопение уснувших выдавало присутствие людей, тренированное тело Филимона с лёгкостью взяло невысокую перегородку, а сбить полугнилой запор было делом нескольких минут.

Восторг от вновь обретённой свободы опьянил Филимона, и он кинулся со всех ног навстречу уходящему закату. Бежал с упоением, наслаждаясь своим стремительным бегом...

Понимая, что его будут искать, он несколько дней передвигался по дороге, стараясь не попадаться на глаза одиноко идущим машинам. Дорога была просёлочной, движение по ней по-деревенски вялое. Однако дальнейший путь хоть и был интуитивно обозначен, таил в себе туманность и неопределённость.

Филимон остановился и стал слушать пробуждающийся в нём голос. Этот «навигатор» подсказал нужный маршрут – путь Филимона стал обретать логическую направленность.

Вскоре, на развилке дорог, он смело принял направо и по прошествии часа уткнулся в ограду, опоясывающую большой и богатый дом. В простонародье такие дома называли «сиротскими дачами», за их обособленность и отчуждённость.

Во дворе сиротливо стоял вертолёт. Бетонная полоса скучно уходила вдаль, имея явно не автомобильное предназначение.

Всё это не смутило Филимона, одиноко стоявшего у калитки. Глазок камеры видеонаблюдения подозрительно уставился на него и от удивления будто расширился. Филимон ткнул в калитку – та глухо содрогнулась и затихла в ожидании.

Телепатическое спокойствие Филимона проникло за ограду и по-хозяйски прошлось по просторам усадьбы.

Церемония ожидания явно затягивалась.

Потом глухо загремел засов и калитка открылась.

– Проходи, – буркнул хозяин и отступил, освобождая путь гостю.

Подобно ситуации в фильме «Белое солнце пустыни», когда Верещагин запускал в дом товарища Сухова, прошедшего своеобразную проверку, так и сейчас хозяин, Павел Владимирович Рощин, запускал Филимона к себе в дом.

Он, Рощин, сразу оценил обстановку. Возможные незначительные сомнения, тут же развеялись, когда в памяти всплыла недавняя телевизионная передача об уникальном поросёнке. Немного напрягая память, он вспомнил как зовут этого вундеркинда.

– Проходи, Филимон, располагайся! – с большим удовлетворением произнёс Рощин.

Павел Владимирович был человеком незаурядным, а заложенная в его характере доброта удивительно ужи-

валась с практичностью и прозорливостью.

Он тоже много раз опирался на свою интуицию, принимая порой такие решения, которые шокировали его деловых партнёров. Однако жизнь подтверждала их правильность.

Всё же в бизнесе становилось сложнее и сложнее, правильные решения давались значительным усилием воли. Нервы у Павла Владимировича порой были натянуты как струны. Поэтому, борясь за своё психологическое состояние, он стал частенько прикладываться к спиртному... Помогало!

Принятие горячительного провоцировало запои. Это негативно сказывалось на состоянии его дел. Он искал выход из создавшейся обстановки, но, увы, не находил. Друзей в таком бизнесе не могло быть – неразделённые метания оказывали негативное давление на местного олигарха.

Встреча с Филимоном несказанно обрадовала Рощина. Он чувствовал, что это подарок свыше, остальное не имело значение.

Охрана, ввиду того что Филимона будут искать, была проинструктирована. За неё Павел Владимирович не беспокоился: люди были подобраны с особой тщательностью и неоднократно проверены. Когда-то Рощин работал в следственном комитете, поэтому считал, что проколов не допустит.

Однако...

Ночью случился конфуз.

Павел Владимирович, по причине бессонницы, зашёл в свой рабочий кабинет и буквально оторопел: на рабочем столе стоял Филимон и преспокойно уничтожал один за другим договоры о сотрудничестве с одной из зарубежных фирм.

Присутствие хозяина нисколько не смутило Филимона. Продолжая уничтожать бумаги, он вперил в хозяина свой телепатический взгляд, отчего у того пропало всякое желание гневаться.

Лишь спустя три месяца бизнесмен оценил порыв Филимона: фирма оказалась подставной. Перечисли он тогда деньги – и оказался бы на финансовой мели...

Филимон жил у нового хозяина уже более трёх месяцев.

Жизнь протекала, за редким исключением, довольно однообразно и спокойно. Только присутствие одного из охранников беспокоило Филимона. Когда тот подходил к хозяину, Филимон проявлял нервозность и своим пятачком отпихивал его.

Подобное поведение не укладывалось в логические рамки...

В одну из ненастных ночей Павел Владимирович был ошарашен появлением в его спальне Филимона. Тот начал стаскивать одеяло и толчками пытался скинуть хозяина на пол. Когда эти попытки увенчались успехом и мужчина брякнулся на пол, Филимон потащил его за пижаму к выходу.

Уже проснувшись, Павел Владимирович вынужден был повиноваться. Филимон увёл хозяина в отдалённый кабинет и буквально преградил ему ход назад.

Через несколько минут прогремел взрыв.

Когда охранники рванули к месту происшествия, им представилась неприглядная картина.

Спальня Павла Владимировича была разворочена до неузнаваемости, от кровати куски были разбросаны в разные стороны.

Но больше всего охранников удивило появление самого хозяина живым и невредимым.

Дальнейшие действия Филимона усилили обстановку непонимания: он вцепился за брючину одного из охранников, с которым имел неприязненные отношения, и не отпускал его.

Подозрения оказались не беспочвенны...

Так Филимон стал для Павла Владимировича не только индикатором в его бизнес-делах, но и настоящим другом.

Все документы, касающие важных сделок, проходили через Филимона. В его присутствии рядом с документами только спокойный вид Филимона мог дать им соответствующий ход.

Дела у Рощина пошли в гору, и счета в банке уже имели более шести цифр.

Сам хозяин стал меньше прикладываться к спиртному и больше стал помогать детским домам. Причём его вложения носили довольно серьёзный характер: он принимал участие в строительстве новых корпусов детдомов, покупал им мебель. Со своими партнёрами он был жестковат, зато дети отогревали его душу. Когда же он приводил к ним Филимона, детский восторг не имел границ...

Однако в жизни белая полоса не может продолжаться до бесконечности.

Информация о чудодейственном поросёнке шагнула за пределы области, а его предпринимательская особенность заинтересовала настоящих акул бизнеса.

Сначала Павлу Владимировичу предлагали за Филимона астрономические суммы. Потом, ввиду того, что он отказывал, стали поступать реальные угрозы.

В конце концов Рощин сдался, учитывая, что противостоять хорошо отлаженной машине он не сможет. Да и за жизнь Филимона стоило опасаться.

Расставание было трогательным.

Весь вечер они провели вместе в молчаливом согласии.

Утром прилетел вертолёт, и Филимон своим ходом направился к нему.

Он понимал, что уже принадлежит не себе, а какой-то аппаратной машине, где правила будут жёсткими и не всегда отвечающими человеческим законам. Но эта новизна не пугала его, он уже привык смотреть в глаза холодным обстоятельствам. И только тоска по этим родным ему людям вгрызалась болью в его большое и доброе сердце.

Он шёл в неизвестность уверенной поступью.

Песни души

Они не знали этих гор

1.Кавказа вершины, как цепь пирамид,
Кавказская нефть, как победный гранит.
Фашисты в броске, им зачитан приказ:
«...стрелкам «Эдельвейс» захватить
весь Кавказ».
Врага задержать наспех собран отряд,
В составе его много юных ребят.
Ускоренным маршем прошли перевал,
На плато выходят – их сумрак застал.

2.Ночь тайну хранила – коварен рассвет,
И что-то не так – чуют дым сигарет.
Укрытия нет, как на голом полу,
И выстрел в горах прозвучал поутру.
Стонал на холодной, на льдине солдат,
Он первый сраженный из наших ребят.
Над ним все склонились...
тут вскрикнул другой,
Начался неравный в позициях бой.

3.Случайностей много военной порой:
Врага не сломил даже шквал огневой.
У нас батальон потерял уже взвод,
На помощь резерв с опозданьем идёт.
Живым было тяжко – страдали от ран,
Приказ к отступленью никем не был дан.
Зловещие тени по скалам мелькали:
Их снайперы наш батальон расстреляли.

4.Вот солнце с восхода уходит в зенит,
Орлиный дозор убиенных хранит.
На ком же вина, что вот так вышло вдруг:
Уходит от пуль лишь один политрук.
Он недосягаем для оптики Цейс,
Взорвался душой:
«Почему же я здесь?»
На плато взглянул, где погиб весь отряд,
И грудь приняла пистолетный заряд...

У павших бойцов неспокойные сны:
Суровы законы проклятой войны.

Ветеранам

А.Кремнев,
Н.Миронов

Прошла война.
На лицах сохнут слёзы,
Уходят ветераны в мир иной.
Прощаясь с ними, русские берёзы
Стреляют в небо почкой молодой.

Богатство белоствольная скрывает,
Всех угостить готовая всегда.
Сто грамм солдатских
в кружки разливает.
Дрожит у старых воинов рука.

Сравнялись в чувствах правнуки и деды:
Пьют сок берёз наследники Победы.

Казачий оберег

1.Пыль дорожная клубится,
Вспоминается станица.
У крыльца отец и мать –
Вышли сына провожать.
На войну ушёл сынок,
Лезет лихо на порог.
Но молитву шепчет мать,
Веру в Бога не отнять.

Припев:
А ты лети, мой конь лихой,
По дороге фронтовой.
Не сломать казачью стать,
Да, вот коня бы не загнать.

2.Казаки стоят рядами,
Скоро бой начнут с врагами,
А в глазах старушка мать,
И волненья не унять.
Вот взметнулись шашки ввысь,
Насмерть в том бою сошлись...
Но молитва сберегла...
В поле вновь взошла трава.
Припев.

Воспоминания об Афганистане

1.Запьянит, увлекая, подруга,
Будоража в потоке весны.
Но щемящая сердце натуга,
Как наследие прошлой войны.

Припев:
Марш-бросок, на броне папироса,
Разрываю я замкнутый круг...
Переходы, крутые заносы,
Пулемётов глухой перестук.

2.Родились мы, как будто, в Афгане,
Так впитали мы эту страну.
В тех горах, не согласные с нами,
Шурави объявили войну.

Припев.

3.Мы боролись не против народа,
Но народ правду не принимал.
И с призывом при слове: «Свобода»,
Вынимали из ножен кинжал.

Припев.

4.Вся война для народа проклятье,
Но не в силах забыть о войне.
На гражданке не в радость занятье:
Часто вижу Афган свой во сне.

Припев:

Я весенней, цветущей порою,
С автоматом и снова в бою.
То, что было – от вас я не скрою,
Но Афган... почему-то люблю.

Разломы души

1.Не по душе, когда пьют с горя водку,
И не люблю задутую свечу.
Я как шальной когда, не взяв высотку,
Вдруг понимаю: дело по-плечу...
Пыля дорогой по Афганистану,
Я от жары, как будто бы, в бреду:
«Я не люблю садистов и душманов,
Они в горах, но я их всех найду».

Мы вновь в строю с привала,
Машины завелись.
Бросок до перевала,
И цепью разошлись.
Загнал патрон в патронник,
Нащупал грань гранат,
На «боевой» поставлен автомат.

2.Мне нервы жмут, когда я в ожидании,
И не терплю быть в радость палачу.
Когда стреляет «дух» на расстоянии,
Его достать хоть чем-нибудь хочу.
Развернут «Град», враги полезли в норы.
Я, как осины листик, трепещу:
Не по себе, когда тревожат горы,
И не по мне, что я не отомщу.

Закончились разрывы,
Мы в жажде боя все.
Душманы в норах живы,
Стреляют из «Бурэ».
Приблизились вплотную,
Дошло и до гранат,
Но бой наш завершает автомат.

3.У нас у всех сейчас на сердце рана,
Ведь не вернуть погибших в ту войну.
Приказ пришёл: «Всем выйти из Афгана...»
Идем колонной через всю страну.
Мост переходим, дернуло машину.
Я оглянулся — что мы там нашли?
А горы, молча, нам смотрели в спину.
«Прости, Афган, простого шурави.

Нас Родина встречает,
Афганистан во тьме.
Нас братство собирает,
«Афганцев» по войне.
Пусть прошлое порукой,
Своим помочь в беде.
А третий тост:
«За павших на войне».

Ах, Бедуй, Бедуй...

(Посвящается притоку реки Абакан)

Ах, Бедуй, Бедуй, мощью сильных струй
Не сноси нас по скользким камням.
Хрусталём-водой ты умой, Бедуй,
По горам мы шли, по горам.

Как лихой отряд, крупный камнепад
Пыл реки навсегда укротил.
И как верный страж и реки собрат
Кедр могучий в круче застыл.

Вертолёт-гроза, словно стрекоза,
Поднимается вверх над тайгой.
Встретят нас друзья, но забыть нельзя,
Как Бедуй бежит под горой.

Абакан

(Посвящается реке Абакан)

Абакан, Абакан,
От воды твоей пьян,
Жажду снова хочу утолить.
Прячет реку туман.
Трав таёжных дурман
Всё равно не могу позабыть.

В полуночную тишь
Ты мне душу томишь,
И печаль застилает глаза.
По камням вновь скользишь,
В перекатах шумишь,
А вода, как с берёзки слеза.

Днём ты лечишь от ран,
Словно старый шаман,
Прогоняешь сердечную грусть.
Не мираж, не обман
Среди гор Абакан,
Ты зовёшь, и к тебе я вернусь!

На Горячий, на Ключ!

По предгорьям таёжным расселился туман.
Поднимаемся снова по реке Абакан.
Нас маралы встречают
с потревоженных круч,
Но плывём мы с друзьями
на Горячий, на Ключ.

Здесь скалистые горы, а в низинах тайга.
Жизнь в любую секунду ускользнёт навсегда.
Словно острым кинжалом
полыхнул солнца луч,
Взором трепетно ищем
в сопках призрачный Ключ.

Незаметной тропою мы идём с рюкзаком.
Эта местность медведям,
как родительский дом.
Но пугаться не в праве, дух наш бодр и могуч
Потому, что идём мы на Горячий, на Ключ!

По Кузбассу длинной лентой...

1.По Кузбассу длинной лентой, черною рекой
Убегал из тьмы кромешной уголь молодой.
Он свободою гордился — давняя мечта.
Навсегда освободился от оков пласта.

Припев:
Чистым взором привечают в поле васильки...
Блики угля догорают в синеве реки...
Это всё — моя Россия. Кондома река
Раскидала, словно крылья, в травах берега.

2.Уголёк рабочих буден вышел на поля,
Путь его в металле труден — началась страда.
Ветерок хлеба волнует, комбайнёр поёт.
По полям комбайн шагает,
Урожай даёт.
Припев.

Здесь, под звёздной россыпью...

Здесь, под звёздной россыпью, поступи легки.
Молча, собираются в шахту мужики.
«Алардинский» лог скрывает
исполинский кедр,
Все его секреты знают капитаны недр.

В утреннем безмолвии шум в тайгу идёт,
Вентилятор по забоям воздух раздаёт.
Мощь потока обнимает вихрями «круги»,
Грудь забоя наполняют запахи тайги.

Фонари, как звёздочки, сказочно плывут,
Дружною бригадою горняки идут.
Торопливою походкой в темноту ушли,
Мир созвездий растворили в угольной пыли...

Ширь лесов таёжная — вековая старь.
Здесь уклоны охраняет
каждый день глухарь.
«Не волнуйся, царь пернатых, будет уголёк!
Пусть Тебе и нам поможет
«Алардинский» Бог».

Глухарь

Далеко в тайгу шагнули шахтные поля,
На рассвете потревожив птицу глухаря.
То, что он берёг годами — вековую старь.
Вдруг, проснувшись, не увидел
над тайгой глухарь.

Он на новое творенье, на уклон шагнул,
На пришельцев удивленно, на людей взглянул.
Шёл с лохматыми ногами, камешки клевал,
Игнорируя шахтёров, зависть вызывал.

Ночью тёмной, совсем рядом,
тихо рысь прошла.
Глухаря надёжно снегом вьюга замела.
Только блики заиграли в утреннюю зарь,
Из-под снега птицей Феникс
выпорхнул глухарь.

Приземлился на каптёрке —
сварщикам наказ.
Один раз так нагляделся — зрением угас.
Но природа вновь за птицу,
к ней любовь храня,
В пихтаче восстановила глазки глухаря...

Каждый день он прилетает —
в непогоду, в хмарь
Вездесущий царь пернатых,
царь лесов глухарь.
Все шахтёры уважают знать его не зря,
За любовь к земле родимой —
птицу глухаря.

Осеннее многоцветье

1. Осень краски раскидала,
Золотится листопад.
Ночью холод нагуляла,
Ночью холод нагуляла,
Ночью холод нагуляла,
Поутру багровый взгляд.
В лето сгинул кров зелёный.
Безвозвратная пора.
Стонет эхом бор пихтовый:
Опостылела хвоя.

2.Листьев ярких эполеты,
Как в строю таёжный край.
Всколыхни мои рассветы,
Всколыхни мои рассветы,
Всколыхни мои рассветы,
Не спеши сказать: «Прощай».
По полям, пугая птицу,
Что-то ищет среди тьмы.
Одинокая волчица —
Тень загадочной зимы.

3. Я брожу, как лунь озябший,
У судьбы прошу взаймы.
В многоцветье заплутавший,
В многоцветье заплутавший,
В многоцветье заплутавший,
В паутине красоты.
Счастье угнанное...где-то,
Лошадей лихая прыть...
Попытайся бабье лето
На скаку остановить...

Неуловимый образ твой...

1. Ты стала близкой, как ангел во сне.
Вспышка любви подарила знамение.
Запах черёмух блуждал по весне,
В нём растворились тревоги, сомнения.

Припев:
Всё изменилось за пару минут,
Месяц-фрегат гнал под парусом ветер.
В вихре страстей не спросил: «Как зовут?»
Не удержал я тебя на рассвете.

2. В грохоте шумных, больших городов
Чувствами пылкими в пыль превратился.
Феникс вспорхнул, и с вершин облаков
Белой голубкой ко мне устремился.

Припев:
3. Снова о встрече мечтаю с тобой.
Сердце, как птица в ненастье, кружится.
В море любви разыгрался прибой.
Образ любимой корабликом мчится.
Припев.

МЧС

1.Стелется дымок тревожно
По лесистой шири.
Разбудил народ таёжный
Колокол Сибири.
Вертолёт зарю пронзает
Красной полосою.
МЧС тайгу спасает
Раннею порою.

Припев:
В небе солнце, как знаменье,
Пой лесная птаха.
Ты на жизнь держи равненье,
МЧС - «рубаха».
Закатаем рукавищи,
Не возьмёт надсада.
Родники алмазов чище —
Божия награда.

Припев:
2.Буреломы, топи, скалы
Ломят наши спины.
Из огня идём устало
Поступью мужчины.
Впереди завалы, взрывы...
Вновь спешим с перрона...
Сердца жгучие порывы
Монолит закона.

Припев:
3.Сбудется мечтой чудесной
Встреча у порога.
Прозвени цыганской песней
Дальняя дорога.
Их любовь границ не знает,
Кто спасён тобою.
Потому душа сияет
У тебя порою.
Припев.

г. Осинники.

Надежда ЩЕРБАКОВА

Родилась 6 апреля 1961 года в селе Спиченково Прокопьевского района,. где прошли её детство и школьные годы. После окончания учёбы в сельскохозяйственном техникуме устроилась работать по специальности - ветеринарным фельдшером, в родном селе. Где проработала до лихих «девяностых…», которые внесли свои коррективы в сельское хозяйство и в личную жизнь. Пришлось поменять специальность и оставить место прежней работы. Судьба связала с «РЖД», где и проработала до выхода на заслуженный отдых.

Литературным творчеством начала заниматься поздно и, можно сказать, случайно: ни с того ни с сего начала писать стихи, затем рассказы и небольшие заметки в местные газеты: поселковую и городскую.

На протяжении уже нескольких лет, работает над книгой, по задумкам – романом. Отрывки из которой автор предлагает на суд читателей Литературно-художественной газеты Альманах «Усятская россыпь».

Серафим

(Отрывок из романа «Земля грешников»)

Марья, Анюткина мать и на самом деле долго батрачила на хозяина. Его жена Лукерья постоянно болела. А если поднималась на ноги, ходила по дому, пытаясь совладать хоть с какой-нибудь работой, то без слёз смотреть на неё было невозможно. Жена хозяина постоянно прятала лицо: то платком прикроет, то отвернется в сторону.

За всё время Марья так и не услышала от неё ни единого слова, хотя и знала, что Лукерья не глухая и не немая.

Когда родилась Анютка, то она довольно часто по ночам не давала покоя матери. Однажды, укачивая дочку, Мария услышала тупые удары и грохот вперемешку с женским воем, раздающие из хозяйского дома.

Наутро Марья не увидела Лукерью, а через три дня та скончалась. Хозяин всем говорил, что жена была слаба здоровьем. Так тайной для всех и осталась истинная причина её смерти, а тем, кто её обмывал да соборовал, Серафим настрого наказал держать язык за зубами.

После смерти жены Серафим совсем озверел. Топил своё горе в бутылке, уходил из дома по ночам, возвращался под утро ещё злее прежнего. От беспросыпного пьянства он превратился в разъярённое животное. Так продолжалось довольно долгое время, и некому было его ни остановить, ни вразумить.

Однажды вернувшись очередной раз на рассвете, он метался по дому из угла в угол, садился за стол, опрокидывал очередной стакан вонючего и мутного самогона. Ухватившись за голову, с воем раскачивался из стороны в сторону, словно безумный, кого-то проклинал, осыпая угрозами. А потом вдруг резко замолчал и наступило затишье.

Марья только задремала, как вдруг с размаха распахнулась дверь её чуланчика. От неожиданности она вскочила, да так и присела обратно на постель. Перед ней стоял хозяин. Пьяный, взъерошенный, с диким блеском в глазах, с презрительной усмешкой.

– А на что мне сдалась эта Нюрка-ведьма? У меня вон какая краля городская под боком есть! – прохрипел он, облизнув пересохшие губы.

С тех пор Марья стала жить с хозяином, сама не понимая в каком статусе. Не чужая, но и не родная; не жена, но и не любовница.

Серафим поблажки в работе ей не давал, стал ещё жёстче и требовательнее. Не дай Бог если Марья присядет передохнуть… Бить, он её не бил, но так взглянет, да так гаркнет, что волосы на голове невольно шевелились от ужаса. Она, молча, всё терпела, как наказание за свой грех. Она получила то, чего хотела, а именно – быть забытой и потерянной в этом мире.

Шло время. Год менялся годом. Анютка росла и считала Серафима своим отцом, называя его тятей. И хотелось девочке на колени к нему забраться и потрогать за бороду, да уж больно он грозен был. Забьётся девочка в углу и наблюдает за ним, как сверчок, из-за печки. Иногда, за редким исключением, проявлялось у Серафима некое чувство. Глаза становились добрыми и светлыми, на губах появлялась улыбка. Тогда подзывал он Анютку к себе, садил на колени, гладил по головке и разговаривал ласково, называя её, то ягодкой лесной, то малюткой. А потом, как будто спохватившись, резко менялся, отталкивал девочку от себя, приговаривая, что мол совсем раскис, как баба, хватит, ступай к матери помогать… И Анютка, уже со страхом на глазах, убегала прочь.

Когда Анютке исполнилось десять лет, она почти наравне с матерью справлялась с любой работой и по дому, и по хозяйству.

В это время Марья с ужасом поняла, что беременна.

– Говорить или не говорить Серафиму? – думала она. – Что делать, как быть?

Время шло, а она всё не решалась, как тогда – в далёком прошлом. Тот же страх и тот же вопрос, и тот же выбор. Ох, непросто, непросто! Так стояла Марья, прислонившись к дверям сарая терзаясь своими мыслями. Её глаза глядели в никуда, а по щеке медленно скатывалась скупая слеза.

Серафим заметил её, выходя из конюшни, да так и обмер. Вечерние лучи солнца касались её лица, осветив своим ореолом. Впервые за все годы хозяин внимательно вглядывался в лицо женщины. Поразило его то, что Марья ещё очень молода.

– Господи, какие у неё глаза! Как у оленихи – большие, открытые. И губы как малина. Как я, олух, не мог увидеть этого раньше? А всё эта Нюрка – ведьма проклятая мерещилась, будь она неладна! И надожь…

Это сколько ж лет то она у меня живёт? Много! Вон, Анька девкой скоро станет, а я её и знать толком-то не знаю. Живёт, не перечит, не видно её и не слышно, как по течению. Как будто всё равно ей, и слова у неё не вытянешь. Что-то надломило девку! Всё молчком, только со скотиной и разговаривает. Вон, «Буян» и то к ней тянется, всё норовит свою морду в её ладони уткнуть, а меня, меня – хозяина, другой раз норовит укусить!.. Опять я что-то нюни распустил! Нет – прав был батя, нельзя бабам поблажки давать. Ведьмы все они! – и уже обозлённый за свою слабость, пошёл к Марье размахивая ручищами и горланя, во всю глотку.

– Чего стоишь, дура, дел тебе больше нету? Так я быстро найду!

– Не ори! – последовал ответ. – Беременная, я! – и Марья, не глядя на него, пошла прочь.

Её ответ прозвучал словно гром среди ясного неба. Серафим остолбенел. Его ошеломило её: «Не ори!» Потом до сознания дошёл смысл непривычного и чужого слова «беременная». Оттого теперь его раздирало двоякое чувство, перемешанное в едино. И гордость, и радость, и страх… страх перед ней. В глубине души зарождалось что-то неведомое, и это его пугало.

– Я не должен поддаваться чувствам. Не должен!.. Я мужик! А они – все ведьмы, и всё тут! И пусть там что-то шевелится внутри, но умом-то я знаю – все они ведьмы, и нельзя попадаться под их чары. Нельзя, тут и всё! – так размышляя, стоял он, посреди двора, накапливая в себе очередную порцию злости…

Вечером, за ужином Серафим в продолжение своих дум, сообщил Марии: «Родишь сына – хорошо. Коней пасти будет, тоже помощь… – Немного помолчав, неожиданно для себя, вдруг сказал: – А хочешь, обвенчаемся?»

Он с надеждой смотрел в её огромные глаза.

– Хочу, – бросила она коротко.

На этом их разговор был окончен. Каждый думал о своём.

Серафим думал, о том, что наследник всё равно ему нужен, он уже не так молод: седина в бороде появилась, и виски побелели, да и бабы в этом доме почему-то не приживаются.

…Бабку свою он совсем не помнил. Мать где-то в тайге сгинула, не вынесла жизни такой – батя бил её нещадно…

Серафим, сдвинув брови, зажмурил глаза и в его памяти, всплыла картина из далёкого его детства: мать в потёмках споткнулась о порожек и пролила молоко из подойника на пол. Батя налетел на неё коршуном, начал пинать сапожищами и, горланя на весь дом, обзывал дурой слепошарой. Кричал, что быстро научит добро беречь… Озверел так, что деду не сразу удалось оттащить его от жены.

Слегла мать после этого, встать не могла, неделю кровью харкала… И однажды, раним утром, когда только-только забрезжил рассвет, и весь дом ещё спал, маленький Серафим вдруг проснулся, как будто кто толкнул его. Проснулся и ощутил всем своим существом: в полной тишине (только дед похрапывал), тихую поступь и шорохи…

От любопытства Серафим поднялся и крадучись выглянул из комнаты: простоволосая в одной исподней белой рубахе мать, пошатываясь и шоркая ногами по полу, выходила из дома. Какое-то время Серафим стоял, боясь шелохнуться, но потом сорвался и побежал за ней вслед: «Мама, ты куда?» – закричал он. Мать шла, не оборачиваясь, и только у ворот, повернув голову, строго сказала: «Не ходи за мной…»

Серафим – совсем ещё маленький мальчик, видя её затравленный и обречённый взгляд, остановился, как вкопанный. Мать, молча, вышла на дорогу и пошла по ней… С тех пор никто больше её не видел. Сгинула и всё тут!

Люди болтали, что она в гиблое место направилась, на заимку…

В скорости в округе медведица объявилась. Ох и лютовала!.. Скотины порезала – немерено! В зимнюю спячку не легла. Выследили мужики медведицу. Собрались на неё всей деревней: кто с рогатиной, кто с ружьём. Отец Серафима тоже пошёл вместе со всеми…

Медведица увидела охотников и как будто всё поняла – встала на задние лапы и стоит, а из глаз слёзы, как у человека. Когда кольцо охотников вокруг неё сомкнулось, заревела во всю глотку, лапами замахала… Начали мужики палить в неё из ружей. Зверюга, не обращая внимания на разрывающие её тело пули, пошла на отца Серафима. Тот не успел перезарядить ружьё, как она налетела и ударила когтистой лапой по голове, свалила на землю и давай катать и рвать его…

Охотники, как околдованные, стояли не шелохнувшись. Чертовщина получалась какая-то: с медведицы кровь хлещет, а она, не обращая внимания на боль и людей, будто дождавшись своего часа мести, рвала отца на куски, заливая снег его и своей кровью. Насытившись местью и ненавистью, медведица встала на задние лапы, поднявшись во весь огромный рост, зарычала в последний раз так, что содрогнулись верхушки елей и сбросили с колючих лап комья снега. Побелевшие от страха охотники стояли, молча. Подсознанием они понимали, что происходило на заснеженной таежной поляне.

Последний раз рыкнув, медведица както разом обмякла и рухнула на окровавленный снег рядом с отцом Серафима, а вернее – рядом с тем, что от него осталось!

Серафим впервые в жизни видел, как плакал дед над гробом сына, и запомнил это на всю жизнь. Горе деда было велико. Во всём он винил и корил себя. Потерять единственного сына – это чудовищное наказание. Он просил у сына прощения. Говорил, что это мол, из-за него весит проклятие над их домом.

Когда-то в молодые годы позарился дед на золотой самородок, который принёс из тайги его знакомый – старый охотник. Добродушный старик показал самородок деду, молодому в то время парню. И тот не удержался, позарился на золото: мучил и терзал старика, добивался, чтобы старый охотник показал ему место, где нашёл он самородок.

Не выдержал старик истязаний и помер, так и не выдав тайну. Перед смертью старик прошептал какое-то проклятье роду своего убийцы…

Именно на это золото построил дед свой огромный и крепкий дом, подкупил животины всякой и прочего добра. Да только счастья в доме не было. Бабы не приживались. Вот так вот…

А эта, поди ж ты – живёт! А может через неё и проклятье-то уйдёт? Может сжалится старый охотник, простит?

Народ на похоронах Серафимова отца шептался, что неспроста медведица напала на покойного – в ней душа матери Серафима находилась… И не спроста горемычная пошла в тайгу к филину помирать, да просить птицу, чтоб душа её мщение нашла.

Нужны ли мы обществу?

Межрайонная инспекция Федеральной налоговой службы №11 по Кемеровской области 09.10.2019№ 08-56/15877

ООО «Редакция литературно - художественной газеты Альманах «Усятская россыпь»

Информационное письмо

Межрайонная инспекция Федеральной налоговой службы № 11 пр Кемеровской области сообщает о том, что размер чистых активов общества за 2016, 2017, 2018 год ниже минимального уровня уставного капитала. В связи с чем, общество, согласно п.4 ст.90 Гражданского кодекса Российской Федерации и п.3 ст.20 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» полежит ликвидации.

Уведомляю Вас, что налоговые органы как органы осуществляющие регистрацию юридических лиц, вправе обратиться в суд с требованием о ликвидации общества (п.11 ст.7 Закона РФ от 21.03.1991 № 943-1 «О налоговых органах Российской Федерации» и п.1 ст.57 Федерального закона РФ от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»).

Заместитель начальника, Советник государственной гражданской службы Российской Федерации 1 класса Г.И. Филимонова.

ООО «Редакция Литературно-художественной газеты Альманах «Усятская россыпь»

Межрайонная инспекция Федеральной налоговой службы № 11 По Кемеровской области Филимоновой Г. И.

Уважаемая Галина Ивановна!

Я, всегда получаю письма из Вашей организации, с волнением и душевным трепетом. Вот и теперь интуиция меня не обманула, когда два дня тому назад я получил, затем прочитал **Информационное письмо** за номером № 08-56/15877 от 09.10.2019 года, которое поступило ко мне почти с месячным опозданием.

В **письме** Вы уведомили меня, что «вправе обратиться в суд с требованием о ликвидации ООО «Редакция Литературно-художественной газеты Альманах «Усятская россыпь», согласно (п. 11 ст. 7 Закона РФ от 21.03.1991 № 943-1 «О налоговых органах Российской Федерации» и п.1 ст. 57 Федерального закона РФ от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»), поскольку «размер чистых активов **общества** за 2016, 2017, 2018 года ниже минимального уровня уставного капитала. В связи с чем, общество, согласно п.4 ст.90 Гражданского кодекса Российской Федерации и п.3 ст. 20 Федерального закона от 08.02. 1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» подлежит ликвидации.

...Я понимаю Вас - так требуют **ЗАКОНЫ** которые регламентируют нашу деятельность: не рентабельных и убыточных предприятий, при рыночных основах производственных отношений в стране, быть не может. Тем не менее, хочется сообщить Вам и то, что есть **вещи**, которые невозможно оценивать **рублями**, в том числе и **активами общества**.

К примеру, если бы всемирно известный роман «Война и Мир» Лев Николаевич Толстой написал в наше время, то, это великое произведение, наверняка, было бы мало кому нужным. Поэтому получается, что его незачем было бы и писать, и выпускать. Или другой пример: Резмезов Семён Ульянович, автор первого русского атласа карт Сибири и «Кунгурской летописи», поведавшей нам о походе Ермака в Сибирь - выполнил свои работы в 1701 году, а издали их лишь в 1882 году. На протяжении 180-ти лет работы Ремезова никого не интересовали, а теперь ими гордятся все – **первые памятники русской исторической географии Сибири!**

Сегодня уровень «нужности» обществу русской литературы и её деятельности в таком же плачевном состоянии, как и деятельность редакции ЛХГА «Усятская россыпь». Об этом вещают и центральная «Литературная газета», и региональные литературные журналы и газеты.

18 апреля 2018 года в газете «МК в Кузбассе», опубликована статья «В чём сила, брат?», автором которой является председатель Союза писателей Кузбасса (областного отделения Союза писателей России) Бурмистров Борис Васильевич. Который «слёзно» вещает в своей статье о плачевном состоянии дел в областной писательской организации, при этом он говорит и о том, что несмотря на фактическое отсутствие финансирования деятельности областной писательской организации, областная администрация ставит ей в упрёк то, что в её рядах нет лауреатов «нобелевской или букеровской премий...», а на съезде литераторов Кузбасса в словах руководства области не нашлось даже «серой краски» чтобы оценить деятельность Кемеровской областной писательской организации, всё только в чёрном цвете. Отчего Бурмистров, в своей статье, обращается даже к Богу: «...О, Господи! Прости мя грешного...».

Прочитав статью, я согласился не со всеми позициями высказываний главного нашего областного писателя, оттого написал свою статью «Если гора не идёт к Магомету...» (Открытое письмо к культурному сообществу Кузбасса). В своей статье, как бы и в поддержку Бурмистрова, и критикуя его, говорю о том, что у нас в области неоткуда взяться писателям за произведения которых можно номинировать их на столь высокие и престижные премии... В единственном областном литературном журнале «Огни Кузбасса», сделав его литературным журналом Союза писателей России, входную планку подняли настолько, что начинающему писателю её ни за что не «перемахнуть». Поскольку начинающему писателю нужно не только постоянно писать, но где-то же ещё и постоянно публиковаться. А где?

«Усятская россыпь» изначально планировалась как литературно-художественное издательство, действующее на коммерческой основе. То есть, за свои публикации в Альманахе авторы произведений должны были бы платить, по установленным нормативам, определённую сумму денег. Но с первых номеров газеты стало понятно, что публикация только оплаченных работ приводит к понижению качества предоставляемых литературных работ. Хотелось, чтобы альманах нес читателям интересные, познавательные работы, чтобы в газете выходили высококачественные литературные материалы. И в то же время нужно было сделать альманах доступным для широкого круга авторов. Оттого, с первых номеров я начал выпускать Альманах фактически за счёт своих личных сбережений: из своей военной пенсии и заработной платы. Я до сих пор являюсь работающим военным пенсионером.

Поэтому можно смело сказать, что в наше время родился невероятный феномен, что работающий пенсионер на свои денежные сбережения выпускает газету и книги. Оттого фактически является и меценатом, и спонсором, и волонтёром своего «творческого увлечения». Результатом, которого стали: 16-ть выпусков Литературно-художественной газеты Альманах «Усятская россыпь», объёмом по 56-60 полос, на которых опубликовали свои произведения более двухсот авторов, более чем из десяти регионов России и ближнего зарубежья.

В опубликованных литературных произведениях разных авторов есть и поэзия, и проза, есть и исторические произведения, и лирические, и фантастика. Увидели свет в «Усятской россыпи» и более ста моих личных публикаций. В которых есть стихи и проза, история и художественные произведения, есть и публицистика. Только по своим публикациям с твёрдой уверенностью и без какого-либо бахвальства, я говорю Вам, что «Усятская россыпь» сделала для меня очень многое. Работая в ней и с ней, я почувствовал себя писателем. В 2013 году выпустил первую свою небольшую книгу историко-краеведческого толка «Прокопьевск ...в летописях», объёмом 115 страниц. В 2018 году увидела свет вторая моя книга «Как рождалась корабельная авиация России» - мемуарно-исторического, документально-публицистического жанра, объёмом уже 570 страниц, с многочисленными фотографиями.

Сегодня работаю я уже над третьей своей книгой. Которую планирую выпустить в следующем 2020 году, в которой будет сказано и о ранней истории Сибири, и о ранней истории Кузнецкого края и города Прокопьевска (с Усятами вместе), как бы – продолжение, расширение и углубление первой своей книги. И о более близких нам событиях и людях, в этой книге тоже будет сказано.

То, что я делаю, в городе у нас (и не только в городе...) никто больше не занимается. Понимаю, что делаю нужное дело, оттого городу нужно бы взять меня под своё крыло, под свою опеку, или хотя бы не мешать работать. Но - ОН, город, не замечает меня. Более того: пытается «отсечь голову» Вашими руками, как нарушителю Российского Законодательства.

Думая об этом и размышляя с чем можно сравнить свои творческие дела, пришёл к такому выводу: мои дела – это маленький родничок, пробивающийся из недр земных по воле судьбы и природы. От родничка течёт маленький же ручеёк, вдоль которого растёт и зеленеет немногочисленная травка с реденькими цветочками. Вокруг же этого родничка лунный ландшафт и огромные свалки мусора. Спрашиваю сам у себя: какой толк от этого родничка? Травы вдоль его «берегов» не накосишь, скотину на животноводческой ферме этой травой не накормишь; букет цветов, чтобы его можно было продать (за деньги), не соберёшь!

Что делать с этим родничком? Два варианта: Первый, завалить его мусором, чтобы был, как и вся окружающая территория, чтобы не мозолил глаза и не провоцировал на всякие ненужности.

Второй, помогать украшать землю, делать вместе с ним хорошие, и нужные дела!

...В своей статье (названной выше), полемизируя с Бурмистровым Б.В., я говорю о том, что мы должны улучшать качество выпускаемой печатной продукции, чтобы достойно занять свою нишу на книжном рынке, а не выглядеть бедными родственниками, демонстрируя на отдельных полочках скромненькие, маленькие книжечки.

В Прокопьевске «Кузбасспечать» принимает на реализацию в пределах 50-ти газет, продают половину. Из выручки 40% забирают себе. В Новокузнецке и таких возможностей нет, хотя торгуют газетами там две организации: «Вести «Ч» и «Роспечать». Обе соглашаются на сотрудничество только при условии предоплаты им около 20 тысяч рублей в месяц. Для больших столичных изданий, вроде «МК» в Кузбассе», такие условия приемлемы, для маленьких вроде моего, однозначно – нет! Получается, что сделать рентабельной деятельность моей литературной газеты, при моих возможностях и условиях, невозможно. Оттого и делать выпуски её более частыми и с большими тиражами, нет никакого смысла.

В Федеральном Законе «О СМИ», от 27.12. 1991 года, сказано: «...газеты, журналы, имеющие постоянное название, текущий номер и выходящие не реже одного раза в год» считаются действующими. Поэтому, как минимум – один номер в год, моей небольшой командой выпускается. Для поддержания и развития своего писательского уровня, уровня часто публикующихся в Альманахе авторов - по минимуму, достаточно! Но, прекращать деятельность редакции всё же нельзя. Поскольку ЛХГА «Усятская россыпь» несмотря на свою нерентабельность и сто процентную убыточность, зарекомендовала себя положительно ещё и как уникальное, многожанровое, литературно-художественное издание, являющееся и литературной школой для многих, начинающих заниматься литературным творчеством людей, из которых, возможно, вырастут и лауреаты престижных премий.

Закрыть газету Альманах легко. Противопоставить – нечего. Разве только жёлтую прессу, пропагандирующую безделье, разврат (завуалированный) и бездуховность.

С уважением!

Директор/гл. редактор А. Гуляев

04.12.2019 г.

г. Прокопьевск.